

мымъ не только опасности лишиться куска хлѣба, но, можетъ быть, гораздо большей, и притомъ безвинно? Ректоръ Кронебергъ не знаю почему, никогда мнѣ не благопріятствуетъ. Онъ безъ сомнѣнія много содѣйствуетъ тому, что на меня безирерывно возлагаютъ разныя обязанности, такъ, напримѣръ, весь іюнь мѣсяцъ я былъ депутатомъ отъ университета при экзаменахъ, происходившихъ въ пансіонахъ; теперь опять исправляю должность экзаменатора по историческимъ наукамъ для поступающихъ въ студенты, но я и не отказываюсь отъ этихъ должностей, коль скоро имѣю возможность исправлять ихъ. Артемовскій - Гулакъ равно дѣйствуетъ противъ меня, можетъ быть, завидуя бѣдной моей ученой извѣстности. По этой причинѣ и ревностная моя и усердная по институту благородныхъ дѣвицъ 9-лѣтняя служба осталась почти безъ всякаго вознагражденія! Умоляю ваше сіятельство принять мою участь подѣ непосредственное ваше покровительство — безъ этого меня принудятъ совсѣмъ оставить университетъ. Если не для меня, ибо я уже привыкъ ко всевозможнымъ бѣдственнымъ лишеніямъ, то по крайней мѣрѣ для пользы, которую я смѣю надѣяться принести службою царю и отечеству, ваше сіятельство, удостойте меня вашей защиты. Будьте тѣмъ моимъ благодѣтелемъ, котораго избираетъ чистая моя совѣсть. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и вѣчною преданностію имѣю счастье быть вашего сіятельства всенижайшій слуга Тихонъ Степановъ“ (22 сентября 1834 г.).

Попечитель гр. Ю. А. Головкинъ освободилъ проф. Степанова отъ возложенной на него совѣтомъ обязанности и назначилъ на его мѣсто проф. Маурера. Письмо проф. Т. Степанова представляетъ большой интересъ не только для характеристики печальнаго состоянія, въ которомъ находился въ это время мюнцъ-кабинетъ, котораго всѣ избѣгали, какъ чумы, но и для характеристики самого проф. Степанова и его отношеній къ членамъ совѣта и попечителю. Дѣйствительно, нельзя не признать страннымъ выборомъ въ хранители кабинета профессора политической экономіи, не имѣвшаго никакой подготовки къ возложенной на него обязанности. Быть можетъ, руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что и прежде эту обязанность несъ профессоръ дипломатики Даниловичъ. Но онъ занимался специально литовско-русскимъ и польскимъ правомъ и древностями и область нумизматики, въ особенности западно-русской, не была чужда ему. Проф. же Степановъ читалъ дипломатію и политическую экономію. На печальныя размышленія наводитъ тотъ фактъ, что среди тогдашнихъ профессоровъ Харьковскаго университета не было ни одного человѣка, который по собственной охотѣ взялъ бы въ свое вѣдѣніе такое замѣчательное учебновспомогательное учрежде-

ніе, какимъ былъ мюнцъ-кабинетъ и его приходилось навязывать лицу, къ нему совершенно равнодушному и неподготовленному; здѣсь нельзя не видѣть равнодушія профессоровъ къ учебно-преподавательской и ученой дѣятельности университета. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ попечителямъ округа приходилось употреблять энергическія мѣры воздѣйствія на профессоровъ для побужденія ихъ къ заботѣ объ этомъ кабинетѣ. Неудивительно, что одному изъ нихъ принадлежитъ руководящая роль и въ дѣлѣ пополненія нумизматической коллекціи: благодаря А. А. Перовскому, университетъ приобрѣлъ для мюнцъ-кабинета замѣчательную коллекцію Шпревитца. Онъ возбудилъ это дѣло, онъ велъ сношенія по поводу его съ академикомъ Френомъ и министерствомъ, извѣстилъ университетъ о приобретѣніи коллекціи и распорядился о выдачѣ за нее 10000 рублей изъ его хозяйственныхъ суммъ. Министру народнаго просвѣщенія кн. К. Ливену въ 1828 году А. А. Перовскій писалъ. „Мюнцъ-кабинетъ Харьковскаго университета, по рѣдкости и примѣчательности предметовъ, его составляющихъ, вообще заслуживаетъ особеннаго вниманія, но по неполнотѣ своей въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ не имѣетъ, такъ сказать, всей надлежащей цѣнности. Пополненіе этого недостатка, по моему мнѣнію, необходимо для пользы университета. Имѣя нынѣ случай приобрести отличное — преимущественно рекомендуемое Императорской академіи наукъ академикомъ Френомъ — собраніе восточныхъ монетъ доктора Шпревитца, коего музей столько извѣстенъ въ Европѣ, особенно въ Англіи, я считаю своимъ долгомъ испросить на это соизволенія вашей свѣтлости. Цѣна, за какую, по объясненію акад. Френа, можетъ быть уступлено сказанное собраніе монетъ, въ прилагаемомъ при этомъ каталогѣ обозначенныхъ, десять тысячъ рублей, которые полагалъ бы употребить изъ хозяйственной суммы Харьковскаго университета. И если таковое предположеніе мое удостоится одобренія вашей свѣтлости, то не благоугодно ли будетъ приказать снести съ упоминаемымъ академикомъ Френомъ, который принимаетъ на себя приобретѣніе означенныхъ монетъ для Харьковскаго университета и сношенія по этому предмету съ докторомъ Шпревитцемъ. Изъ послѣдне-полученной вѣдомости о суммахъ Харьковскаго университета за май мѣсяць этого года, видно, что къ 1 іюня оставалось при университетѣ хозяйственной суммы на лицо банковыми билетами 130000 рублей“. Министръ изъявилъ свое согласіе и попечитель увѣдомилъ объ этомъ академика Френа, который написалъ ему слѣдующее письмо. „Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего отъ 24 августа увѣдомилъ я доктора Шпревитца въ Москвѣ о томъ, что его свѣтлости г-ну министру угодно было изъяснить свое

согласіе на покупку у него восточнаго минцъ - кабинета для Харьковскаго университета, прося вмѣстѣ съ тѣмъ уложить его прочнымъ образомъ и отправить сюда, на чье имя ему угодно. Д-ръ Шпревитцъ прислалъ кабинетъ этотъ ко мнѣ 1½ мѣсяца тому назадъ, притомъ съ просьбою, чтобы продолженіе этого дѣла и принялъ на себя. Я бы тотчасъ увѣдомилъ ваше превосходительство о присылкѣ сюда этого кабинета, для принятія дальнѣйшихъ приказаній вашихъ, но счелъ за лучшее напередъ означенное собраніе проверить съ каталогомъ и донесеніемъ своимъ повременить, пока въ состояніи буду дать вашему превосходительству не только вѣрное въ разсужденіи его заключеніе, но еще донести и о перепискѣ, какая по случаю означенной проверки возникла между мною и хозяиномъ собственности въ пользу Харьковскаго университета. Проверяя этотъ кабинетъ съ особеннымъ стараніемъ и всевозможною точностію, мнѣ весьма пріятно сказать, что все собраніе его нашелъ я въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ согласіи съ принадлежащими къ нему систематическими каталогами; въ нѣкоторыхъ и то въ маломъ только числѣ номеровъ встрѣтилась небольшая разица. О такомъ обстоятельстве сообщилъ я въ тоже время д-ру Шпревитцу и къ счастью удалось ему большую часть ихъ найти у себя, исключая двухъ. Эти двѣ суть: III № 2, которая по каталогу значится монетою города Куфы лѣта 133, вмѣсто нея однако нашелъ я теперь того же мѣста монету, но только 132 года (слѣдовательно дубликатъ III № 1) и III № 130. За этотъ двойной недостатокъ я требовалъ отъ д-ра Шпревитца соразмѣрнаго вознагражденія. Вслѣдствіе этого онъ прислалъ ко мнѣ недавно доставшіяся ему найденныя монеты съ тѣмъ, чтобы я изъ нихъ выбралъ двѣ равнаго достоинства съ тѣми, которыхъ недостаетъ. При разборѣ новаго собранія этого, нашлось сверхъ того еще тридцать другихъ монетъ, которыя желательно бы приобрѣсти для Харьковскаго университета. Я изъявилъ желаніе объ этомъ д-ру Шпревитцу — и онъ охотно согласился уступить означенное собраніе университету. Сверхъ того д-ръ Шпревитцъ до отправления еще своего кабинета, вслѣдствіе сдѣланнаго ему отъ меня предложенія, изъявилъ свое согласіе присоединить къ означенному собранію и относящіеся къ значительному числу Джучидскихъ монетъ дубликаты, которые въ то время были еще у него и которые имѣютъ такое важное значеніе для Россіи. Этою то двойною добровольною уступкою приумножилось число собранія, которое по первому конспекту доходило числомъ до 1075, нынѣ возрасло до 1170; мнѣ весьма пріятно, что могу извѣстить ваше превосходительство о такомъ приращеніи. Впрочемъ, означенные дубликаты изъ числа Джучидскихъ монетъ при-

совокуплены къ собранію, къ которому онѣ собственно принадлежать и куда слѣдуетъ внести въ каталогъ; прочія (32) затѣмъ вновь поступившія монеты присовокупилъ я въ особомъ сверткѣ къ собранію, такъ какъ роспись имъ находится на особомъ мѣстѣ при каталогѣ. И если бы потребовалось включить ихъ по принадлежности, то въ этомъ не будетъ никакого затрудненія. Такимъ образомъ кабинетъ находится въ готовности къ отправленію, а такъ какъ д-ръ Шпревитцъ довѣряетъ мнѣ въ письмѣ, при этомъ приложенномъ, принять отъ имени его слѣдующія за это десять тысячъ рублей, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство увѣдомить въ свое время о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, какія его свѣлости благоугодно будетъ сдѣлать. Въ-стѣ съ состоящимъ нынѣ изъ 1170 монетъ собраніемъ, слѣдуетъ съ моей стороны доставить: 1) рукописный каталогъ ихъ, составленный мною въ 1827 году; 2) списокъ, сдѣланный д-ромъ Шпревитцемъ первыхъ 3-хъ классовъ каталога, гдѣ содержащіеся въ немъ монеты приводятся по порядку ихъ включенія; 3) составленный мною конспектъ этого собранія; 4) списокъ вновь поступившимъ тридцати двухъ монетъ и 5) изготовленный д-ромъ Шпревитцемъ экземпляръ сочиненія *De Musei Sprewitz'a Numis Kuficis. Petr., 1825, in-4°*. Въ заключеніе не могу не изъяснить предъ вашимъ превосходительствомъ удовольствія, какое нахожу въ томъ, что могъ упрочить и приобрести это прекрасное собраніе для такой страны, которой оно собственно и принадлежитъ, и потому двоякую должно приносить пользу, — собраніе столь богатое не только по рѣдкостямъ своимъ, но и по историческимъ достопамяностямъ, собраніе, которое въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ частяхъ, можно сказать, занимаетъ первое мѣсто послѣ кабинета нашей академіи. Откровенно сказать я опасался, чтобы оно не ушло въ чужіе края. Описаніе, сдѣланное мною въ вышеозначенномъ сочиненіи, о нѣкоторыхъ монетахъ изъ этого собранія, обратило на себя общее вниманіе. И дѣйствительно узналъ я изъ письма Шпревитца, что нѣкоторые спекулянты хотѣли было сprovадить его въ Англію. Извѣстно, какія поистинѣ страшныя назначены тамъ цѣны какъ на прочія древности, такъ и на медали и монеты и въ особенности на арабскія. Въ одномъ Лондонскомъ журналѣ за 1825 годъ написано, что въ Лондонѣ одна кувическая монета оцѣнена была во сто фунтовъ стерлинговъ, — цѣна неслыханная. Я весьма радъ, что д-ръ Шпревитцъ предпочелъ настоящее и вѣрное мечтательному и невѣрному. Харьковскому же университету съ приобретеніемъ этого кабинета не могу не пожелать счастья, и я увѣренъ, что извѣстный тамошній профессоръ восточныхъ языковъ Дорнъ будетъ почтеннаго своего попечителя искренно благодарить, что

попеченіемъ его сдѣлано столь важное для университета приобрѣтеніе“. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что академикъ Френъ описалъ восточныя монеты мюнцъ-кабинета Харьковскаго университета и такимъ образомъ имя его съ благодарностью должно быть помянуто въ этомъ послѣднемъ. Благодаря попечителю А. А. Перовскому мюнцъ-кабинетъ обогатился также коллекціей персидскихъ монетъ, отобранныхъ изъ персидской контрибуціи. По Высочайшему повелѣнію, доставлено было въ Харьковскій университетъ 8 золотыхъ и 5 серебряныхъ монетъ, оцѣненныхъ въ 3143 рублей асс. Это пожертвованіе было вызвано слѣдующимъ ходатайствомъ попечителя къ министру финансовъ Канкрину. „Извѣстная всѣмъ любовь къ наукамъ и отечественному просвѣщенію, столь многократными опытами вашимъ высокопревосходительствомъ доказанная, подаетъ мнѣ смѣлость утруждать васъ покорнѣйшею просьбою. Исполненіемъ ея вы окажете важную и незабвенную услугу Харьковскому университету, имѣющему честь считать васъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ. По порученію вашего высокопревосходительства академикъ Френъ, какъ я недавно узналъ, составилъ 4 собранія персидскихъ монетъ, уже поступившихъ въ Эрмитажъ, Академію наукъ, Публичную библіотеку и Горный корпусъ. Между тѣмъ, Харьковскій университетъ, имѣющій медальный кабинетъ, который послѣ здѣшняго академическаго, самый богатый и замѣчательный въ Европѣ, не воспользовался этимъ единственнымъ случаемъ обогатить свое собраніе и я къ крайнему сожалѣнію долженъ опасаться, что позднее ходатайство мое предъ вашимъ высокопревосходительствомъ теперь уже не можетъ быть успѣшно. При всемъ томъ, усердствуя къ пользамъ ввѣреннаго мнѣ университета, я рѣшился убѣдительноше просить васъ приказать доставить въ Харьковскій мюнцъ-кабинетъ, буде возможно, хотя остатки отъ тѣхъ богатыхъ коллекцій, которые поступили въ упомянутыя выше четыре заведенія. Смѣю льстить себя надеждою, что, покровительствуя всегда наукамъ, вы не откажетесь и въ настоящемъ случаѣ удостоить вниманія мою просьбу, если есть еще къ тому возможность“ (1823 г.). О другихъ приобрѣтеніяхъ замѣтимъ слѣдующее. 4 серебряныя древне-русскія гривны составляли часть клада, найденнаго въ Рязани, и были присланы въ Харьковскій университетъ по Высочайшему повелѣнію въ 1829 г.; другіе экземпляры отправлены были въ Нѣжинскій лицей и гимназіи. Серебряныя копѣйки Михаила Ѳеодоровича, полученные мюнцъ-кабинетомъ въ 1825 году, составляли часть клада, найденнаго въ кубышкѣ близъ Москвы. Императрица Елисавета Алексѣевна пожертвовала университету 19 золотыхъ медалей, 22 серебряныхъ и 40 мѣдныхъ (а не 13 серебряныхъ и 37 мѣдныхъ,

какъ сказано у Фойгта). Въ 1825 году всѣхъ предметовъ въ нумизматическомъ кабинетѣ было по одному свѣдѣнію 13000, а по другому—14563 штуки; по отчету 1828 года въ кабинетѣ было до 15000 предметовъ; между восточными, описанными Френомъ, были магометанскія, грузинскія, армянскія, индійскія, японскія и китайскія; между ними Френъ нашелъ 15, еще никѣмъ тогда не описанныхъ. Въ концѣ 1833 года нумизматическій кабинетъ заключалъ въ себѣ 18104 монеты и медали цѣною въ 13545 руб.; въ январѣ 1835 года въ немъ находилось 18417 монетъ и медалей, на ту-же сумму. Число предметовъ возросло, а цѣнность кабинета не увеличилась, потому что всѣ вновь поступившія монеты были пожертвованы, а таковыя повидимому вообще въ оцѣнку не входили. Мы знаемъ, что за коллекцію Шпревитца было заплачено 10000 р., но Чичаговская коллекція, послужившая основнымъ ядромъ кабинета, была пожертвована и, слѣдовательно, въ оцѣнку не входили. Такимъ образомъ, дѣйствительная стоимость нумизматическаго кабинета была гораздо болѣе указанной выше суммы.

Особымъ обиліемъ кабинетовъ отличался физико-математическій факультетъ. *Физическій кабинетъ* въ первое десятилѣтіе пополнялся довольно усердно и на него затрачены были значительныя суммы—болѣе 12000 руб. асс. Въ изучаемый нами двадцатилѣтній періодъ времени приобрѣтено было въ него предметовъ, какъ это видно изъ книги Фойгта, менѣе чѣмъ на 2000 руб. асс. Другими словами, кабинетъ въ это время пришелъ въ упадокъ. Очевидно, что смѣнявшій проф. Стойковича, проф. Комлишинскій мало заботился объ его преуспѣяніи; припѣшникомъ при немъ былъ Питра. Въ 1826 году въ физическомъ кабинетѣ было 467 машинъ и инструментовъ, въ 1829 году—450, въ 1834 г.—449 на 13920 руб. 95 коп., въ томъ числѣ къ общей физикѣ относились 24 прибора, теоріи свѣта—78, электричеству—90, гальванизму—28, магнетизму—11, звуку—15, теплотѣ—30, ученію о газахъ—8, механикѣ—135. Въ теченіе всего 1834 года не поступило въ кабинетъ ни одного новаго прибора ¹⁾.

Астрономическій кабинетъ и обсерваторія имѣли еще болѣе печальную судьбу. Съ выѣздомъ проф. Гута изъ Харькова (въ 1811 г.) онъ было вовсе и профессора астрономіи до 1824 г., когда эту кафедру занялъ Затеппинскій. При немъ устроена была вмѣсто 1-й извѣстной намъ Гутовской обсерваторіи новая надъ входомъ въ университетскую церковь; одна стѣна ея при постройкѣ рушилась, а затѣмъ она пови-

¹⁾ Я просмотрѣлъ рядъ архивныхъ дѣлъ, специально относящихся къ физическому кабинету, но не нашелъ въ нихъ ничего, особенно важнаго (Д. прав. № 1189/56, 338/64, 1011/46, 2225/135).

димоу, совсѣмъ не функціонировала; ни одинъ изъ большихъ инструментовъ въ ней не могъ быть установленъ и она была уничтожена въ 1833 году. Находилась она на проѣзжей улицѣ и была негодна для наблюдений. Не лучше было и состояніе инструментовъ, составлявшихъ астрономическій кабинетъ. Они не почиались, не устанавливались за все время профессорства Затеplinскаго (по 1834 г.); онъ не производилъ никакихъ наблюдений, не выписывалъ для кабинета ни одной книги и принялъ только выписанныя изъ Англіи 2 большіе инструмента—*полуденную трубу* и *стѣнный кругъ*. Первая была получена въ 1829, а второй въ 1833 году. Когда же правленіе университета потребовало отъ Затеplinскаго описанія его, онъ отвѣтилъ, что сдѣлать этого не можетъ „потому что сей инструментъ астрономическій ему совершенно не извѣстенъ“. Въ объясненіе этого нужно сказать, что Затеplinскій чуть ли не со времени назначенія своего профессоромъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ. „Такимъ образомъ окончилась, говорить проф. Г. В. Левицкій, печальная эпопея пріобрѣтенія Харьковскимъ университетомъ большихъ и дорогихъ инструментовъ (полуденная труба стоила около 15000 р. асс.) для обсерваторіи, которая не существовала и которой не предполагали тогда устраивать. Конечно, въ этомъ менѣе всего можно винить начальство университета. Правленіе университета поспѣшило употребить свободныя денежныя суммы на обезпеченіе какъ преподаванія, такъ и ученыхъ работъ по астрономіи, рассчитывая для занятія каѳедры по этой спеціальности на кандидата, рекомендованнаго выдающимися иностранными учеными. Но роковая случайность сдѣлала безплодными благія и имѣвшія казаться всѣ виды на успѣхъ начинанія Харьковского университета. Прекрасные для своего времени инструменты перележали свой вѣкъ въ ящикахъ и постепенно пришли въ негодность, доставивъ неосуществившейся тогда Харьковской университетской обсерваторіи печальную извѣстность между русскими астрономами“¹⁾ Преемникъ Затеplinскаго по каѳедрѣ проф. Шагинъ принялъ въ свое вѣдѣніе астрономическій кабинетъ въ 1834 г., причемъ оказалось, что у полуденной трубы одни части были утеряны, другія попорчены; тѣ-же недостатки оказались и у недавно полученнаго стѣннаго круга. Шагинъ „хлопоталъ о новомъ помѣщеніи для астрономическаго кабинета, имущество котораго распредѣлено было повидимому до сихъ поръ между предметами кабинета физическаго. Правленіе назначило для этой цѣли аудиторію, что напротивъ физиче-

¹⁾ Астрономы и астрон. обсерваторія Харьк. универс. отъ 1808 по 1842 годъ (Зан. Ими. унив. 1893, III, стр. 30).

скаго кабинета". Часть предметовъ Шагинъ представилъ къ исключенію, часть отдалъ въ починку, нѣкоторые новые выписалъ ¹⁾).

При Шагинѣ же въ 1835 г. происходило характерное дѣло о постройкѣ временной обсерваторіи. „Шагинъ, говоритъ профессоръ Г. В. Левицкій, нашелъ въ Харьковѣ новые и дорогіе астрономическіе инструменты, но не нашелъ никакой обсерваторіи. Естественно было, поэтому, ожидать, что одной изъ первыхъ заботъ новаго профессора будетъ устройство обсерваторіи, на первое время хотя бы достаточной для производства наблюдений переносными инструментами и для практическихъ занятій со студентами. И дѣйствительно, уже съ весны 1835 г. возникаетъ дѣло объ устройствѣ при Харьковскомъ университетѣ астрономической обсерваторіи. Чрезвычайно страннымъ, при этомъ, представляется, однако, то обстоятельство, что, судя, какъ по бумагамъ университетскаго архива, такъ и по сохранившимся бумагамъ Шагина, инициатива этого предпріятія исходила, повидимому, не отъ Шагина, а непосредственно отъ помощника попечителя учебнаго округа графа Панина. Панинъ поручилъ архитектору Тону составить планъ и фасадъ въ дополненіе смѣты, составленной на постройку временной обсерваторіи". Въ тоже время Шагинъ получилъ отъ графа Панина предписаніе избрать удобнѣйшее мѣсто „для постройки временной деревянной обсерваторіи въ Англійскомъ саду, не теряя впрочемъ изъ вида, *чтобы самое выоднѣйшее и удобнѣйшее мѣсто было оставлено для постоянной обсерваторіи*". Однако, дѣло это, видно, начато было не въ добрый часъ. Шагинъ весьма быстро нашелъ удобное мѣсто гдѣ-то „черезъ дорогу противу каменнаго дома въ Англійскомъ саду". Назначены были торги „на выстройку" обсерваторіи, но, не смотря на то, что объ этихъ торгахъ сдѣлано было „съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе", на торги никто не явился. Послѣ того дважды еще назначались торги и дважды, „учи-
нялся" вызовъ желающихъ торговаться черезъ полицію, но оба раза одинаково безуспѣшно. Тѣмъ временемъ, архитекторъ, справившись съ планомъ университетской земли, донесъ, что выбранное Шагинымъ для обсерваторіи мѣсто университету вовсе не принадлежитъ. Поэтому правленіе поручило Шагину найти новое мѣсто для обсерваторіи. Кромѣ того, ректоръ заявилъ правленію, что обыватель Половинченко, обязавшійся „на многія въ университетѣ подѣлки", берется построить обсерваторію, но не изъ дерева, котораго у него теперь нѣтъ и вскорѣ достать невозможно, а изъ кирпича. Составленная архитекторомъ новая смѣта показала, что каменная башня съ вращающимся деревяннымъ верхомъ обойдется въ 999 р. 96 к. асс., т. е. всего на 47 коп. дороже

¹⁾ Ibidem, стр. 49.

деревянной. Вышеупомянутое порученіе сдѣлано было Шагину 25 іюня, 30-го же того же мѣсяца онъ представилъ правленію весьма странный рапортъ, въ которомъ просилъ указать ему цѣль, для которой будетъ строиться обсерваторія, т. е. предназначается ли она для опредѣленія географической широты и долготы и для опредѣленія времени и полуденной линіи, или же для того, чтобы „дѣлать въполнѣ астрономическія наблюденія такъ, какъ слѣдуетъ на постоянныхъ обсерваторіяхъ“ и т. д. въ такомъ родѣ, какъ будто Шагинъ въ первый разъ услышалъ, что въ Харьковѣ думаютъ строить обсерваторію. Затянулась, понятно, новая переписка. Къ тому же Половинченко, „при всемъ убѣжденіи гг. членовъ правленія“, не согласился производить постройку иначе, какъ съ уплатою ему 999 р. ассигнаціями и мѣдною монетою пополамъ. Правленіе въ виду наступающаго осенняго времени вынуждено было согласиться на эту цѣну. Безконечная канцелярская волокита, очевидно, надобѣла помощнику попечителя, поэтому онъ, 8 августа, предписалъ непосредственно Шагину, вмѣстѣ съ Тономъ, немедленно заняться приготовленіемъ матеріаловъ для постройки временной обсерваторіи на городской землѣ, противъ дома, назначеннаго для типографіи, за университетскимъ садомъ (т. е. повидимому, на прежде избранномъ Шагинымъ мѣстѣ). Шагинъ, однако, съумѣлъ отдѣлаться отъ исполненія распоряженія Панина, доведя объ немъ до свѣдѣнія правленія и прося у послѣдняго „начальническаго распоряженія на счетъ предполагаемой постройки“. Дѣло опять благополучно затянулось, хотя Панинъ требовалъ немедленнаго начала постройки и даже приказалъ окончить ее къ 28 сентября, предписать Шагину и Тону слѣдить за постройкой. Только 17 августа Шагинъ, „вникнувъ съ принадлежащимъ вниманіемъ въ рекомендуемое мнѣ (Шагину) занятіе и желая съ точностью исполнить намѣренія начальства“, представилъ свой собственный, весьма плохо составленный по руководству Pearson'a, планъ временной обсерваторіи, предназначенной для помѣщенія въ ней полуденной трубы Траутона, повторительнаго круга и двухъ часовъ. Конечно, нечего было и думать начать въ текущемъ году постройку по новому плану, который предстояло еще разработать въ деталяхъ архитектуру. Поэтому естественнымъ концомъ безплодной переписки о временной обсерваторіи было предписаніе попечителя „оставить дѣло сіе безъ дальнѣйшаго производства“. Къ сожалѣнію, Шагинъ показалъ себя въ этомъ дѣлѣ ловкимъ канцелярскимъ чиновникомъ, но никакъ не профессоромъ астрономіи“.

Къ 1-му января 1835 года въ астрономическомъ кабинетѣ было 30 инструментовъ на 27037 руб. асс.

Существовалъ еще одно время *математическій кабинетъ* или, точнѣе говоря, собраніе *математическихъ инструментовъ*. Въ 1829 году въ немъ было 28 инструментовъ, къ 1 января 1835 г.—25 на 2457 р. Слѣдовательно, не только не было никакой прибыли, а наоборотъ, пришлось, вѣроятно, исключить нѣкоторые предметы за негодностью. Инструменты эти были переданы въ 1834 г. въ вѣдѣніе адъютанта Шагина, потому что по характеру своему подходили къ астрономическимъ. Быть можетъ, они составляли часть коллекціи, пріобрѣтенной нѣкогда отъ проф. Гута.

Технологическій кабинетъ былъ очень убогъ. Онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ моделей машинъ, относящихся къ промышленности и механикѣ. Съ 1814 по 1833 годъ число предметовъ въ немъ равнялось 103. Въ 1829 г. въ немъ было 89 моделей. Съ 1814 г. имъ завѣдывалъ проф. Архангельскій (послѣ Нельдехена), съ 1826 г.—преподаватель технологіи Дьяченко. Въ 1831 г. проф. Байковъ просилъ содѣлать выпискѣ изъ заграницы для него сельско-хозяйственныхъ машинъ и моделей на 2000 руб. Попечитель высказался въ пользу этого ходатайства, но министръ кн. Ливень отклонилъ его ¹⁾. Къ 1 января 1835 г. въ немъ было 103 модели на 1909 руб.

Кабинетъ рѣдкостей, который входитъ въ составъ нынѣшняго музея изящныхъ искусствъ, тогда не существовавшего, состоялъ при технологическомъ кабинетѣ и составлялъ его особый отдѣлъ. Какъ мы знаемъ, онъ былъ основанъ въ 1807 году и заключалъ ничтожное количество предметовъ древностей и этнографіи. Въ 1829 г. въ немъ было 73 предмета рѣдкостей, къ 1 января 1835 г.—103 предмета. Всѣ они были пріобрѣтены путемъ пожертвованій. Завѣдывалъ имъ въ 1834 г. кандидатъ Дьяченко.

Химическая лабораторія, основанная въ 1804 году, оставалась, по видимому, безъ перемѣнъ. Послѣ Швауберта, Гизе и Комлишинскаго въ весь изучаемый періодъ завѣдывалъ ею профессоръ Сухомлиновъ. Къ 1 января 1835 года въ ней было снарядовъ и инструментовъ 143 на 509 р., посуды 545 штукъ на 1910 р., разныхъ вещей и мебели на 26 р. Съ основанія до 1825 года на нее затрачено было 9184 р. Въ 1830 году для нея было получено изъ Петербурга значительное количество разныхъ стеклянныхъ и фарфоровыхъ приборовъ на 700 руб. и сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію, согласно ходатайству управляющаго департаментомъ горныхъ дѣлъ Е. В. Карнѣева (бывшаго попечителя), отпущено въ даръ изъ лабораторіи горнаго корпуса нѣсколько латиновыхъ приборовъ на 313 руб. Химическая лабораторія не могла

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1549/89.

похвалиться своимъ помѣщеніемъ, какъ это видно изъ рапорта проф. Сухомлинова 1818 года; онъ писалъ, что въ лабораторіи подлѣ навѣса, подъ которымъ находятся печи, во время дождя всегда бывала течь и съ потолка падала штукатурка, угрожавшая цѣлости стеклянной посуды; въ виду этого онъ просилъ объ исправленіи крыши и штукатурки¹⁾. Работы въ ней происходили. Проф. И. П. Осиповъ предполагаетъ, что химическая лабораторія искони помѣщалась въ томъ корпусѣ, гдѣ находится и въ настоящее время²⁾. „Перенесеніе лабораторіи изъ одного мѣста въ другое, говоритъ проф. И. П. Осиповъ, представило бы настолько крупное событіе, что, вѣроятно, сравнительно легко можно было бы разыскать слѣды этого“. Изъ представленныхъ мною ранѣе данныхъ о постройкахъ видно, что въ 1834 году химическая лабораторія дѣйствительно помѣщалась приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и нынѣ, занимая тамъ 3 комнаты. Но корпусъ этотъ былъ выстроенъ только въ 1823 году, слѣдовательно, до 1823 года химическая лабораторія помѣщалась не въ этомъ корпусѣ, но гдѣ, въ точности неизвѣстно—въ одномъ изъ тѣхъ зданій, которыми располагалъ университетъ до постройки новыхъ корпусовъ.

Гораздо лучше обставлены были учебновспомогательныя учрежденія, относящіяся собственно къ естественно-историческому отдѣленію физико-математическаго факультета — зоологическій, минералогическій, ботанический кабинеты и ботанический садъ. Они служили предметомъ особыхъ заботъ и вниманія попечителей округа, можетъ быть, потому что должны были быть доступны и для широкой публики и создавали въ нѣкоторомъ родѣ репутацію университету.

Зоологическій кабинетъ находился до 1816 года въ завѣдываніи проф. Делявина, а съ 1816 года онъ ближайшимъ образомъ былъ порученъ въ наблюденіе казеннокоштному студенту В. М. Черняеву³⁾, который, однако, скоро отправился въ продолжительную заграничную командировку, и имъ продолжалъ (чисто формально) завѣдывать тотъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1343/64; отчеты за 1830 и 1834 годы (рукописные).

²⁾ „Изъ прошлаго химической лабораторіи Харьк. университета“, стр. 9—10.

³⁾ В. М. Черняевъ, будучи казеннокоштнымъ студентомъ, занималъ въ то-же время официально должность *смотрителя* зоологическаго кабинета и получалъ сначала за это 150 руб., а потомъ, когда сталъ самъ готовить чучелъ для него, 300 руб., т. е. столько же, сколько и его предшественникъ—преподаватель фехтовальнаго искусства Ледюкъ. И дѣйствительно, оказывается, что онъ сдѣлалъ за нѣсколько мѣсяцевъ 20 чучелъ млекопитающихъ и птицъ и собралъ за одну весну и лѣто болѣе 1000 насекомыхъ и нѣсколько экземпляровъ земноводныхъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1232/58).

же Делявинъ, интересовавшійся одной ботаникой. Такъ дѣло продолжалось до назначенія на постъ попечителя Е. В. Карнѣева (въ 1822 г.).

Попечитель Е. В. Карнѣевъ, осмотрѣвъ учебновспомогательныя учрежденія университета, нашелъ ихъ въ очень печальномъ положеніи, въ особенности зоологическій, минералогическій, минцъ-кабинетъ и бібліотеку. Они не имѣли даже полныхъ описей. Въ виду этого, онъ распорядился о скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ надлежащій видъ и составленіи имъ описей. Въ 1823 году все устройство должно было быть закончено; въ противномъ случаѣ профессора, въ вѣдѣніи которыхъ они находились, должны были подлежать отвѣтственности. Проф. Делявинъ, завѣдывавшій зоологическимъ кабинетомъ, на вопросъ попечителя, почему нѣтъ описи, сослался на отсутствіе необходимыхъ для этого книгъ. Поэтому университетъ долженъ былъ, по предписанію попечителя, изслѣдовать, насколько это заявленіе было основательно, и по возможности его удовлетворить. Министру народнаго просвѣщенія Е. В. Карнѣевъ послалъ планъ новыхъ университетскихъ построекъ, изъ коихъ одинъ корпусъ, уже отстроенный, предназначалъ для кабинетовъ и предлагалъ для этого сдѣлать въ немъ нѣкоторые измѣненія (изъ малыхъ комнатъ сдѣлать залы). Благоустройство кабинетовъ подвигалось медленно, и попечитель обратился съ новымъ предписаніемъ, въ которомъ требовалъ: 1) чтобы совѣтъ университета поручилъ одному изъ своихъ членовъ освидѣтельствовать, что было сдѣлано по части благоустройства въ каждомъ кабинетѣ со времени его перваго предложенія, и увѣдомить объ этомъ попечителя, для донесенія высшему начальству; 2) доставлять впредь ежемѣсячныя свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла; 3) строжайше наблюдать, чтобы немедленно всѣ вещи въ кабинетахъ были порядочно разложены, дабы по крайней мѣрѣ ихъ можно было обозрѣвать безъ затрудненія (для этого подѣлать шкафы подъ стекломъ, прибавить столы); 4) повсюду сохранять чистоту и опрятность (стирать пыль и паутину).

Совѣтъ поручилъ произвести осмотръ проф. Книгину, который о зоологическомъ кабинетѣ далъ такой отзывъ. „Животныя находятся въ немъ безъ всякаго систематическаго порядка и имъ нѣтъ никакого каталога. Проф. Делявинъ объяснилъ, что у него онъ дома, но ни у него, ни въ бібліотекѣ нѣтъ необходимыхъ для точнаго опредѣленія животныхъ книгъ. Но такъ какъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ шкафахъ стоятъ вмѣсто amphibia, mollusca, insecta, то совѣтовалъ ему по крайней мѣрѣ расположить по классамъ животныхъ, на что онъ отвѣтилъ, что расположить весь кабинетъ по системѣ Кювье и приведетъ его въ порядокъ не долѣе какъ черезъ 6—8 мѣсяцевъ; необходимыя же посо-

бія онъ своевременно будетъ просить у правленія. Самые предметы и чистота находятся въ удовлетворительномъ состояніи⁴. Попечитель, получивъ этотъ отчетъ, отозвался о немъ такъ. „Изъ этого донесенія я усматриваю, что кабинеты находятся въ такомъ же состояніи, какъ и прежде, и только чище содержатся. Но не могу я положиться на обѣщаніе проф. Книгина объ упорядоченіи зоологическаго кабинета, ибо, несмотря на многократныя предписанія предметника моего, несмотря на постоянныя мои напоминанія, этотъ кабинетъ до сихъ поръ остается въ прежнемъ видѣ. Посему я считаю себя обязаннымъ вновь строжайше подтвердить профессору Делявину и независимо отъ того поручить прислѣщику Пятрѣ—приложить всевозможное стараніе о лучшемъ содержаніи и устройствѣ кабинета, а такъ какъ въ скоромъ времени долженъ возвратиться изъ заграницы лѣкаръ Черняевъ, занимающійся ботаникой и зоологіей, то теперь же постановить, въ виду старости проф. Делявина, чтобы Черняевъ, по прибытіи своемъ, немедленно принялъ его въ полное свое заведѣваніе, вмѣнивъ ему въ обязанность привести его въ порядокъ, сдѣлать всѣмъ предметамъ его въ скорѣйшемъ времени описаніе и содержать въ наилучшемъ видѣ“¹⁾.

Будучи по специальности ботаникомъ и заботясь о созданіи ботаническаго кабинета, В. М. Черняевъ, однако, заботился также и о развитіи зоологическаго кабинета. Въ своей запискѣ въ совѣтъ онъ писалъ: „Обращая всевозможное вниманіе и на зоологію, я нахожу, что зоологическій кабинетъ есть первое условіе для доставленія этой наукѣ должнаго хода. Изъ моего проекта объ улучшеніи зоологическаго кабинета ясно усматривается, что собственно для этой одной науки необходимо имѣть профессора съ адъюнктомъ и препаратора съ помощникомъ, образованныхъ заграницей. Какимъ образомъ приготовить къ этому кого-либо изъ своихъ достойнѣйшихъ воспитанниковъ—это самое важное дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть счастливый успѣхъ распространенія этой отрасли естественныхъ наукъ, доселѣ оказавшей столь малые успѣхи въ нашемъ отечествѣ. Опытность, пріобрѣтенная мною во время путешествія, даетъ мнѣ право надѣяться, что и по этой части своими совѣтами и, какъ бы сказать, нѣкоторымъ вліяніемъ на зоологическій кабинетъ, я могу быть полезнымъ, особенно же для внушенія вкуса и охоты въ питомцевъ нашего университета и въ руководствѣ при путешествіяхъ, необходимыхъ по этой части въ разныхъ провинціяхъ южной Россіи. А посему изъ предыдущаго явствуетъ, что я долженъ принять зоологическій кабинетъ въ свое вѣдѣніе только на время; когда же окажутся изъ воспитанниковъ университета способные исправ-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 930/50.

лять эту возложенную на меня должность и предварительно образованные для нея, то я долженъ буду просить совѣтъ объ увольненіи меня отъ нея. Худое состояніе нашего кабинета требуетъ теперь того, чтобы безъ дальнѣйшаго отлагательства приступить къ улучшенію его и начать производство нѣкоторыхъ зоологическихъ операцій, особенно наступающею весною, и для этого необходимо опредѣлить въ зданіи университета нѣсколько комнатъ, въ которыхъ бы помѣщалась зоологическая лабораторія съ печью для истребленія въ чучелахъ моли и въ которыхъ я самъ могъ бы жить, дабы тѣмъ удобнѣе возможно было руководствовать студентовъ, желающихъ работать по зоологіи и предаваться таксидермическимъ занятіямъ, а что такія занятія будутъ не безъ пользы для зоологіи—то я уже не одинъ разъ испыталъ на опытѣ ревность моихъ учениковъ, способствующихъ общей пользѣ, до моего заграничнаго путешествія; на нихъ же и теперь я возлагаю всю свою надежду“.

Вслѣдъ за этимъ В. М. Черняевъ представилъ совѣту проектъ объ улучшеніи зоологическаго кабинета такого содержанія. „Честъ имѣю представить совѣту краткое изложеніе способовъ, какъ улучшить зоологическій кабинетъ нашего университета, находящійся въ столь печальномъ положеніи. Зоологическій кабинетъ можетъ быть улучшенъ слѣдующими способами. 1) Чрезъ покупку въ чужихъ краяхъ важнѣйшихъ иностранныхъ животныхъ. 2) Чрезъ доставленіе пособій учителямъ естественной исторіи въ гимназіяхъ, какъ собирать животныхъ, находящихся особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ университетскаго округа, дабы они не только имѣли наставленія, но и извѣстную сумму денегъ, потребную на разные экскурсіи и зоологическія приготовленія ¹⁾. Учителямъ гимназій должны быть даны списки недостающихъ въ зоологическомъ кабинетѣ животныхъ, которые въ извѣстныхъ губерніяхъ находятся; за исправное же доставленіе во множествѣ такихъ интересныхъ предметовъ положить особенное вознагражденіе ²⁾. 3) Чрезъ путешествія, нарочью совершаемыя въ интереснѣйшихъ частяхъ Россіи, кабинетъ получить значительное приращеніе изъ отечественныхъ произведеній, коими преимущественно долженъ быть снабженъ всякій зоологическій

¹⁾ Наставленія, данныя по этой части правительствомъ для веденія записокъ по зоологіи, содержать въ себѣ также и правила, какъ собирать животныхъ; къ этимъ наставленіямъ, однако, можно сдѣлать нѣкоторыя прибавленія

²⁾ Хотя на настоящихъ учителей гимназій на первый разъ и нельзя много надеяться, однако не слѣдуетъ лишиться себя надежды дѣлать и впредь чрезъ нихъ какія либо приращенія въ зоологическомъ кабинетѣ изъ разныхъ провинцій, особенно же когда имъ впоследствии времени даны будутъ лучшія пособія усовершенствовать себя въ зоологіи.

кабинетъ, какъ потому что познаніе національныхъ предметовъ предпочтительнѣе прочихъ, такъ и потому что чрезъ дулеты всегда можно взаимно получить множество самыхъ дорогихъ животныхъ изъ чужихъ краевъ, что уже и не одинъ разъ имѣлъ случай узнать на опытѣ. Такія путешествія вообще полезны для университета, ибо они образуютъ его воспитанниковъ для зоологіи и притомъ сопряжены съ меньшими издержками (чѣмъ покупка). Подготовленный такими путешествіями воспитанникъ и имѣющій уже съ собою запасъ интересныхъ отечественныхъ предметовъ, если будетъ отправленъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ зоологическихъ занятіяхъ въ чужіе края, то безъ сомнѣнія окажетъ прочные успѣхи въ наукѣ и получитъ ревность къ описанію національныхъ открытій, что и сдѣлаетъ его русскимъ зоологомъ, каковыхъ еще доселѣ, къ сожалѣнію, въ отечествѣ нашемъ почти не имѣется ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что путешествія, ежегодно предпринимаемыя въ полуденныхъ (южныхъ) частяхъ Россіи университетскаго округа, и особенно въ Астрахани и на Кавказѣ, будутъ весьма способствовать обогащенію кабинета, однако же съ гораздо большею надеждою можно предпринять путешествіе въ отдаленныя части Сибири, какъ вслѣдствіе удобства изслѣдованія этихъ краевъ, такъ и по причинѣ большаго пространства областей, всегда изобилующихъ разнородными произведеніями, доказательствомъ чего служатъ успѣшныя путешествія знаменитыхъ натуралистовъ—Палласа, Лепехина и пр. 4) Но всѣ вышеупомянутыя средства дѣлать пріобрѣтенія для зоологическаго кабинета окажутся мало дѣйствительными, если университетъ не сочтетъ нужнымъ отправить изъ способнѣйшихъ воспитанниковъ своихъ имѣющаго ученое званіе для усовершенствованія его въ таксидерміи ²⁾, такъ чтобы онъ могъ по правиламъ этого искусства готовить для кабинета и самыхъ большихъ животныхъ, какъ-то: слоновъ, верблюдовъ, буйволовъ, дикихъ лошадей, оленей и тому подобныхъ, что сопряжено съ немалыми затрудненіями и издержками. Въ университетѣ нашемъ тотъ, кто занимается приготовленіемъ чучелъ, именуется приспѣшникомъ при зоологическомъ кабинетѣ и получаетъ только 300 рублей изъ экономической суммы, что никогда не въ состояніи заохотить студента съ особенными дарованіями вступить въ эту невыгодную должность. Почему и необхо-

¹⁾ Только такія практическія занятія, требующія безпрерывной дѣятельности, могутъ предостеречь молодыхъ русскихъ путешественниковъ отъ развлеченій, столь свойственныхъ всѣмъ столицамъ, кои кажется и причина того, что мы доселѣ имѣемъ мало своихъ естествоиспытателей.

²⁾ Taxidermie est l'art de preparer, monter et conserver les animaux; таѣс—ordre, arrangement; бѣрра — peau.

димо это жалованье увеличить и, дабы онъ не имѣлъ нужды искать двухъ должностей, какъ то обыкновенно теперь бываетъ, обезпечить его квартирою и замѣнить даже само названіе приспѣшника другимъ какимъ-либо названіемъ—преparatorъ, таксидермистъ или таксидермикъ или инымъ приличнымъ, и это болѣе заинтересуетъ молодыхъ людей къ поступленію на данную весьма трудную и требующую много терпѣнія должность ¹⁾. Таковому препаратору, имѣющему ученое званіе и считающемуся въ числѣ чиновниковъ, или адъюнкту необходимо имѣть при себѣ одного или двухъ помощниковъ ²⁾ на жалованьѣ или по крайней мѣрѣ должно опредѣлить извѣстную сумму для награжденія воспитанниковъ за каждый хорошо ими сдѣланный зоологическій препаратъ, что незамѣтно приучитъ студентовъ къ трудамъ и произведетъ въ нихъ охоту заводить кабинеты для своего удовольствія. Изъ такихъ то питомцевъ университета можетъ надѣяться имѣть самыхъ лучшихъ учителей естественной исторіи для гимназій, которые впоследствии и будутъ весьма много способствовать обогащенію зоологическаго кабинета. 5) Изъ предыдущаго явствуетъ, что обо всемъ вышеизложенномъ дѣятельное попеченіе одного изъ самыхъ опытныхъ и знающихъ профессоровъ совершенно необходимо, какъ для непрерывныхъ сношеній съ иностранными кабинетами, дабы употреблять въ пользу дуплеты изъ отечественныхъ животныхъ, такъ и для успѣшнѣйшаго распространенія науки во всемъ учебномъ университетскомъ округѣ. Слѣдовательно, эти обширныя и дѣятельности требующія занятія никоимъ образомъ не допускаютъ, чтобы профессоръ зоологіи отвлекался другими частями естественной исторіи, напримѣръ, ботаникою, какъ положено въ уставѣ Харьковскаго университета, изъ коихъ каждая часть, дабы имѣть надлежащій ходъ, требуетъ особенныхъ попеченій. 6) Постройка зоологической лабораторіи съ запаснымъ магазиномъ, которой раньше никогда не было, необходима какъ для болѣе удобнаго производства зоологическихъ операцій, такъ и для истребленія въ чучелахъ моли посредствомъ печи, для этого нарочито устроенной. 7) Особенное устройство шкафовъ по образцу Вѣнскаго зоологическаго кабинета будетъ сильно

¹⁾ Если зоологическаго препаратора сдѣлать адъюнктомъ зоологіи и поручать ему преподавать одну часть зоологіи, напримѣръ, энтомологію, то это еще больше послужитъ поощреніемъ къ такимъ занятіямъ. Въ иностранныхъ университетахъ по большей части находятся два и болѣе профессора зоологіи.

²⁾ Нужда въ помощникахъ наиболѣе ощутительна при теперешнемъ положеніи зоологическаго кабинета, ибо наибольшая часть чучелъ, зараженныхъ молью и попорченныхъ сыростью, должна быть выброшена и замѣнена новыми, для чего и нужно будетъ каждую весну дѣлать зоологическія экскурсіи около Харькова и въ уѣздахъ, на что также потребна сумма денегъ, особенно на принадлежности, нужныя для охоты.

способствовать предохраненію животныхъ отъ порчи молью и пылью. NB. Нельзя также оставлять безъ вниманія и того, что въ Вѣнскомъ кабинетѣ, какъ наилучшемъ изъ Европейскихъ, имѣются печи для поддержания всегда сухой температуры воздуха, и въ нихъ, особенно для нашего вновь отстроеннаго кабинета имѣется крайняя нужда.

Итакъ, если все вышепредложенное можетъ быть приведено въ дѣйствіе, то теперь остается намъ приступить къ началу и, во-первыхъ, стараться всячески посредствомъ преподаваній поселить въ воспитанникахъ Харьковскаго университета вкусъ къ естественной исторіи, избрать достойнѣйшихъ изъ нихъ и съ особенною склонностью къ этой наукѣ, образовывать ихъ сколько возможно болѣе въ зоологической практикѣ и такимъ образомъ приготовить ихъ къ путешествію по Россіи и потомъ уже, какъ выше сказано, съ запасомъ отечественныхъ произведеній отправить въ чужіе края, отъ чего, какъ кажется, и будетъ зависѣть весь успѣхъ предположеннаго улучшенія зоологическаго кабинета, а еще болѣе и самой науки, столь важной для отечественной славы. Съ своей стороны, несмотря на то, что посвящаю всю жизнь свою одной ботаникѣ, имѣя на то причины, касающіяся общественной пользы, я, сколько силъ достанетъ во мнѣ, споспѣшествовать буду такимъ занятіямъ, стараюсь не только показать легчайшіе способы, какъ запастись для зоологическаго кабинета животныхъ, но въ случаѣ нужды и самъ буду сопутствовать молодыхъ путешественниковъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время въ не столь отдаленныя губерніи университетскаго округа, подамъ имъ собственный примѣръ, и когда они пріобрѣтутъ нѣкоторую опытность и привыкнуть къ дѣятельности и трудамъ, столь нужнымъ для подобныхъ путешествій, тогда съ надеждою можно предоставить имъ болѣе отдаленныя и трудныя путешествія. Самъ же я, находясь постоянно при своей должности, буду всячески стараться сберегать все то, что ими будетъ въ послѣдствіи доставлено университету и мало-помалу распредѣлять дуплеты для иностранныхъ кабинетовъ. Для образованія таковыхъ путешественниковъ полагаю два или три года, но вообще можно заключить, что чѣмъ продолжительнѣе будетъ приготовленіе къ этому предпріятію, тѣмъ прочнѣе окажется его успѣхи.

Что нужно къ началу улучшенія зоологическаго кабинета: 1) лабораторія съ печью и съ запаснымъ магазиномъ; 2) уничтоженіе сырости посредствомъ печей въ кабинетѣ; 3) когда совершенно высохнетъ кабинетъ, построить шкафы по образцу Вѣнскаго кабинета, въ которомъ помѣстится только тѣ чучелы, которые менѣе испорчены и въ коихъ моль будетъ заморена посредствомъ усиленной теплоты въ печи, а прочіе

выбросить; 4) для большей прочности просить совѣта у вѣнскихъ и другихъ зоологовъ“¹⁾.

Нельзя не признать способствъ, предложенныхъ В. М. Черняевымъ, для улучшенія зоологическаго кабинета, вполне раціональными. Естественная исторія въ это время дѣйствительно распалась на три самостоятельныя дисциплины, изъ коихъ каждая требовала и особаго преподавателя, и особаго кабинета. Состояніе зоологическаго кабинета Харьковскаго университета было столь печально, что дѣйствительно требовало коренныхъ измѣненій. В. М. Черняевъ въ этомъ проектѣ выступаетъ передъ нами, какъ ученый, всецѣло преданный наукѣ и идеѣ ея служенія интересамъ русскаго общества. Мысль о созданіи русской науки въ области естествознанія и о появленіи русскихъ натуралистовъ—для него не только предметъ отвлеченнаго теоретическаго размышленія, а и самаго сильнаго внутренняго желанія, для осуществленія котораго онъ рѣшилъ посвятить всю свою жизнь. И характерно, что глубокое убѣжденіе въ этомъ онъ вынесъ изъ заграницы, очетавъ такимъ образомъ въ своей личности заботу о своемъ родномъ близкомъ съ уваженіемъ къ хорошо извѣстной ему западно-европейской культурѣ и наукѣ. Проектъ В. М. Черняева отличается въ одно и тоже время и практичностью, и широтою замысла, потому, что это не ученая фантазія, а дѣйствительность, наблюдавшаяся имъ въ западной Европѣ, примѣненная къ Россіи и ея потребностямъ; конечно, эта чужеземная дѣйствительность могла показаться неосуществимой у насъ, при нашей матеріальной бѣдности и культурной отсталости, но этого въ своемъ энтузіазмѣ не замѣчалъ В. М. Черняевъ и твердо вѣрилъ въ осуществимость своего проекта. Дѣйствительность въ значительной степени оправдала его надежды²⁾, потому что ему удалось увлечь на указанный имъ путь адъюнкта *Криницкаго*.

Въ 1827 году В. М. Черняевъ просилъ совѣтъ уволить его отъ извѣдыванія зоологическимъ кабинетомъ и поручить его адъюнктъ Кри-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 43, стр. 133—135.

²⁾ Въ концѣ 1825 года зоологическій кабинетъ состоялъ изъ значительнаго числа копытныхъ, наземныхъ, земноводныхъ, костей и прочихъ довольно рѣдкихъ произведеній іра животныхъ, къ сожалѣнію, не разобранныхъ и не опредѣленныхъ; заключавшееся въ немъ собраніе 200 чучелъ млекопитающихъ и птицъ почти все оказалось испорчено плѣсью и сыростью. Приведеніе въ порядокъ кабинета попечитель А. А. Перовскій поручилъ В. М. Черняеву, который старался замѣнить испорченные чучела новыми (такихъ было приобрѣтено 112), поощрялъ таксидермическія занятія студентовъ, перемѣнилъ свѣтъ въ банкахъ, гдѣ были животныя, привелъ въ порядокъ предметы. Все собраніе кабинета состояло изъ 4688 предметовъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. 1205/67).

ницкому, давно уже преподававшему зоологію. Мотивировалъ онъ свой отказъ занятіями по ботаническому кабинету и тою помощью, которую оказывали ему въ изготовленіи препаратовъ студенты; одному изъ нихъ—Старосельскому—онъ просилъ выдать денежную награду. При этомъ онъ прибавлялъ, что попорченныя и зараженныя молью чучелы исправлены. Изъ описи зоологическаго кабинета видно, что тамъ было 45 чучелъ млекопитающихъ, кости млекопитающихъ, рога ихъ, зубы (въ томъ числѣ мамонтовые, открытые въ землѣ), 28 птицъ, 38 земноводныхъ и рыбъ, до 2000 раковинъ, сохранявшихся въ 30 ящикахъ за стекломъ и въ шкафахъ, 40 жемчужинъ, до 2000 видовъ насѣкомыхъ, изъ коихъ большая часть попорчена, 130 звѣздчатыхъ животныхъ, изъ коихъ часть попорчена, 90 коралловъ, 50 зоофитовъ ¹⁾).

Принявъ кабинетъ отъ В. М. Черняева, адъюнктъ Кривицкій вошелъ въ правленіе съ представленіемъ о мѣрахъ, необходимыхъ для его улучшенія и при этомъ представилъ общую характеристику его тогдашняго состоянія. „Классъ млекопитающихъ, писалъ онъ, состоитъ только изъ нѣсколькихъ чучелъ нѣкоторыхъ животныхъ и нѣкоторыхъ малозначущихъ частей ихъ. Собраніе птицъ гораздо лучше и по крайней мѣрѣ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что большая часть ихъ мѣстнаго происхожденія, хотя полного собранія и этихъ послѣднихъ далеко еще не имѣется. Классы пресмыкающихся и рыбъ вообще бѣдны; однако по строгому разсмотрѣніи и опредѣленіи открылись среди нихъ весьма рѣдкіе и любопытные экземпляры, но къ сожалѣнію, они не мѣстнаго происхожденія, а таковые, конечно, предпочтительнѣе другихъ. Скорлупняки (crustacea) ограничиваются только нѣсколькими экземплярами; звѣздчатыхъ не обширное, но довольно хорошее собраніе. Коралловъ мало, а животно-растеній еще меньше. Насѣкомыхъ по списку показано до 2000, но многія изъ нихъ повреждены молью, изъ чего слѣдуетъ, что и неиспорченныя по виду не могутъ быть прямо переносимы во вновь приготовленное собраніе, ибо одна взятая по неосторожности зараженная штука уничтожаетъ обыкновенно всѣ труды и издержки; и потому я, не разсмотрѣвъ подробно каждаго экземпляра, не могу еще ничего сказать о нихъ положительнаго. Самое полное и богатое собраніе въ нашемъ кабинетѣ—это *слизнякавъ* (mollusca), но оно состоитъ только изъ однихъ раковинъ, а самихъ животныхъ имѣется не болѣе 10 экземпляровъ. Кромѣ ихъ есть еще нѣсколько окаменѣлыхъ частей животныхъ, между которыми особенно достойны вниманія два черепа—одинъ обыкновеннаго перевозчан-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло объ улучшеніи зоологическаго и другихъ кабинетовъ, 1827 г., № 10.

наго вола, а другой изъ *жубра* (*Bos urus*) и кромѣ того нѣкоторыя окаменѣлыя мамонтовыя кости. Но такъ какъ они болѣе относятся къ наукѣ объ окаменѣлостяхъ, то и должны быть помѣщены вмѣстѣ съ окаменѣлостями, находящимися при минералогическомъ кабинетѣ. Наоборотъ, и въ минералогическомъ кабинетѣ есть нѣкоторыя окаменѣлыя раковины, которыя, по новѣйшимъ системамъ, дополняютъ слизняковъ и помѣщаются новѣйшими естествоиспытателями среди этихъ послѣднихъ, а потому и я долженъ буду перенести ихъ въ зоологическій кабинетъ. Къ этому нужно еще прибавить, что зоологическій кабинетъ не имѣетъ никакихъ скелетовъ и зоологическихъ препаратовъ, столь необходимыхъ при изложеніи зоологіи. Кромѣ новыхъ чучелъ всѣ прочія требуютъ подробнаго пересмотра, исправленія и опредѣленія. При томъ зоологическій кабинетъ не имѣетъ никакихъ инструментовъ, посуды и приборовъ, каковыя должны находиться въ его лабораторіи и нужны для препарированія различныхъ частей, и наконецъ, постоянного приспѣшника, который постоянно занимался бы ихъ приготовленіемъ. Зоологическая зала, нельзя сказать, чтобы при нынѣшнемъ состояніи кабинета не была достаточна, но она имѣетъ то чрезвычайное неудобство, которому и помочь нельзя, что сырость ежегодно, весной и осенью покрываетъ значительную часть стѣнъ и она гораздо опаснѣе моли. Показавъ нынѣшнее состояніе зоологическаго кабинета и его недостатки, для приведенія его въ надлежащій порядокъ имѣю честь просить правленіе о нижеслѣдующемъ. 1) Пусть правленіе благоволитъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ списка кабинета, составленнаго адъюнктомъ Черняевымъ, за подписью ректора или декана, чтобы онъ послужилъ мнѣ руководствомъ при составленіи новаго описанія. 2) Самъ я никоимъ образомъ не могу заниматься препарированіемъ предметовъ, составляющихъ кабинетъ, какъ по недостатку времени, такъ и потому, что подобнымъ занятіямъ необходимо посвятить себя всецѣло, а потому необходимо долженъ быть при кабинетѣ постоянный приспѣшникъ, который получалъ бы въ годъ по крайней мѣрѣ 500 руб. жалованья. Въ настоящее время я не знаю ни одного человѣка, который бы могъ совершенно посвятить себя таковой должности, и чтобы удовлетворить этому требованію, я осмѣлюсь предложить взять молодого человѣка лѣтъ 15 — 16, который бы согласился прослужить при кабинетѣ не менѣе 10 лѣтъ. Это условіе нужно для того, чтобы кабинетъ, лишаась выученныхъ людей, не терпѣлъ неудобствъ вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ ихъ, такъ какъ ловкость въ этомъ дѣлѣ обыкновенно получается чрезъ долговременныя занятія. Я полагаю, что для этого лучше всего было бы избрать одного изъ казеннокоштныхъ гимназистовъ, не

объщающаго особенныхъ успѣховъ въ наукахъ и показывающаго охоту къ подобнаго рода занятіямъ. А пока это будетъ рѣшено, чтобы не упустить рѣдкихъ предметовъ, я долженъ буду платить изъ кабинетныхъ денегъ за каждый приготовленный экземпляръ отдѣльно. Каждый изъ этихъ предметовъ средней величины не будетъ стоить болѣе рубля и эту цѣну нужно признать весьма умѣренной. 3) Зоологическій кабинетъ необходимо перенести въ другое помѣщеніе, потому что въ нынѣшнемъ вслѣдствіе сырости и естественныхъ предметовъ, и особенно чучель никоимъ образомъ въ цѣлости сохранить на долгое время невозможно. Наболѣе удобной для этой цѣли является совершенно сухая галерея, окружающая торжественную залу, но она имѣетъ много недостатковъ и требуетъ большихъ поправокъ. При ней должна быть также довольно просторная лабораторія, мѣсто для которой мною еще не выбрано¹⁾. Далѣе Криницкій подробно описываетъ видъ и форму шкафовъ, гдѣ должны были помѣщаться коллекціи²⁾. Факультетъ одобрилъ мѣры къ улучшенію зоологическаго кабинета, предложенныя Черняевымъ и Криницкимъ, архитекторъ же Калашниковъ представилъ смѣту необходимыхъ для этого расходовъ, которая превысила крупную цифру въ 15000 руб.

Въ южную Африку отправлялась экспедиція натуралистовъ во главѣ съ ученымъ Кребсомъ, и зоологическій кабинетъ взялъ 3 акціи ея, дававшія право получить впослѣдствіи нѣкоторые предметы изъ числа тѣхъ, кои были бы вывезены ею въ Европу²⁾,

Криницкій постоянно заботился о пополненіи зоологическаго кабинета. Такъ въ 1828 году въ кабинетъ поступило 13 рыбъ изъ Дона, 150 насѣкомыхъ, собранныхъ на пути въ Одессу, 148 насѣкомыхъ, присланныхъ проф. Бессеромъ изъ Кременца и 101 экземпляръ разныхъ животныхъ. Въ 1829 году получена козуля (*Cervus capreolus*) изъ Персіи и 145 видовъ насѣкомыхъ, въ числѣ которыхъ оренбургскія отъ Карелина, бразильскія отъ Щелкова и екатеринославскія отъ самого Криницкаго. Въ 1830 году поступило разными случаями 1126 экзempl. животныхъ, въ томъ числѣ 945 насѣкомыхъ и отъ графа Вальворта богатое собраніе европейскикъ бабочекъ, именно 652 вида въ 2125 экз. Въ 1831 году куплено 37 шкуръ птицъ изъ Бразиліи и 24 породы раковинъ. Въ 1832 году приобрѣтена дикая коза (*Cervus pyrgargus*) изъ Изюмскаго уѣзда, шакалъ (*Canis aureus*) изъ Грузіи, 91 окаменѣлая раковина изъ Кременца, 295 породъ насѣкомыхъ изъ разныхъ частей свѣта, 6 обезьянъ и пр. Въ 1833 году кабинетъ обогатился 133 поро-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло 1827 г. объ улучшеніи кабинета.

²⁾ Ibidem.

дами европейских раковинъ, купленныхъ у Гоше. Въ 1834 и 1835 гг. выписано изъ Вѣны отъ Порейса 48 экз. разныхъ животныхъ и мѣною приобрѣтено 61 насѣкомое и 10 моллюсковъ. Приготовлялись чучелы въ самомъ кабинетѣ: такъ, напримѣръ, въ 1830 году приготовленъ былъ скелетъ и 10 чучелъ млекопитающихъ (въ томъ числѣ собачки, лисицы и волка) и 12 чучелъ птицъ. Къ 1 ноября 1833 года въ кабинетѣ было 5874 предмета на 13605 руб.; по 1-е января 1835 года приобрѣтено 438 предметовъ на 669 руб.; всѣхъ предметовъ къ этому времени было на 14275 руб. Видное мѣсто здѣсь занималъ мѣстный отдѣлъ (украинскихъ насѣкомыхъ). Помощника экстраординарный профессоръ Криницкій у себя не имѣлъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что зоологическій кабинетъ своимъ развитіемъ былъ всецѣло обязанъ до 1836 года проф. Криницкому.

Тому же Криницкому былъ обязанъ благоустройствомъ и *минералогическій кабинетъ*, которымъ онъ завѣдывалъ одновременно съ зоологическомъ. До назначенія на постъ попечителя Е. В. Кариѣва и онъ заходилъ въ безпорядкѣ, хотя заключалъ въ себѣ, какъ мы знаемъ, нѣсколько цѣнныхъ коллекцій.

Минералогическій кабинетъ найденъ былъ попечителемъ Е. В. Кариѣвымъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Проф. Книгинъ, которому совѣтъ, по распоряженію попечителя, поручилъ осмотрѣть его, нашелъ его въ такомъ видѣ. Почти весь онъ помѣщался въ шкафахъ по полкамъ, исключая нѣсколькихъ штукъ, расположенныхъ на столахъ. Завѣдывавшій имъ Тауберъ объяснилъ ревизору, что кабинетъ въ систематическій порядокъ не приведенъ и что онъ располагаетъ его предметы по системѣ Карштена, слѣдуя анализу въ составныхъ частяхъ Клапроту и распредѣляетъ роды и виды по Вернеру. Такимъ образомъ классы здѣсь таковы: 1) земли и камни; 2) соли; 3) горючія тѣла; 4) металлы, а въ особомъ отдѣленіи помѣщены породы первобытныя и новѣйшихъ образованія горъ и окаменѣлости. Согласно этому плану онъ привелъ уже въ порядокъ нижеслѣдующія породы: цирконію, смараговую, аметистовую, горный хрусталь, простой кварцъ, кальцедонъ и ахатъ; приведено въ порядокъ до 500 штукъ, а всѣхъ ихъ, по его предположенію, до 8000, и они не прежде будутъ описаны, какъ въ сентябрѣ 1824 года, потому что зимою, по случаю холода, долго въ кабинетѣ заниматься невозможно. Общій каталогъ всѣхъ минераловъ находится въ правленіи, а у него имѣются только нѣкоторыя его собственныя описи; шкафовъ въ кабинетѣ 16, а нужно прибавить еще 2. Съ своей стороны проф. Книгинъ предложилъ, чтобы въ виду образовательнаго характера кабинета были сдѣланы всюду на полкахъ соотвѣт-

ственные обозначения и каждый шкаф имѣлъ свой каталогъ. Попечитель предписалъ поручить, по слабости здоровья, взять минералогическій кабинетъ у проф. Таубера и поручить его проф. Сухомлинову, который, по усердію своему къ службѣ, приведетъ его въ непродолжительномъ времени въ должный порядокъ; при составленіи же описей, онъ можетъ руководствоваться совѣтами проф. Громова, раньше завѣдывавшаго этимъ кабинетомъ.

Минералогическій кабинетъ однако былъ описанъ только тогда, когда новый попечитель А. А. Перовскій поручилъ его кандидату, а впоследствии адъюнкту Криницкому. Усердно работая тамъ, Криницкій открылъ большое количество ориктогностическихъ минераловъ, геогностическихъ или сложныхъ горно-каменныхъ породъ и богатое, чрезвычайно рѣдкое собраніе окаменѣлостей. Ориктогностическихъ минераловъ онъ опредѣлилъ систематическимъ образомъ въ 1825 году 5602 и представилъ каталогъ ихъ на 125 листахъ. Каждый экземпляръ былъ надлежащимъ образомъ очищенъ и означенъ приклееннымъ номеромъ, по которому его легко было отыскать въ каталогѣ. Предметы расположены по системѣ Вернера и теперь уже для многихъ изъ нихъ не было мѣста. Въ теченіе 1826 года кабинетъ получилъ слѣдующія приращенія: подарено было разными лицами 85 минераловъ, 100 довольно рѣдкихъ изъ Кавказскихъ горъ и искусственная горка изъ аметистовъ, аквамариновъ, топазовъ и другихъ сибирскихъ камней. По представленію попечителя министръ разрѣшилъ покупку для него необходимыхъ книгъ. Въ 1826 году кабинетъ состоялъ изъ 12000 минераловъ. Какъ видно изъ рапорта адъюнкта Ивана Криницкаго въ совѣтъ, существенную помощь ему оказывалъ кандидатъ Правицкій, опредѣленный его помощникомъ въ концѣ 1825 года. Оба они постоянно, не исключая и каникулъ, должны были работать по 8 часовъ въ день, а лѣтомъ и болѣе того. Результатомъ же ихъ трудовъ было 2 части каталога, заключавшаго болѣе 150 листовъ мелкаго письма, въ коихъ изложена была исторія минералогическаго кабинета, по бумагамъ правленія университета, и описано 6125 отдѣльныхъ экземпляровъ. Среди нихъ находилось болѣе 40 видовъ вновь опредѣленныхъ, кои были въ смѣси вмѣстѣ съ другими, менѣе важными. Они явились какъ бы новымъ приобрѣтеніемъ для кабинета. Въ числѣ 6125 образцовъ оказалось свыше 2000, которые нужно было опредѣлить заново; а если принять во вниманіе, что въ прежнихъ спискахъ значительная часть ихъ была помѣщена подъ невѣрными названіями, то сдѣлается яснымъ, что приходилось почти надъ всѣми дѣлать химическія пробы, которыми и занимался Правицкій. Кромѣ того, на его попеченіи были и другія занятія,

какъ-то: очищеніе минераловъ, расположеніе ихъ, наклейка номеровъ и т. п. За этотъ 16-ти мѣсячный трудъ Криницкій просилъ совѣтъ выдать Правильному 1000 рублей награды. По смѣтѣ архитектора Калашникова, на шкафы и другую мебель для кабинета нужно было затратить 9250 рублей. Профессора Сухомлиновъ и Байковъ, осматривавшіе по порученію физико-математическаго факультета минералогическій кабинетъ, приведенный въ порядокъ Криницкимъ съ помощью Правильнаго, сдѣлали слѣдующій отзывъ. Они нашли 4 тетради стараго каталога на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части въ переплетѣ новаго, заключающаго описъ ориктогностическихъ минераловъ, а именно — земель и камней, солей, горючихъ тѣлъ и металловъ. Сличивъ этотъ каталогъ съ самими предметами, они убѣдились, что они другъ другу соответствуютъ. Минералы помѣщались довольно тѣсно въ 16 шкафахъ и 19 особыхъ ящикахъ ¹⁾. Важнѣйшими пріобрѣтеніями минералогическаго кабинета, по словамъ Фойгта, были слѣдующія: въ 1823 г. проф. Цитеръ пожертвовалъ 300 венгерскихъ минераловъ, преимущественно геогностическихъ породъ. Въ 1826 г. баронесса Биберштейнъ, вдова знаменитаго ботаника, принесла въ даръ кабинету 100 штукъ минераловъ, собранныхъ ея мужемъ въ Кавказскихъ горахъ ²⁾. Въ 1828 г. пріобрѣтено отъ проф. Щеглова 93 штуки сибирскихъ минераловъ и отъ Гельма изумрудъ въ 9¼ каратовъ. Въ 1830 г., по Высочайшему соизволенію, присланы изъ Горнаго корпуса 53 минерала. Въ 1831 г., по Именному повелѣнію Государя, переданъ министромъ народнаго просвѣщенія одинъ изъ шести эземплировъ изумруда, открытаго близъ г. Екатеринбурга, и въ томъ же году куплено у иностранца Фидлера 25 штукъ заграничныхъ минераловъ. Въ 1834 г. пріобрѣтено 52 сибирскихъ минерала. Въ 1835 г. пожертвованъ ген. гр. Никитинымъ штукъ золота въ породѣ ³⁾. Сначала завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ проф. Шнаубертъ, потомъ Тауберъ и наконецъ Криницкій, „стяжавшій себѣ почетное имя въ ряду не только русскихъ, но и европейскихъ натуралистовъ. Онъ систематически расположилъ находившіяся до него въ безпорядкѣ коллекціи Андре, Четти и Цитера, опредѣлилъ важнѣйшіе въ нихъ предметы, составилъ описи и положилъ начало правильному систематическому каталогу“ ⁴⁾. Иногда Криницкому приходилось и отказываться отъ пріобрѣтеній. Такъ, онъ отклонилъ покунку коллекціи Розенберга, оцѣненной

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло объ улучшеніи кабинетовъ 1827 г.

²⁾ Цѣна ихъ не превышала 20 р., но они были цѣнны тѣмъ, что происходили изъ мѣстности, никѣмъ не изслѣдованной (Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1826 г. № 5).

³⁾ Ист. Стат. Зап. X., 1859, стр. 59.

⁴⁾ Ibidem, стр. 62.

въ 8850 р. и предложенной министерствомъ народнаго просвѣщенія ¹⁾ Тогда же отклонена была покупка горки изъ минераловъ, предложенной обывателемъ г. Боброва (Ворон. губ.) Севастьяновымъ. Онъ раньше хотѣлъ подарить университету эту горку, стоившую ему будто бы 5000 р. съ тѣмъ, чтобы ему назначена была награда, а послѣ банкротства предлагалъ приобрести ее хотя бы за ту сумму, въ какую оцѣнили ее университетъ (въ 500 р.) ²⁾. Къ 1-му января 1835 года въ кабинетъ было 7310 предметовъ на 45463 руб. ³⁾.

Ботаническій кабинетъ получилъ начало только въ изучаемыя нами періодъ. И первый мысль, и осуществленіе устройства ботаническаго кабинета принадлежитъ лектору ботаники В. М. Черняеву. Это обстоятельство не выяснено въ трудѣ Фойгта, который о судьбѣ этого кабинета до 1835 г. сообщаетъ только слѣдующія данныя. „Изъ разныхъ плодовъ, сѣмянъ и образцовъ деревъ, при самомъ открытіи Харьковскаго университета купленныхъ въ Германіи вмѣстѣ съ другими предметами естественной исторіи, въ числѣ 500 экземпляровъ образовался въ 1825 году особый ботаническій кабинетъ. Къ этому небольшому собранію присоединился въ томъ же 1825 году гербарій, пожертвованный проф. Черняевымъ и заключавшій въ себѣ до 7000 видовъ растений, собранныхъ преимущественно во Франціи, Австріи и Россіи, а въ 1826 году купленъ послѣ умершаго проф. Делявина гербарій, состоявшій изъ 6000 видовъ преимущественно германскихъ растений. Въ обѣихъ этихъ коллекціяхъ, не считая разныхъ формъ низшаго значенія и дуплетовъ, было особыхъ видовъ растений до 10000. Въ нихъ значительное число криптогамическихъ прозябаемыхъ, какъ-то: мховъ, поростовъ, папоротниковъ и надревниковъ (лишайвъ). Такимъ образомъ положено было прочное основаніе кабинету, которому суждено было въ послѣдующіе годы принять самыя широкіе размѣры. Приобрѣтенія въ 1826 до 1837 года еще не были значительны; въ 1833 году получены изъ Сибири отъ извѣстнаго ботаника Турчанинова 460 видовъ растений, а въ 1834 году собрано 70 новыхъ видовъ изъ окрестностей г. Харькова“. Дополнимъ эти скудные свѣдѣнія имѣющимися въ нашемъ распоряженіи несравненно болѣе богатыми данными. Въ 1826 г. В. М. Черняевъ, получивъ послѣ смерти проф. Делявина въ свое вѣдѣніе зоологическій кабинетъ и ботаническій садъ, писалъ совѣту „Чрезвычайная польза ботаники въ Россіи, важность ботаническихъ занятій и положеніе Харьковскаго университета въ полуденной (южной

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1140/64.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1142/64.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

Россіи обязываютъ меня посвятить всю жизнь свою одной этой наукѣ. Чтобы распространить столь необходимую въ нашемъ отечествѣ часть натуральной исторіи и поселить вкусъ къ этой наукѣ въ учащихся, я считаю своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе 1) на сочиненіе руководства по мѣстной харьковской, а потомъ и украинской флорѣ; 2) на приведеніе въ правильное состояніе растеній ботаническаго сада, на провѣрку многихъ неправильныхъ ихъ названій и 3) на заведеніе ботаническаго кабинета, т. е. гербарія (травника), доселѣ не существующаго при нашемъ университетѣ; проектъ его, составленный мною, изъ заграницы я прилагаю. А дабы положить первое основаніе этому столь важному учрежденію и въ знакъ благодарности правительству за доставленное мнѣ воспитаніе и за данныя мнѣ университетомъ пособія къ образованію себя по этой специальности, считаю своимъ священнымъ долгомъ пожертвовать свои труды, заключающіеся въ богатомъ травникѣ, приобрѣтавшемся въ теченіе 13 лѣтъ, принести его отечеству на общую пользу; оставляю въ своемъ распоряженіи только часть дуплетовъ растеній, могущихъ служить руководствомъ для разныхъ сочиненій, мною предположенныхъ въ пользу науки и страждущаго человечества“.

Въ своемъ проектѣ объ учрежденіи ботаническаго кабинета В. М. Черняевъ писалъ. „Доселѣ еще никто въ нашемъ университетѣ не обращалъ вниманія на заведеніе ботаническаго кабинета, который для учащихся является единственнымъ пособіемъ къ правильному познанію прозябаемыхъ (растеній), ибо всѣ ботаническія сочиненія съ этой цѣлью ежегодно издаваемые, по признанію самихъ ботаниковъ, считаются недостаточными и даже ботаническій садъ не можетъ существовать въ правильномъ состояніи, если разводимыя въ немъ растенія не будутъ провѣряемы по травнику (*herbarium*), который составляетъ главную часть ботаническаго кабинета. Ботаническій кабинетъ будетъ заключать въ себѣ. А) Собраніе сухихъ растеній—травникъ (*herbarium*), который раздѣляется на 5 частей: 1) травникъ всеобщій (*herbarium generale*), содержащій растенія изъ всѣхъ 5 частей свѣта; 2) травникъ Россійской имперіи (*herbarium Rossicum*); 3) травникъ окрестностей Харькова (*herbarium Charkoviense*), расположенный въ самомъ удобномъ форматѣ и назначенный для постоянного употребленія учащихся; 4) собраніе живыхъ въ обществѣи человеческомъ употребляемыхъ растеній (медицинскія, технологія и сельскомъ хозяйствѣ); 5) дуплеты составятъ послѣднее отдѣленіе травника, заключающее въ себѣ растенія, назначенныя какъ для сношеній съ иностранными ботаническими кабинетами, такъ преимущественно для поощренія воспитанниковъ, отлично занимаю-

щихся по этой части. Названія этихъ растений съ показаніемъ ихъ свойства для большей вѣрности и пользы должны быть напечатаны. В) Собраніе разныхъ плодовъ, сѣмянъ, корней образчиковъ разныхъ деревьевъ и много другихъ частей растений для науки и для общежитія человѣческаго интересныхъ. С) Особое собраніе тайнобрачныхъ, растений, какъ-то: мховъ, паростовъ (лишаевъ), разныхъ грибовъ, кои удобны для сохраненія и многихъ другихъ растений этого класса, которыми я нарочно запасаю въ чужихъ краяхъ. Столь рѣдкое въ Россіи собраніе послужитъ весьма важнымъ поощреніемъ питомцамъ ботаники изслѣдовать эту труднѣйшую часть растений, представляющую обширное поле для новыхъ открытій въ отечественной флорѣ. D) Собраніе важнѣйшихъ лѣчебныхъ травъ въ Россіи произрастающихъ, наилучшимъ образомъ высушенныхъ, на бумагѣ за стекломъ въ рамахъ на подобіе картинъ украшенныхъ и расположенныхъ такимъ образомъ, что подлѣ каждаго врачебнаго будетъ находиться другое. въ медицинѣ неупотребительное или вредное, но по причинѣ чрезвычайнаго съ нимъ сходства перѣдко въ заблужденіе вводящее аптекарей и неопытныхъ врачей. При каждомъ экземплярѣ приложится изображенный разборъ (analysis) отличительныхъ признаковъ каждаго растения. Таковыя картины, находясь всегда предъ глазами воспитанниковъ, произведутъ самое прочное впечатлѣніе на счетъ познанія фізіологіи или наружнаго вида растений (habitus) и отличительныхъ признаковъ, чѣмъ незамѣтно приучатъ ихъ къ распознаванію полезнаго отъ вреднаго. Е) Собраніе разныхъ частей врачебныхъ растений не только всѣхъ тѣхъ, кои въ русскихъ аптекахъ по показанію фармакопей употребляются, но вообще и тѣхъ, которыми жители разныхъ областей Россіи съ успѣхомъ пользуются въ болѣзненныхъ случаяхъ. Познаніе этихъ послѣднихъ не должно быть пренебрегаемо ¹⁾, тѣмъ болѣе, что большая часть такихъ травъ, только въ Украинѣ произрастающихъ, никѣмъ еще изъ врачей не была изслѣдуема. F) Для облегченія ботаническихъ занятій въ нашемъ кабинетѣ должно имѣть небольшую бібліотеку, состоящую изъ лучшихъ флоръ, системъ ботаническихъ и другихъ важнѣйшихъ ботаническихъ книгъ.

Способы основанія и обогащенія ботаническаго кабинета: 1) дабы положить первое основаніе ботаническаго кабинета, я жертвую свое собраніе растений, приобретенныхъ мною въ теченіе 13 лѣтъ, какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ державахъ, весьма богатое дуплетами.

¹⁾ Недавній случай въ Полтавѣ, извѣстный нашему медицинскому факультету чрезъ отношеніе Полтавской врачебной управы ясно доказываетъ, сколь важно для врачей познаніе простолюдными употребляемыхъ травъ.

изъ коихъ только часть употреблено для себя, для составленія небольшого травника, необходимаго для постоянныхъ моихъ занятій и для нѣкоторыхъ моихъ сочиненій ¹⁾, прочіе же для сообщенія русскимъ и иностраннымъ ботаникамъ, дабы въ обмѣнъ за нихъ получить другіе недостающіе въ нашемъ кабинетѣ, для чего я предполагаю ежегодно въ пользу кабинета издавать до 15 экземпляровъ центурій разныхъ высушенныхъ рѣдкихъ украинскихъ растений (*Centuria plantarum Ucrainae*), которыя въ свое время и будутъ отправляемы за границу. Въ зоологическомъ кабинетѣ имѣется уже нѣсколько сѣмянъ, плодовъ, образчиковъ деревьевъ и другихъ частей растений, которыя будучи перемѣщены въ ботаническій кабинетъ послужать также къ первоначальному обузаведенію его; 2) покупка травниковъ знаменитыхъ ботаниковъ, съ тѣмъ, чтобы заключающіяся въ нихъ растенія служили намъ образцами (*types*) для опредѣленія новыхъ травъ, въ разныхъ областяхъ Россіи произрастающихъ. Къ таковымъ, напримѣръ, травникамъ принадлежитъ травникъ флоры Таврико-Кавказской знаменитѣйшаго въ Европѣ ботаника, почетнаго члена нашего университета д. ст. сов. Ф. К. барона маршала Биберштейна, заключающій въ себѣ явнотрачные растенія. По части же тайнотрачныхъ растеній за умѣренную цѣну можно пріобрѣсти собраніе преимущественно поростовъ и мховъ нашего профессора Ф. А. Целявина, которое однако прежде покупки должно быть внимательно просмотрѣно; 3) экскурсіи или ботаническіе разѣзды, совершаемые въ разныхъ частяхъ Россіи для пріобрѣтенія въ значительномъ количествѣ интересныхъ травъ, дабы потомъ чрезъ дубликаты ихъ безпрерывно умножать сношенія съ ботаниками; 4) сообщеніе гимназіямъ и ботаникамъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенныя растенія для того, чтобы учителя естественной исторіи, имѣя понятіе о нихъ, собирали болѣе рѣдкія и недостающія въ нашемъ кабинетѣ, для чего и дадутся имъ сверхъ того особенныя письменныя наставленія; 5) важнѣйшимъ пособіемъ для всѣхъ вышеупомянутыхъ занятій будетъ служить назначеніе правительствомъ подлежащей суммы денегъ какъ для заведенія всѣхъ принадлежностей, для помѣщенія и сохраненія ²⁾ вышеописанныхъ предметовъ, такъ преимущественно для путешествій по Россіи и

¹⁾ Пожертвованіе это, какъ знакъ благодарности моея къ университету, надѣюсь, послужитъ примѣромъ питомцамъ ботаники способствовать весьма занимательной и полезнѣйшей для нашего отечества науке.

²⁾ Самымъ лучшимъ и выгоднымъ для занятій способомъ сохранять травники для отомства я признаю жестяные ящики и обертываніе накетовъ клеенкою или кожею натянутою туго посредствомъ шнурковъ. Бумага, напитанная настойкою кваса, также по нѣкоторыхъ предохраниетъ коллекціи отъ порчи насекомыми.

сношенія съ иностранными натуралистами (сношенія же въ Россіи обойдутся безъ особенныхъ издержекъ, если университетъ приметъ на себя обязанность отправлять и получать разныя посылки и письма).

Польза. Общественная польза отъ заведенія ботаническаго кабинета и сопряженныхъ съ нимъ занятій чрезвычайно важна: 1) для воспитанниковъ медицинскаго факультета, которые при такихъ пособіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ (разумѣю здѣсь еще практическое познаніе живыхъ растений въ садахъ и дикорастущихъ) не только не будутъ встрѣчать затрудней, когда сдѣлаются уже должностными врачами при отысканіи лѣчебныхъ травъ, но еще будутъ въ состояніи дѣлать опыты надъ свойствами растений, доселѣ никому изъ врачей неизвѣстными. Нигдѣ въ Россіи подобныхъ учрежденій не имѣется, отчего и весьма мало университеты наши и академіи образуютъ такихъ медиковъ, которые бы въ своей практикѣ могли безошибочно употреблять разныя травы и дѣлать надъ ними наблюденія, въ Россіи столь необходимыя ¹⁾; 2) для распространенія полезныхъ ботаническихъ познаній во всей Россіи чрезъ разныя сношенія съ любителями и ботаниками; 3) для всегдашняго содержанія въ порядкѣ растений, въ ботаническомъ саду разводимыхъ; 4) для образованія лучшихъ наставниковъ не только въ гимназій, но и въ самые университеты, особенно же, когда лучшіе изъ воспитанниковъ Харьковскаго университета съ запасомъ отечественныхъ произведеній и открытій (по всѣмъ отдѣламъ естественной исторіи) отправлены будутъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ чужіе края, гдѣ описывая свои открытія, сдѣланныя ими въ предварительныхъ путешествіяхъ и видя постоянные примѣры, невольно восчувствуютъ соревнованіе къ національной славѣ. Тогда можно ли не надѣяться намъ, что и между русскими окажутся столь же знаменитые натуралисты, какъ и въ иностранныхъ державахъ, тогда можно ли сомнѣваться, что и нашъ университетъ произведетъ новыхъ Лепехиныхъ и Крашенинниковыхъ и въ свое время представить отечеству своихъ Палласовъ, Маршаловъ Б., Гмелиновъ, Фишеровъ и т. п., которыхъ неутомимые труды и услуги нашему отечеству служатъ примѣромъ никогда незабвеннымъ въ благодарномъ сердцѣ русскаго натуралиста. Питомцы наши съ такою же ревностію провѣряютъ открытія этихъ знаменитыхъ мужей и изслѣдуютъ то, что укрывалось отъ ихъ дѣятельности, съ такою же неутомимостію соберутъ сокровища своего отечества, съ тою только разницею, что они навсегда останутся для потомства въ храмѣ наукъ, доставившемъ имъ первое образованіе; 5) такихъ

¹⁾ Для этого впоследствии времени доставлены будутъ любителямъ самыя вѣрныя средства.

то воспитанниковъ русское правительство съ полною надеждою можетъ отправлять путешествовать для открытій въ сосѣднія державы и кругомъ свѣта, для чего по недостатку своихъ, къ сожалѣнію, вызываются иностранцы, кои обыкновенно всѣ прибрѣтаемыя ими драгоценности природы, такъ сказать, похищая у насъ, выносятъ съ собою въ свои отечества“ (10 февраля 1826 г.)¹⁾.

Величайшую честь приносить В. М. Черняеву одно предложеніе этого высокополезнаго и грандіознаго проекта, разработаннаго и съ теорической, и съ практической стороны; въ немъ указана не только цѣль ботаническаго кабинета, но и польза его, а главное средства осуществленія. Но этого мало: В. М. Черняевъ не только указалъ на эти средства, но и самъ положилъ начало дѣлу пожертвованіемъ своей обширной коллекціи, собранной только, очевидно, благодаря необыкновенной любви его къ предмету, потому что денежныхъ средствъ у В. М. Черняева не было: воспитывался онъ въ университетѣ на казенный счетъ, на счетъ правительства былъ командированъ за границу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ и вернувшись оттуда долженъ былъ довольствоваться только скуднымъ адъюнктскимъ окладомъ. И при такихъ условіяхъ онъ составилъ огромный гербарій, который стоилъ нѣсколько тысячъ рублей. Въ своемъ проектѣ онъ заботился и о русской, и объ европейской, и даже о всемірной флорѣ, но при этомъ не упустилъ изъ виду и мѣстной украинской и specially харьковской, потому что на обязанности Харьковского университета, какъ научнаго центра Украины, лежало ближайшимъ образомъ ея изученіе. Кромѣ того составленіе украинскаго травника было возможно на мѣстѣ, безъ дорого стоящихъ экскурсій, а между тѣмъ давало возможность путемъ обмѣна на него прибрѣтать и рѣдкія заграничныя формы.

Дальнѣйшія прибрѣтенія ботаническаго кабинета до 1835 г. были довольно скромныя: въ 1833 г. получено изъ Сибири отъ извѣстнаго тогдашняго ботаника Турчанинова 460 видовъ растений. Къ 1 января 1833 года было однако въ ботаническомъ кабинетѣ 102000 экзempl. растений, заключающихъ 11390 породъ. Кромѣ того были сѣмена, плоды, бразнички деревьевъ и т. п. въ количествѣ 2000 штукъ. Въ 1 годъ и мѣсяца (по 1-е января 1835 г.) поступило 70 породъ, по преимуществу мелкихъ прозябаемыхъ изъ окрестностей Харькова. Всего къ 1 января 1835 года было 11460 породъ и свыше 100 тысячъ экземпляровъ. До 1829 года на него затрачено было всего 1000 р., а по оцѣнкѣ знатоковъ онъ тогда уже стоилъ не менѣе 10000 р. До 1835 года на него затрачено было 5600 р., но цѣнность его была несравненно выше.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ, Дѣло сов. 1819 г., № 43, стр. 135—137.

И существованіемъ, и успѣхомъ своимъ ботаническій кабинетъ всецѣло обязанъ проф. В. М. Черняеву.

Тотъ же В. М. Черняевъ завѣдывалъ и *ботаническимъ садомъ*. Фойгтъ сообщаетъ о немъ слѣдующія данныя. На открытомъ воздухѣ устроено было 7 отдѣленій для систематическихъ плантацій, изъ коихъ одно для древесныхъ породъ, — всѣ были обнесены живою изгородью изъ сибирской акаціи, — построено два каменныхъ парника, разбитъ небольшой цвѣтникъ близъ оранжерей, вырытъ колодезь съ прудомъ; учреждены два отдѣленія для хозяйственныхъ и врачебныхъ растений; къ собственно ботаническому саду присоединена часть лѣснаго косогора и на немъ, къ юго-западу, разработаны три террасы — двѣ для виноградника и одна для иностранныхъ деревьевъ и кустарниковъ; наконецъ, къ каменной оранжереѣ была добавлена полукруглая пристройка (фасадъ ея помѣщаемъ). Изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи специальныхъ документовъ объ университетскомъ садѣ ¹⁾ трудно было извлечь что-либо интересное, потому что они касались исключительно расходовъ, произведенныхъ проф. Делявинымъ и садовникомъ Бартельсомъ. Можно отмѣтить только просьбы Бартеляса о производствѣ его въ чинъ и объ огорожѣ предоставленнаго въ его распоряженіе огорода; оказывается, что не только огородъ, но и садъ былъ окруженъ оградой изъ хвороста и только Бартельсъ ходатайствовалъ о замѣнѣ этой ограды болѣе прочной и красивой деревянной. Слѣдуетъ также отмѣтить то обстоятельство, что по требованію министерства народнаго просвѣщенія проф. Делявинъ собиралъ въ университетскомъ саду сѣмена и отсылалъ ихъ въ Петербургъ въ особую комиссію, которая снабжала сѣменами, присланными изъ ботаническихъ садовъ, учебныя заведенія. Къ 1-му ноября 1833 года въ ботаническомъ саду была одна оранжерея о трехъ и одна деревянная теплица о двухъ отдѣленіяхъ цѣною въ 35810 р. Общее число всѣхъ растений въ саду, какъ въ оранжереяхъ, такъ и на открытомъ воздухѣ простиралось до 5535 породъ и измѣненій цѣною на 20000 р. Съ этого времени по 1-е января 1835 года приобрѣтено сѣмянъ 30 породъ на 100 р. (даръ помощника попечителя гр. Панина), сѣмянъ изъ Сибири—80 породъ, сѣмянъ различныхъ травъ, собранныхъ въ здѣшнемъ саду и присланныхъ изъ другихъ мѣстъ 500 породъ; всего 610 породъ и 23 дерева съ корнемъ. Наблюденіе за такъ называемымъ университетскимъ бульваромъ было поручено профессору сельскаго хозяйства Нельдехену.

Такимъ образомъ съ 1815 по 1835 годъ предметомъ вниманія университета служилъ, можно сказать, исключительно *ботаническій садъ*.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. прав. №№ 1324/63, 1523/75, 1187/56, 988/46, 930/44.

служившій прямымъ дополненіемъ къ ботаническому кабинету. Англіійскій же (нынѣшній собственно *университетскій*) садъ, предназначенный для публики, былъ повидимому въ нѣкоторомъ пренебреженіи, вызванномъ извѣстнымъ намъ выговоромъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго.

Впрочемъ, въ это же время (въ 1834 году) былъ заведенъ здѣсь особый *экономическій садъ*, предназначенный для продажи растений въ пользу ботаническаго сада. Онъ состоялъ изъ древеснаго сада, огорода и шпалерника. Древесный садъ находился близъ англійскаго и на трехъ десятинахъ его чернозема, воздѣланныхъ плугомъ и ручными орудіями были посѣяны весною въ значительномъ количествѣ кормовыя и огородныя травы и разныя овощи, а въ отдѣльной школѣ деревья и кустарники, посажено болѣе 1000 персиковъ, разныхъ иностранныхъ тополей и другихъ деревьевъ. Но этотъ первый опытъ, по причинѣ чрезмѣрнаго лѣтняго жара и тощей земли принесъ весьма мало пользы, ибо почти всѣ растенія или вовсе не вышли изъ земли, или засохли въ юнѣ и юлѣ мѣсяцахъ. На огородѣ, состоявшемъ изъ полудесятины луговой сырой унавоженной и обработанной земли, разныя овощныя растенія хорошо повсходили. Шпалерникъ устроенъ былъ при террасѣ въ 30 саж. длиною, вырытой на косогорѣ ботаническаго сада; тамъ на первый разъ посажено было 10 персиковъ и абрикосовъ и предполагалось разводить скороспѣлые сорта винограда. Матеріалы для шпалерника были пожертвованы помощникомъ попечителя гр. Панинымъ и стоили 300 руб. Наконецъ, въ оранжереѣ изъ множества дуплетовъ продавались экземпляры разныхъ растений, служащихъ для украшенія садовъ ¹⁾. Ближайшій надзоръ за садомъ былъ порученъ садовнику и его помощнику.

Къ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ медицинскаго факультета принадлежали анатомическій театръ съ кабинетомъ, фармацевтическая лабораторія и клиники.

До 1829 года *анатомическій театръ* помѣщался въ ботаническомъ саду, а съ этого года пріютился за рѣкою Лопанью въ купленномъ тамъ университетомъ домѣ, гдѣ теперь осталось зданіе стараго манежа (рядомъ со 2-й гимназіей). Въ самомъ началѣ 30 годовъ онъ былъ переведенъ въ зданіе аудиторіи. Число препаратовъ въ кабинетѣ при заведывавшемъ имъ проф. Книгинѣ возрасло до 349. „Съ 1827 по 1833 г. заведывалъ анатомическимъ театромъ и кабинетомъ проф. Венедиктовъ; при немъ поступило 186 препаратовъ, а инструментовъ на 305 руб.;

¹⁾ Харьк. ун-въ. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

самый же кабинетъ переведенъ въ нижній этажъ корпуса аудиторіи^а. Послѣ Венедиктова эти учрежденія перешли въ вѣдѣніе адъютанта Леонова.

Въ статьяхъ проф. М. А. Попова, основанныхъ на матеріалахъ Харьковскаго университетскаго архива, мы находимъ объ анатомическомъ театрѣ и кабинетѣ еще слѣдующія данныя. Въ 1828 году профессоръ А. С. Венедиктовъ представилъ въ факультетъ такую записку о состояніи анатомическаго театра. „Можно сказать, что съ самаго основанія университета и до сихъ поръ онаго не находится. Всегда изъ необходимости анатомическій театръ сего университета составляли двѣ, либо три комнаты, въ различныхъ мѣстахъ университетскихъ строеній выбираемыя. Наконецъ, при павшейся постройкѣ новыхъ университетскихъ зданій онъ, какъ извѣстно помѣщенъ во дворѣ, купленномъ университетомъ на берегу р. Лопани. Поддержанныя развалины деревянныхъ конюшенъ (театръ былъ переделанъ изъ конюшенъ) вмѣщаютъ въ себѣ съ 1820 г. такъ называемый анатомическій театръ. Стѣсенный со всѣхъ сторонъ, не будучи отдѣленъ отъ прочихъ клиническихъ строеній и не имѣя особеннаго двора, онъ ни мало не соответствуетъ ни мѣстомъ, ни пространствомъ, ни наружнымъ, ни внутреннимъ устройствомъ цѣли, каковую должно было бы имѣть въ виду; да и не могло быть иначе, такъ какъ онъ назначенъ въ этомъ мѣстѣ по необходимости. Одинъ и тотъ же залъ служить и аудиторіей, и комнатою для многоразличныхъ занятій прозектора; въ немъ же студенты должны повторять лекціи профессора, заниматься практическою анатоміею и оперативною хирургіей. Кромѣ того, въ этомъ же залѣ производятся вскрытія труповъ, подлежащихъ судебному изслѣдованію, и по необходимости размѣщены шкафы съ инструментами, препаратами и различными вещами. Къ залу этому прибавлена еще малая холодная комната, имѣющая только печь со вмазаннымъ котломъ, для анатомическихъ наливаній (инъекцій) и два досчатые чулана для поклажи доставляемыхъ труповъ. Стѣны, полы, окна и двери этого, годъ отъ году приходящаго въ большую ветхость, строенія сдѣланы весьма худо. Въ зимнее время въ него со всѣхъ сторонъ провицаетъ стужа и при томъ въ такой степени, что почти нѣтъ возможности заниматься работою. Въ осеннее же и весеннее время, а особливо въ мокрое и теплое, когда въ главныхъ даже улицахъ города отъ гнющаго навоза, смѣшаннаго съ растворившеюся грязью, происходятъ вредныя испаренія, въ этомъ анатомическомъ театрѣ невозможно заниматься, не рискуя здоровьемъ и даже жизнью, по причинѣ необычайно скорого развитія гнилости и стѣсненнаго пространства, не позволяющаго свобод-

наго прохожденія воздуха. Исправляя въ теченіе 5 лѣтъ съ ревностью и усердіемъ должность прозектора, все это я имѣлъ несчастіе испытать на себѣ: разстроилъ совершенно свое здоровье и при окончаніи пятаго года подвергся болѣзни, угрожавшей мнѣ даже потерей жизни. Сверхъ того до 1827 года не было даже при анатомическомъ театрѣ необходимыхъ инструментовъ. Изъ всего вышесказаннаго очевидна необходимость выстроить вновь приличный и соотвѣтствующій во всѣхъ отношеніяхъ цѣли анатомическій театръ“.

О необходимости постройки новаго анатомическаго театра, впрочемъ, еще и раньше говорилъ самъ устроитель его проф. Книгинъ.

Анатомическій кабинетъ былъ описанъ Венедиктовымъ въ 1824 г.; въ немъ было тогда 112 номеровъ и онъ состоялъ изъ 37 восковыхъ анатомическихъ картинъ, 34 сухихъ препаратовъ (скелетовъ, череповъ человѣка и животныхъ, костей и внутреннихъ органовъ), 35 препаратовъ, сохраняющихся въ жидкостяхъ (уродовъ, эмбрионовъ, человѣческихъ плодовъ и органовъ — нормальныхъ и перерожденныхъ), желчныхъ и мочевыхъ камней. „За время завѣдыванія Венедиктовымъ анатомическимъ кабинетомъ, въ послѣдній поступило 186 препаратовъ, изъ которыхъ 123 пріобрѣтены покупкою и 63 подарены“ ¹⁾, въ томъ числѣ были модели, выточенные изъ дерева; въ 1832 году куплено у прозектора Гумбурга 43 сухихъ и 59 препаратовъ въ жидкостяхъ (за 40 руб.); прозекторомъ Ковалевымъ приготовлено 53 препарата и подарено Венедиктовымъ 10 ²⁾. „Состоя хозяиномъ анатомическаго отдѣленія, Венедиктовъ заботился о пополненіи кабинета необходимыми анатомическими инструментами и за какія-нибудь 9 лѣтъ (1826—1835 г.) таковыхъ пріобрѣтено достаточное количество“ (у Гейгера въ Петербургѣ, у вдовы Книгина, у Сакка въ Москвѣ) ³⁾. Къ 1 января 1835 г. въ кабинетъ было препаратовъ—641, инструментовъ—103, вещей и посуды—70 штукъ.

Фармацевтическая лабораторія медицинскаго факультета была тѣсно связана съ химической, хотя имѣла своего особаго профессора (фармакологіи) и повидимому даже отдѣльное помѣщеніе. По словамъ Фойгта, основаніе ея относится къ 1812 году, когда упорядочено было чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ. Завѣдывалъ ею съ 1812 по 1815 годъ адъюнктъ *Бомаревскій*, а съ 1815 временно *Ванноти* и по-

¹⁾ М. А. Поповъ. „Проф. А. О. Венедиктовъ“ (Зап. Имп. Харьк. университета, 1899, № 3, стр. 10—11).

²⁾ Ibidem, стр. 54.

³⁾ Ibidem, стр. 55.

томъ по 1835 годъ проф. *Громовъ*. Мы уже знаемъ ¹⁾, что Болгаревскій отличался крайне безпокойнымъ характеромъ и постоянно находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ университетскимъ начальствомъ, которое поэтому было сильно не расположено къ нему. На этой почвѣ произошелъ, очевидно, и одинъ мелкій, но характерный эпизодъ, относящійся къ завѣдыванію Болгаревскимъ фармацевтической лабораторіи. Ему захотѣлось имѣть въ своей лабораторіи часы—и онъ свою просьбу въ правленіе выразилъ въ слѣдующей оригинальной формѣ. „Время всего дороже—а мы иногда теряемъ его за неимѣніемъ часовъ, показывающихъ, когда должно употреблять (его) въ общественную пользу. Прежде въ ректорскихъ покояхъ были стѣнные часы, по коимъ можно было повѣрить карманные, у кого есть, и приходило заблаговременно какъ для преподаванія, такъ и для слушанія лекцій, но теперь уже ихъ нѣтъ. Я, по бѣдности своей, не имѣя сего искусственнаго показателя времени, прихожу въ университетъ раньше или позже обыкновеннаго, черезъ то теряю время или для себя, или для студентовъ. Въ университетѣ, какъ мнѣ извѣстно, находится трое стѣнныхъ часовъ, посему прошу правленіе употребить ихъ въ пользу,—поставить въ такой комнатѣ, куда бы всякому члену не воспрещено было входить для справки, а одни изъ нихъ благоволить отдать въ фармацевтическую лабораторію, гдѣ часы весьма нужны для наблюденія времени при опытахъ“. Правленіе увидѣло здѣсь какіе-то намеки, потому что постановило отказать въ просьбѣ Болгаревского, возвратитъ ему эту бумагу, какъ не заключающую законной надобности, оставивъ копію ея и сообщивъ автору, чтобы впредь онъ не безпокоилъ такими пустыми просьбами правленіе, занимающееся серьезными дѣлами ²⁾. Какъ видно изъ денежныхъ отчетовъ Болгаревского, въ его лабораторіи производились работы ³⁾; то-же нужно сказать и о времени завѣдыванія фарма-

¹⁾ Къ тому, что намъ извѣстно, прибавимъ еще одинъ фактъ: въ 1815 году Болгаревскій вошелъ съ жалобою въ правленіе университета на администрацію анатомическаго театра, что служители его не погребаютъ труповъ, а зарываютъ ихъ на университетскомъ дворѣ, возлѣ фармацевтической лабораторіи между дровами; съ такою же жалобою онъ выступилъ вслѣдъ затѣмъ и къ губернатору Муратову. Правленіе произвело формальное слѣдствіе, не подтвердившее доноса: выяснилось только, что служители по ошибкѣ выбросили вмѣстѣ съ водою и часть внутренностей. За ложный доносъ Болгаревскому рѣшено было сдѣлать строгій выговоръ и взыскать съ него штрафъ за употребленіе простой бумаги вмѣсто гербовой. Однако нѣкоторые свидѣтели всетаки подтвердили, что собаки таскали по двору какое-то мясо и кости и это объясняется, конечно, тѣсною и скученностію учебно-вспомогательныхъ учреждений университета (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 940/45).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 938/45.

³⁾ Ibidem.

цевтической лабораторіей Ванноти: при немъ на лабораторію было положено 250 руб. въ годъ ¹⁾. При Громовѣ пріобрѣтенія продолжались, „покупались и разные предметы, касающіеся фармакологіи, такъ какъ проф. Громовъ на эту часть обращалъ особенное вниманіе“. Но студенты повидимому не занимались въ фармацевтической (а также, вѣроятно, и въ химической) лабораторіи. Это видно изъ слѣдующаго категорическаго свидѣтельства проф. Книгина. „Нельзя умолчать, говорить онъ, и о томъ, что при семъ университетѣ, по неимѣнію химической лабораторіи, профессоръ химіи принужденъ преподавать только одну теорію ея безъ опытовъ, что составляетъ большой недостатокъ для образованія медицинскихъ чиновниковъ, ибо химія принадлежитъ въ важнѣйшимъ вспомогательнымъ наукамъ медицины. Медицинскій факультетъ всегда чувствовалъ этотъ недостатокъ и неоднократно утруждалъ объ этомъ высшее начальство“ ²⁾. Помѣщалась фармацевтическая лабораторія съ 1819 года за Лопанью въ зданіи, передѣланномъ изъ конюшни.

Основаніе клиники, какъ мы знаемъ уже, относится къ началу изучаемой нами эпохи: въ 1814 году положено было начало клиникѣ съ 2 отдѣленіями — терапевтическимъ и хирургическимъ. Помѣщалась она въ одномъ изъ университетскихъ флигелей и въ ней было всего 6 кроватей. „Вскорѣ (однако), говоритъ Фойгтъ, тѣснота помѣщенія заставила начальство университета перевести клинику за рѣку Лопань, въ деревянный домъ, купленный у вдовы ген.-лейт. Хорватъ, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ (въ 1859 году) манежъ: это было въ 1819 году. Въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ клиническіе институты расширены: на терапевтическій положено сначала 6, а потомъ 8 кроватей, на хирургическій—6, а потомъ 7, а въ 1829 году учрежденъ акушерскій на 4 кровати. Тогда же по представившейся вновь необходимости дать имъ болѣе просторъ, всѣ они были переведены въ университетскій кварталъ, именно въ каменное угловое зданіе по сѣверную сторону отъ церковнаго корпуса, гдѣ была квартира ректора и гдѣ эти институты остаются и понынѣ. Нижний этажъ его, въ которомъ помѣщалась типографія, былъ въ послѣдствіи времени отданъ исключительно подъ терапевтическій институтъ, верхній—подъ хирургическій, съ отдѣленіемъ одной комнаты для акушерскаго“.

„Терапевтическій институтъ основанъ въ началѣ 1815 года при проф. Дрейсигѣ. Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ его управленія, т. е. до

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1355/65.

²⁾ Проф. М. А. Поповъ. „Проф. Книгинъ“ (Зап. Имп. Харьк. университета, 1900, кн. 2-я, стр. 38).

1819 г., клиника помѣщалась въ одномъ изъ флигелей университета; въ терапевтическомъ институтѣ было всего 6 кроватей; число больныхъ за все это время простиралось только до 122 человекъ и пріобрѣтенія учебныхъ пособій были еще весьма малочисленны. Послѣ смерти профессора Дрейсига, въ июлѣ 1819 года мѣсто его заступилъ проф. Книгинъ, управлявшій терапевтической клинкою до 1828 г. Въ теченіе этого десятилѣтія клиника находилась за р. Лопанью; число кроватей оставалось то-же; число пользуемыхъ доходило до 300 человекъ; пріобрѣтенія были по прежнему незначительны. Въ 1828 г. терапевтическая клиника перешла въ вѣдѣніе проф. *Брандейса*. Трехлѣтнее управленіе его ознаменовалось переводеніемъ клиники въ то зданіе университета, гдѣ она и нынѣ помѣщается; число кроватей увеличено двумя и больныхъ при немъ пользовалось до 100 человекъ. Пріобрѣтенія состояли въ небольшомъ числѣ терапевтическихъ аппаратовъ, между коими была переносная паровая ванна Карцова. Въ 1831 году проф. Блюменталь занялъ должность директора терапевтическаго института. При немъ, именно въ 1835 году, помѣщеніе расширено занятіемъ всего нижняго этажа зданія съ выводомъ оттуда типографіи и произведены въ немъ значительныя перестройки и улучшенія; число кроватей возрасло до 15, а число больныхъ простиралось (съ 1831 по 1835 годъ) до 178 человекъ. Пріобрѣтенія состояли въ анатомическихъ рисункахъ Эстерейхера и разныхъ медицинскихъ журналахъ, впоследствии переданныхъ въ хирургическій кабинетъ².

Хирургическій институтъ. „Начало хирургическаго клиническаго института совпадаетъ съ началомъ терапевтическаго. При ординарномъ профессорѣ теоретической и практической хирургіи Шумлянскомъ въ 1814 году отведено въ одномъ изъ университетскихъ флигелей особое необширное помѣщеніе на 6 кроватей для пріема хирургическихъ больныхъ... и пользованіе ихъ возложено на адъюнкта Колумну-Вигуру. Въ теченіе 5 лѣтъ, сколько усматривается изъ дѣлъ университета, замѣчательныхъ перемѣнъ въ институтѣ не послѣдовало. Число больныхъ за 5 лѣтъ равнялось 130. Съ переводомъ клиники за рѣку Лопань, хирургическій институтъ поступилъ въ 1819 году въ вѣдѣніе адъюнкта, впоследствии орд. проф. Еллинскаго. Проф. *Еллинскій* завѣдывалъ имъ около 14 лѣтъ; при немъ, въ 1829 году, клиника переведена въ настоящее ея помѣщеніе — въ каменное угловое зданіе на сѣверъ отъ церковнаго корпуса, и увеличена одною кроватью; пріобрѣтеніе инструментовъ постоянно продолжалось и число больныхъ возрасло до 56 въ годъ; вообще же въ его управленіе до 1833 года пользовалось въ хирургическомъ институтѣ приблизительно до 500 больныхъ. Послѣ кратко-

временнаго завѣдыванія хирургической клиникой экстраорд. проф. Экеблада въ 1833 году она ввѣрена была въ 1834 году надзору орд. проф. Бутковского, при пособіи адъюнкта Кригера. Тотчасъ по принятіи ими сихъ обязанностей была прибавлена въ институтъ еще одна кровать и число пользующихся въ клиникѣ, въ теченіе этого періода времени, возрасло отъ 50 до 100 въ годъ, а всего до 300; амбулаторныхъ больныхъ было отъ 25 до 200, а оперированныхъ—отъ 25 до 35 ежегодно“.

Акушерскій институтъ. „Хотя преподаваніе акушерства, какъ отдѣльной науки, говоритъ Фойгтъ, было введено въ Харьковскомъ университетѣ въ 1815 году, но оно долгое время ограничивалось однимъ теоретическимъ изложеніемъ и рѣдкими упражненіями на фантомѣ. Только въ 1829 году, по ходатайству проф. Блюменталя, въ угловомъ зданіи университета, гдѣ и нынѣ помѣщается клиника, отведена была одна комната верхняго этажа для акушерскаго института съ 4 кроватями и прочими принадлежностями и вмѣстѣ съ тѣмъ для подавія нужной помощи приглашена была городова повивальная бабка. Приобрѣтеніе необходимѣйшихъ учебныхъ пособій также не было забыто: куплена Зибольдова кровать для роженицъ, восковыя анатомическіе акушерскіе препараты, фантомъ и акушерскіе инструменты. Безъ сомнѣнія это заведеніе еще далеко отъ совершенства и не могло доставлять желаемой пользы учащимся: въ теченіе шестилѣтняго управленія Блюменталемъ число роженецъ простиралось только до 20“.

Итакъ, по даннымъ, сообщаемымъ Фойгтомъ, среднее годовое число больныхъ въ терапевтической и хирургической клиникахъ колеблется между 30—40 и только въ послѣдніе два года возрасло въ послѣдней до 100 человекъ. Число кроватей возрастало довольно медленно, въ зависимости отъ недостатка средствъ и тѣсноты помѣщенія. Акушерская клиника открылась значительно позже и дѣйствовала очень вяло—въ годъ среднимъ числомъ было по 7 роженицъ. Первоначально всѣ клиники ютились во флигелѣ на университетскомъ дворѣ и только въ 1819 году заняли болѣе обширное и удобное помѣщеніе за Лопанью. Но каково было это лучшее помѣщеніе? По этому поводу современникъ—деканъ медицинскаго факультета проф. Клингъ высказался такъ. „Съ самаго открытія университета въ Харьковѣ медицинскій факультетъ, не имѣя существенныхъ для своей цѣли пособій, никогда не былъ въ своемъ должномъ положеніи. Худо устроенныя терапевтическая и хирургическая клиники, недостатокъ хирургическаго кабинета и акушерской клиники были и суть главнѣйшія тому причины. Съ самаго открытія университета всѣ медицинскія заведенія находились въ университетскомъ одноэтажномъ флигелѣ... Клиники терапевтическая и

хирургическая, мужскія и женскія, помѣщались въ трехъ комнатахъ почти такой же величины (какъ и тѣ, гдѣ былъ анатомическій театръ, т. е. пятиаршинныя), но акушерская, *по недостатку комнатъ*, не существовала. При постройкѣ университетскихъ, по новому плану, зданій, въ которыхъ медицинскія заведенія всѣ были выпущены, тотъ флигель, гдѣ они помѣщались, сломанъ; но дабы не остановилось преподаваніе медицинскихъ лекцій, то для сей цѣли купленъ былъ старый деревянный домъ на берегу рѣки Лопани для временнаго преподаванія въ немъ медицинскихъ лекцій, въ который переведены терапевтическая и хирургическая клиники; но и тамъ, за неимѣніемъ комнатъ, акушерская клиника не могла быть устроена. Домъ, въ которомъ помѣщаются клиники, ветхъ и близокъ къ разрушенію; по этой причинѣ онъ и назначенъ былъ въ 1825 году въ сломку. Домъ этотъ тѣсенъ и для клиникъ совсѣмъ не пригоденъ, ибо въ немъ нельзя больныхъ женскаго пола отдѣлить отъ мужскаго, страждущихъ заразительными и глазными болѣзнями отъ прочихъ; нѣтъ мѣста для ваннъ, меркуріальныхъ трепій; нѣтъ операціонной залы, кладовой и даже отдѣльныхъ нужныхъ мѣстъ. Положенное число 12 больныхъ для двухъ клиникъ обоюго пола совершенно недостаточно и тѣмъ важнѣе сей недостатокъ, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной и никакой больницы; слѣдовательно, воспитанникамъ практическимъ свѣдѣніямъ, кромѣ клиники, научиться негдѣ; а посему число больныхъ должно быть увеличено по крайней мѣрѣ вдвое, т. е. вмѣсто 6 по 12 на каждую клинику... Хирургическій кабинетъ находится также въ бѣдномъ состояніи, ибо онъ не имѣетъ ни всѣхъ нужныхъ инструментовъ, ни моделей, ни бандажей, да и не имѣетъ способовъ для своего усовершенствованія, ибо по штату на него ничего не назначено; посему я полагаю нужнымъ испросить на улучшеніе и усовершенствованіе его ежегодно по 500 руб.¹⁾

А вотъ отзывъ и другого современника — проф. Брандейса о терапевтической клиникѣ въ ея прежнемъ помѣщеніи за Лопанью и новомъ въ извѣстномъ намъ университетскомъ корпусѣ. Нельзя впрочемъ игнорировать того обстоятельства, что онъ составленъ былъ для попечителя А. А. Перовскаго, желавшаго убѣдиться въ томъ, какой прогрессъ былъ достигнутъ Харьковскимъ университетомъ за время его управленія (съ 1825 по 1830 годъ). „По вступленіи въ должность его превосходительства попечителя, университетская клиника помѣщалась въ особенномъ домѣ, отдѣленномъ отъ университетскихъ зданій, — на берегу рѣки Лопани. По ветхости дома, худому расположенію комнатъ и

¹⁾ М. А. Половъ. „Проф. П. Д. Книгинъ“ (Зап. Имп. Харьк. университета, 1900, кн. 2-я, стр. 36—37).

близости рѣки, которая при разлитіи своемъ заливала клиническіе погреба и потопляла главный домъ, а въ прочее время зацѣпляла по свойству стоячей воды, прежнее помѣщеніе клиники было самое невыгодное. Бѣлье, кровати, тюфики, больничныя столы, посуда и проч. по давности и небреженію вовсе не соответствовали цѣли благоустроеннаго заведенія. Экономическое и полицейское управленіе клинкою было также вовсе недостаточно. Почему его превосходительство попечитель, нашедши профессора, способнаго къ исполненію его намѣреній по сей части, 12 марта 1828 года приказалъ преобразовать клинику, вслѣдствіе чего она временно помѣщена въ очень хорошемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ къ главнымъ университетскимъ зданіямъ; она занимаетъ 14 комнатъ, въ коихъ помѣщаются больныя мужскаго и женскаго пола, по свойству терапевтическихъ и хирургическихъ болѣзней и въ томъ числѣ 3 кровати для акушерства. Стѣны внутри клиники окрашены зеленою краскою (особенно благотѣльною для рѣнія), а полъ темножелтою масляною краскою. Во всемъ домѣ окна набыты большими вентиляторами, отчего воздухъ, несмотря на судна, стоящія въ переднихъ и большое количество людей, чрезвычайно чистъ. Духня нижняго этажа превращена въ баню, а въ отдаленномъ углу вора клиника занимаетъ комнату, гдѣ производится вскрытіе тѣлъ умершихъ, для показанія учащимся внутреннихъ измѣненій, произведенныхъ болѣзнію и для лучшаго изъясненія хода болѣзни. Въ комнатахъ больныхъ къ окнамъ сдѣланы зеленныя камготныя занавѣси и золотныя шторы; на 18 больныхъ сдѣлано новое, очень хорошее и въ достаточномъ количествѣ бѣлье; также желѣзныя кровати, тюфики, бѣлья, посуда, ковры, мебель берестоваго дерева лучшей работы. Приютіе, лѣченіе, содержаніе больныхъ и смотрѣніе за ними производится въ отличномъ вниманіемъ и заботливостью, для исполненія этого помѣщены въ клиникѣ ординаторъ и 3 надзирательницы. По этимъ причинамъ смертность въ клиникѣ почти ничтожна, ибо, не взирая на то, что въ клинику принимаются самыя опасныя больныя, изъ 60 выростовъ всѣ, исключая 3-хъ, вскрытіе коихъ ясно доказало невозможность продолженія жизни. При всемъ удобствѣ и совершенствѣ перешей клиники, содержаніе ея въ годъ обходится до 2000 р., т. е. четверо меньше противъ прежняго, между тѣмъ, какъ всякій, желавшій поступить въ прежнюю клинику, приводимъ былъ въ ужасъ. Теперь же напротивъ больной считаетъ за счастье, если найдутъ болѣзнь заслуживающею вниманія для помѣщенія его въ клинику. Въ хирургическомъ и акушерскомъ отдѣленіяхъ клиники имѣется все нужное въ достаточномъ количествѣ; но для усовершенствованія хирургическаго

и акушерскаго кабинетовъ относительно инструментовъ, испрашивается разрѣшеніе высшаго начальства на отпускъ потребныхъ для этого суммъ. Хотя таковое по всей справедливости отличное устройство клиники стоитъ университету до 5000 р., но все приобрѣтенное на эту сумму, при предполагаемомъ перемѣщеніи ея (ибо настоящее помѣщеніе ея не совсѣмъ выгодно), останется совершенно годнымъ“¹⁾.

Нельзя упускать изъ виду, при оцѣнкѣ этого свидѣтельства, что оно принадлежитъ заинтересованному лицу, желавшему выставить въ возможно лучшемъ свѣтѣ свою собственную дѣятельность—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это ярко бросается въ глаза,—но съ другой стороны мы видимъ здѣсь радужное впечатлѣніе дѣятеля, которому пришлось работать въ несравненно лучшей обстановкѣ, чѣмъ его предшественникамъ: новое помѣщеніе клиники было вѣтъ всякаго сомнѣнія гораздо обширнѣе и лучше прежняго. Чрезвычайно благопріятный отзывъ о дѣятельности проф. Брандейса, въ качествѣ директора клиники, высказалъ, какъ мы знаемъ, и попечитель округа А. А. Перовскій.

По официальнымъ даннымъ къ 1-му января 1835 года кроватей въ терапевтической клиникѣ было 10 и со всѣхъ больныхъ, кромѣ бѣдняковъ, взымалась плата; съ 1-го ноября 1833 г. по 1-е января 1835 г. (т. е. за 14 мѣсяцевъ) всѣхъ больныхъ въ клиникѣ было 84, амбулаторныхъ 220. Въ большинствѣ случаевъ это были слѣдующія болѣзни—нервные горячки, острые ревматизмы, простудные поносы, чахотка и водянка. Студентамъ 4-го курса ввѣрялось въ клиникѣ лѣчение подъ наблюдениемъ и бдительнымъ надзоромъ директора профессора, который не иначе осматривалъ больныхъ, какъ въ сопровожденіи учащихся, посѣщалъ клинику каждый день, одинъ разъ для больныхъ хроническими болѣзнями, два раза и болѣе для страдавшихъ острыми заболѣваніями. Завѣдывалъ ею проф. Блюменталь, а помощникомъ его былъ адъюнктъ Кригеръ.

Въ хирургической клиникѣ было въ 1834 г. 8 кроватей (также платныхъ вообще и бесплатныхъ для бѣдныхъ). Съ 1-го ноября 1833 г. по 1-е января 1835 года (за 14 мѣсяцевъ) больныхъ было 59, амбулаторныхъ 210. Въ это время сдѣлано 35 значительныхъ операций, въ томъ числѣ: *operatio entropii*—3, *paracentesis abdominis*—4, *operatio plerigii*—1, *laberaphia*—1, *extirpatio haleucis*—1, разсѣченіе покрововъ *usque ad fascim latam in Telomolascia*—2, литотоміи—5, кои всѣ кончились благополучно, ампутація голени—1, предилечія—1, вылушчиваніе мѣшечныхъ опухолей—2, жирныхъ наростовъ—3, мясныхъ—1,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пом. № 1284/72.

extirpatio osteosteirtomatis—1, operacio cataracta—7, excisio Scirri—1, extirpatio phalangis digiti manus—1. Въ продолженіе этого времени умерло—5, совершенно выздоровѣло—42, несовершенно—12. Студенты 4-го и 3-го курсовъ занимались легкими операціями, какъ-то: кровопусканіемъ, вырѣзываніемъ мѣшечныхъ опухолей, рваніемъ зубовъ, наложеніемъ швовъ, лигатуръ на сосуды, останавливаніемъ кровотеченій посредствомъ торзіи сосудовъ, вскрытіемъ нарывовъ, вправливаніемъ вывиховъ, переломовъ, выпавшихъ грыжъ; и вообще всѣ перевязки дѣлались исключительно учащимися; въ большихъ же операціяхъ, произведенныхъ адъюнктомъ Кригеромъ, они дѣятельно участвовали, какъ ассистенты; они же составляли кустодіи послѣ каждой важной операціи. По 1-е ноября 1834 года клинкою завѣдывалъ адъюнктъ Кригеръ, а съ того времени орд. проф. хирургіи Бутковский съ Кригеромъ. При хирургической клиникѣ находились въ это время инструменты для кровавыхъ и не кровавыхъ операцій, аппараты для искривленій и переломовъ и модели для ограниченія болѣзненно-направленной боли, также ружейныя носилки для удобнаго перенесенія раненыхъ съ поля сраженія ихъ товарищами.

Въ акушерской клиникѣ было 4 кровати. Съ 1-го ноября 1833 по 1-е января 1835 года было 2 роженницы, которыя благополучно разрѣшились отъ бремени при нормальныхъ родахъ. По 1-е ноября 1834 г. клинкою завѣдывалъ проф. Блюменталь съ адъюнктомъ Кригеромъ, а послѣ этого орд. проф. акушерства Ганъ съ тѣмъ же адъюнктомъ. При клиникѣ находилось собраніе акушерскихъ щипцовъ, тѣло-вѣсомѣровъ, лизеометровъ и пр., фантомъ для практическихъ занятій учащимся, истероплазмы и восковые препараты женскихъ дѣтородныхъ органовъ¹⁾.

Кромѣ перечисленныхъ учебновспомогательныхъ учреждений, существовали еще классы рисованія и живописи, музыки и фехтованія и въ нихъ также были соотвѣтственные инструменты, необходимые для преподаванія этихъ предметовъ.

О кабинетѣ рисованія и живописи у Фойгта мы находимъ слѣдующія данныя. „Съ 1814 года приобрѣтенія (для кабинета) шли поочередно — частію пожертвованіями частныхъ лицъ, частію покупками суммъ университета, примѣняясь къ потребностямъ учащихся. Такимъ образомъ въ кабинетъ поступили: образцы для первоначальныхъ упражненій въ рисованіи, литографированныя головы съ оригинальныхъ картинъ и бюстовъ, изданныя Обществомъ поощренія художниковъ, литографіи съ картинъ русскихъ живописцевъ, гравированныя головы съ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

картинъ древнихъ, среднихъ и новыхъ художниковъ, иллюминированныя головы, эстампы съ историческихъ картинъ, фигуры и полуфигуры, снятыя со статуй, этюды лошадиныхъ головъ, ландшафты и перспективные виды, частію иллюминированныя, частію подъ англійскую тушевку и нѣсколько гипсовыхъ мифологическихъ статуй въ небольшомъ видѣ¹⁾. Такимъ образомъ, кабинетъ этотъ имѣлъ исключительно педагогическую цѣль—долженъ былъ служить подспорьемъ для существовавшаго тогда при университетѣ рисовальнаго класса. Знаменитая коллекція эстамповъ Аделунга въ составъ его тогда не входила.

Въ 1821 году учитель музыки при университетѣ Лозинскій ходатайствовалъ о приобрѣтеніи взаменъ старыхъ негодныхъ слѣдующихъ новыхъ инструментовъ—одной пары кларнетовъ *II* цѣною до 175 руб., одной пары флейтаверсовъ цѣною до 75 р., 3-хъ скрипокъ цѣною до 120 р., нотъ на 100 р.; всего на сумму 470 руб. Въ 1832 году онъ же просилъ о покупкѣ пары кларнетовъ въ рогу *A* и *B* о 5 клапанахъ цѣною въ 190 р., пары кларнетовъ *II* цѣною въ 140 р., пары большихъ флейтъ *D* въ кости цѣною въ 60 р. и пары флейтъ въ рогу цѣною въ 40 р.; всего на 430 р. Обѣ просьбы были уважены и деньги были выданы изъ хозяйственныхъ средствъ университета¹⁾.

Отмѣтимъ еще проекты 3 неосуществившихся учреждений—студенческой больницы, манежа и статистическаго комитета; послѣдній предполагалось учредить при одномъ изъ русскихъ университетовъ въ 1829 г. но извѣстный профессоръ Парротъ представилъ записку (она сохранилась при дѣлахъ), гдѣ доказывалъ его *вредъ* для профессоровъ и университета²⁾.

Изъ всего изложеннаго видно, что состояніе многихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета было далеко не удовлетворительное. Особенно ощутительно давалъ себя чувствовать недостатокъ помѣщеній и средствъ, а подчасъ и энергичныхъ, преданныхъ дѣлу завѣдующихъ. Можно сказать, что достигли цвѣтущаго состоянія тѣ учебновспомогательныя учреждения, которые имѣли такихъ лицъ. Нѣкоторыми же изъ учреждений могъ смѣло гордиться въ свое время нашъ университетъ. Многія изъ нихъ служили только для нуждъ самого университета—его преподавателей и студентовъ—но и для мѣстнаго общества, для всего края и даже округа; сюда нужно причислить типографію, книжный магазинъ, бібліотеку, ботаническій садъ и, наконецъ, клиники. Трудно, конечно, учесть ту пользу, которую они

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло поп. № 843/46.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло поп. №№ 1399/80, 1991/127; правд. № 1888/121.

принесли населенію,—способствуя его физическому и духовному росту и развитію, потому что она не всегда укладывается въ цифры, да и нѣтъ въ нашемъ распорядкѣ всѣхъ необходимыхъ числовыхъ данныхъ. Правда, представленныя нами цифры больныхъ, лѣчившихся въ университетскихъ клиникахъ, поражаютъ насъ своими скромными размѣрами сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ; но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду той перемѣны, которая произошла въ развитіи самого Харькова и ростѣ его населенія — тогда и онѣ не покажутся уже столь ничтожными. Дѣятельность же университетской типографіи и магазина должна быть признана значительною даже и безотносительно къ этому. Но и помимо этого *непосредственнаго* вліянія университетъ и его учебновспомогательныя учрежденія оказывали еще значительное и благотворное косвенное вліяніе на окружающую среду, являясь живымъ культурнымъ центромъ въ городѣ и краѣ, вызывая примѣръ и подражаніе, наглядно, такъ сказать, собственнымъ примѣромъ, поднимая уровень культурныхъ потребностей окружающаго общества и показывая способы ихъ удовлетворенія.

3-я ГЛАВА.

Научно-преподавательская дѣятельность и бытъ профессоровъ.

Въ 1-мъ томѣ своего труда, обнимающемъ первое десятилѣтіе въ исторіи Харьковскаго университета, мы представили данныя о научно-преподавательской дѣятельности и бытѣ профессоровъ, дѣйствовавшихъ въ этотъ періодъ; здѣсь мы сдѣлаемъ такой же обзоръ за время съ 1815 по 1835 годъ и прежде всего сообщимъ біографическія свѣдѣнія о профессорахъ и преподавателяхъ этого новаго двадцатилѣтія до опредѣленія ихъ на должность въ Харьковскій университетъ, чтобы составить себѣ представление о научной подготовкѣ лицъ, вступавшихъ въ профессорскую коллегію ¹⁾.

Изъ профессоровъ и преподавателей перваго десятилѣтія къ началу изучаемаго нами періода осталось 26 душъ, въ томъ числѣ на этико-политическомъ факультетѣ 6—Шадъ, Лангъ, Швейкардъ, Рейтъ Пауловичъ, Дудровичъ; на физико-математическомъ 8—Осиповскій, Делявинъ, Нельдехенъ, Тауберъ, Васильевъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій; на медицинскомъ 8—Шумлянскій, Пильгеръ, Дрейсигъ, Каменскій, Книгинъ, Ванноти, Болгаревскій, Колумна-Вигура и на словесномъ 4—Дегуровъ, Ив. Срезневскій, Успенскій, Паки-де-Совиньи. Изъ 26 человекъ 14 было иностраннаго и 12 русскаго происхожденія. Всѣхъ профессоровъ и преподавателей было въ 1-й періодъ 44, въ томъ числѣ иностранцевъ 26 и русскихъ 18. Новыхъ дѣятелей явилось 48 человекъ. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на словесномъ—17, этико-политическомъ—8, физико-математическомъ—4, медицинскомъ—12.

Начнемъ свое обозрѣніе съ словеснаго факультета.

Василій Яковлевичъ Джунковскій—изъ дворянъ, родился въ 1767 г. По окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ, поступилъ въ 1788 г. на службу волонтеромъ въ Петербургскій военный госпиталь, а затѣмъ въ 1790 году былъ назначенъ учителемъ русскаго, латинскаго и греческаго

¹⁾ Главнымъ матеріаломъ для настоящаго обзора послужать рукописныя формулярныя списки этихъ дѣятелей, хранящіеся въ университетскомъ архивѣ. Затѣмъ мы дополняли этотъ матеріалъ и другими данными, извлеченными изъ нѣкоторыхъ печатныхъ бібліографическихъ трудовъ (напримѣръ, Геннади).

языковъ въ медико-хирургическій институтъ. Сверхъ того, ему было поручено наблюдение за учащимися; въ 1795 году опредѣленъ также переводчикомъ въ бывшую государственную медицинскую коллегію. По присоединеніи института къ медико-хирургической академіи въ 1802 году сдѣланъ въ ней библіотекаремъ и начальникомъ архива медицинской управы и корректоромъ медицинской типографіи. Затѣмъ избранъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, комитета для изданія медицинскаго журнала и корреспондентомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія. По порученію начальства, сочинилъ: 1) исторію врачебной науки въ Россіи съ древнихъ до нынѣшнихъ временъ; 2) частныя жизнеописанія нѣкоторыхъ русскихъ врачей; 3) наставленіе о дѣланіи фаянсовой посуды; 4) наставленіе о приготовленіи Берлинской лазури; 5) описаніе разныхъ способовъ приготовленія ультрамарина; 6) объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность; перевелъ, по порученію начальства, съ разныхъ языковъ слѣдующіе труды: 1) Мурзины. Новыя медико-хирургическія наблюденія; 2) Гуна. Топографическое описаніе города Риги; 3) Способъ замѣнить иностранный сахаръ домашними произведеніями; 4) Луца. Другъ здоровья; 5) Врачебныя извѣстія о преждевременномъ погребеніи мертвыхъ; 6) Способъ избавлять утопшихъ и другимъ подобнымъ случаямъ подверженныхъ людей отъ смерти; 7) Удина. Наставленіе о скотскихъ болѣзняхъ; 8) Глазена. О прививаніи человѣческой оспы; 9) Наблюденіе о коровьей оспѣ; 10) Ловица. Способъ дѣлать самую крѣпкую укусную кислоту; 11) Буттаца. О прививаніи коровьей оспы; 12) Ширензеля. Критическое обозрѣніе врачебной науки въ послѣднемъ десятилѣтіи; 13) Рольвеса. Скотскій лѣчебникъ; 14) Описаніе желтой американской горячки; 15) Сика. Наставленіе объ овечьей оспѣ; 16) Гитона Морво. О благораствореніи воздуха и отвращеніи заразы; 17) Шерера. Руководство къ преподаванію химіи; 18) Ремана. Описаніе туркестанскихъ минеральныхъ водъ; 19) Удена. Наставленіе о скотскихъ заразахъ съ прибавленіями; 20) Рихтера. Начальныя основанія хирургіи (3 послѣднія части); 21) Гуна. Дополненіе къ медико-топографическому описанію Лифляндіи; 22) Эргарда. О разведеніи и приготовленіи разнаго рода табаку; 23) Боянуса. О падежѣ рогатаго скота; 24) По особому порученію бывшаго министра финансовъ гр. Васильева подготавливалъ разныя статьи для составленія русскійскихъ государственныхъ законовъ; 25) велъ въ журналѣ Экономическаго Общества отдѣлъ подъ заглавіемъ: Хозяйственныя записки. Въ 1818 году избранъ на 51-мъ году жизни совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора греческаго языка.

Изъ представленнаго нами формуляра видно, что В. Я. Джунковскій не только не имѣлъ ученой степени (магистра или доктора), необходимой для полученія профессоры, но даже не получилъ и высшего образованія. Правда у него, какъ мы видѣли, было очень много печатныхъ трудовъ, но въ огромномъ большинствѣ это были переводы, и при томъ не имѣвшіе никакого отношенія къ греческому языку, или же компиляціи по технологіи и медицинѣ. Единственнымъ трудомъ его по классической филологіи является работа объ изящныхъ искусствахъ у грековъ, но и она самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Было бы еще понятно, если бы Джунковскій былъ избранъ въ профессора сельскаго хозяйства, но выборъ его въ преподаватели греческаго языка является совершенно страннымъ и непонятнымъ; по всей вѣроятности, здѣсь дѣйствовало вліяніе министра кн. А. М. Голицына и новаго попечителя З. Я. Карнѣева, рассчитывавшихъ найти въ немъ усерднаго проводника ихъ мистическихъ воззрѣній; извѣстно, что Джунковскій скоро сдѣлался преданнѣйшимъ слугою З. Я. Карнѣева.

Полную противоположность въ смыслѣ ученой подготовки къ своему поприщу представляетъ *Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ*. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, былъ московскимъ уроженцемъ, родился въ 1785 г. Обучался въ Германіи въ университетахъ Галле и Іены по 1807 годъ, получилъ степень доктора философіи въ Іенскомъ университетѣ въ 1807, избранъ былъ членомъ Іенскаго латинскаго Общества, а въ 1814 г.—Германскаго минералогическаго Общества въ Іенѣ. Поступилъ на службу въ экспедицію о государственныхъ доходахъ, а затѣмъ въ концѣ 1814 г. былъ назначенъ директоромъ московскаго коммерческаго училища. Въ 1819 году опредѣленъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по латинской словесности и древностямъ. Кронебергъ избралъ своею спеціальностью латинскій языкъ и усердно работалъ въ этой области: подавъ попечителю прошеніе о занятіи вакантной каѣдры латинской словесности, онъ приложилъ кромѣ своего формуляра еще краткое обзорѣніе римской литературы на латинскомъ языкѣ, латинскую грамматику, приготовленную къ печати, и нѣсколько листовъ латино-русскаго словаря, первая часть котораго должна была въ непродолжительномъ времени выйти въ свѣтъ. Въ заключеніе своего письма онъ заявлялъ, что не имѣетъ другого желанія, кромѣ того чтобы посвятить себя исключительно наукѣ. Совѣтъ университета не считъ возможнымъ избрать Кронеберга прямо въ экстраординарные профессора, какъ то предлагалъ попечитель, такъ какъ „изъ доставленныхъ имъ трудовъ не могутъ быть усмотрѣны его свѣдѣнія въ латинской словесности“, а избралъ его только въ адъюнкты. Вопросъ этотъ, какъ мы знаемъ, осложнялся тѣмъ,

что на эту кафедру претендовали и Пани де-Савиньи, и Феснеръ, и Пробстъ. Кронебергъ получилъ 7 избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ голоса (20 ноября 1818 года). Невольно бросается въ глаза строгость Совѣта при выборахъ Кронеберга и излишняя уступчивость при выборахъ Джунковскаго, а оба избранія происходили въ одномъ и томъ же году.

Третьимъ представителемъ классицизма на словесномъ факультетѣ былъ *Павелъ Алексѣевичъ Куницкій*. Родился въ 1788 году; происходилъ изъ духовнаго званія. Съ 1799 года обучался въ Киевской Духовной академіи, потомъ уволился изъ духовнаго званія и поступилъ въ 1810 г. въ Московскій университетъ, гдѣ въ слѣдующемъ году получилъ степень кандидата словесныхъ наукъ; затѣмъ подвергался при Московскомъ университетѣ экзамену по *греческому языку* и назначенъ въ 1816 г. преподавателемъ этого языка въ Харьковскомъ университетѣ, а въ 1818 г. избранъ и утвержденъ адъюнктомъ; съ 1817 по 1821 гг. преподавалъ также этотъ предметъ и въ Харьковскомъ коллегіумѣ.

Четвертымъ представителемъ классической филологіи былъ *Эрнстъ Карловичъ Мауреръ*, утвержденный прямо ординарнымъ профессоромъ греческаго языка въ 1828 году по предложенію попечителя А. А. Перовскаго. Изъ иностранцевъ; родился въ 1780 г. заграницей и тамъ же получилъ степень доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ.

Мауреръ былъ родомъ изъ Саксоніи, учился въ Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ университетахъ, гдѣ и получилъ вышеуказанныя ученныя степени, потомъ слушалъ лекціи въ учительской семинаріи въ Берлинѣ и назначенъ былъ въ директоры тамошней гимназіи, но не принявъ этой должности по домашнимъ обстоятельствамъ. Какъ мы знаемъ уже, о немъ ходатайствовали передъ попечителемъ академіи Шторхъ и Грефе и однокашникъ его министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде. Ученыхъ трудовъ у него не было; но онъ просилъ А. А. Перовскаго дать ему въ университетѣ деполнительную должность—или другую кафедру, или завѣдываніе учительской семинаріей, или управленіе бібліотекой, или изслѣдованіе школъ въ округѣ; если теперь этого дѣлать нельзя, то имѣть въ виду въ будущемъ, а онъ съ своей стороны увѣряетъ, что заслужить эту прибавку своими трудами.

Иванъ Альбертъ Бернгардъ Дорнъ, изъ иностранцевъ; родился въ 1800 году; получилъ степень доктора философіи при Лейпцигскомъ университетѣ и былъ оставленъ тамъ преподавателемъ восточныхъ языковъ; въ 1827 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ восточныхъ языковъ Харьковскаго университета. Это назначеніе было заслужено Дор-

номъ, такъ какъ и Лейпцигскій университетъ сдѣлалъ его преподавателемъ восточныхъ языковъ.

Федоръ Федоровичъ Чановъ родился въ 1783 году; сынъ поручика. Воспитывался въ дворянской гимназiи при Московскомъ университетѣ на казенномъ содержанiи съ отличнымъ прилежанiемъ и успѣхами, затѣмъ отправленъ былъ въ Ярославское Демидовское училище высшихъ наукъ, гдѣ обучался закону Божію, юриспруденціи, философiи, естественному, народному и римскому праву, статистикѣ, политической экономiи, финансовому праву, словесности и эстетикѣ, физикѣ, чистой и прикладной математикѣ, всеобщей и русской исторiи и географiи съ такими же успѣхами. Окончивъ курсъ, *поступилъ въ 1806 году въ штатъ городской Ярославской полиціи кварталнымъ надзирателемъ* въ чинѣ коллежскаго регистратора, но пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а отсюда перешелъ въ пансіонъ при Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ, гдѣ обучалъ въ званiи учителя чистой математикѣ, всеобщей исторiи, географiи и русской словесности и былъ старшимъ надзирателемъ надъ пансіонерами; по закрытіи пансіона, былъ назначенъ въ 1809 г. учителемъ латинскаго языка въ Ярославскую губернскую гимназiю; по порученію высшаго начальства преподавалъ также безъ жалованья физику и математику; вмѣсто латинскаго языка ему было поручено въ 1812 г. преподаваніе философiи, политическихъ наукъ и русской словесности; въ 1814 году былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ и секретаремъ Общества любителей Россійской словесности при Ярославскомъ Демидовскомъ высшемъ училищѣ. Разновременно исправлялъ должность директора училищъ Ярославской губерніи; въ 1824 году назначенъ былъ инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и членомъ совѣта того же училища; по порученію почетнаго попечителя училища временно исправлялъ обязанности профессора общаго, народнаго и римскаго права. Въ 1826 году уволился отъ должности инспектора и поступилъ столоначальникомъ департамента главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1827 году опредѣленъ былъ совѣтникомъ Петербургскаго губернскаго правленія, устроилъ типографію и занимался разборкою дѣлъ. Временно управлялъ разными экспедиціями губернскаго правленія. Въ 1830 г. былъ опредѣленъ директоромъ училища Слободско-Украинской губерніи. Въ 1831 году назначенъ, по представленію попечителя В. И. Филатьева, еще и *ординарнымъ профессоромъ философiи* Харьковскаго университета. Хотя Чановъ, по объясненію попечителя Филатьева, только числился кварталнымъ надзирателемъ, дабы не терять времени службы, а получилъ высшее образованіе и даже читалъ лекціи въ Ярославскомъ училищѣ, но все-таки назначеніе его на долж-

ность ординарнаго профессора философіи совершенно не соответствовало его научно-образовательному цензу: философіей спеціально онъ не занимался и ничего по ней не писалъ, а преподаваніе этого предмета (въ числѣ прочихъ) въ гимназій также не давало ему никакого права на университетскую кафедру, тѣмъ болѣе, что въ Харьковскомъ учебномъ округѣ были учителя, слушавшіе Шада и имѣвшіе ученыя степени по этому предмету. Притомъ Чановъ въ послѣднее время служилъ не по педагогической части. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Чанову покровительствовалъ Филатьевъ, бывшій предводителемъ дворянства въ Ярославской губ. (онъ и самъ этого не отрицаетъ) и что благодаря его покровительству онъ получилъ и профессуру—ссылка же Филатьева на совѣтъ и профессоровъ не состоятельна, потому что и представленіе о дарованіи ему должности ординарнаго профессора исходило отъ попечителя, а не совѣта. Никакихъ печатныхъ трудовъ до поступленія преподавателемъ въ Харьковскій университетъ у Чанова не было, если не считать рукописнаго конспекта, который оцѣнивалъ попечитель, выставлявшій себя спеціалистомъ во всѣхъ наукахъ словеснаго и этико-политическаго факультетовъ. Назначеніе Чанова возмутило даже обитавшую и ко всему уже привыкшую ученую коллегію Харьковского университета.

Не болѣе научной подготовки имѣлъ также назначенный Филатьевымъ въ адъюнкты Чанову *Осипъ Ивановичъ Гренбергъ*. Онъ родился въ 1802 году въ Лифляндіи; воспитывался въ Филинскомъ уѣздномъ училищѣ, Кенигсбергской гимназій и Дерптскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ богословскія науки и въ 1822 году былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Въ 1828 г. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ должность лектора нѣмецкаго языка, а въ 1831 году былъ назначенъ, по ходатайству попечителя В. И. Филатьева, *адъюнктомъ къ Чанову*, съ порученіемъ читать антропологию и логику.

Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій родился въ 1790 году. Воспитывался въ Тульской семинаріи и педагогическомъ институтѣ. Былъ заѣмъ учителемъ Оскольского (Курской губерніи) уѣзднаго училища, а потомъ сдѣланъ былъ за научно-литературные труды *адъюнктомъ* Харьковского университета по русской словесности.

Ему принадлежали слѣдующіе труды: 1) Духъ русскихъ. Осенняя жнь 1812 г. П., 1813; 2) Духъ Тибуны и Горація. Х., 1814; 3) Практика французскаго языка. 2 ч. Х., 1814; 4) О подражательной гармоніи слова. Опытъ. Х., 1815; 5) Опыты въ прозѣ. Х., 1818; 6) Теорія языка Гессъ-де-Кальве. Пер. съ нѣм. 2 части. Х., 1818; 7) Издавалъ въ Филомафитскимъ Украинскій Вѣстникъ въ 1816—1818 годахъ.

Таковы были преподаватели словеснаго факультета, вступившіе въ него извнѣ—частію изъ заграницы, частію изъ Россіи. А нижеслѣдующія лица были питомцами самого же Харьковскаго университета.

Дмитрій Семеновичъ Борзенковъ—изъ духовнаго званія; родился въ 1779 году. Съ 1789 по 1804 годъ учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, откуда поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета. Въ 1808 году получилъ степень кандидата и опредѣленъ учителемъ философіи, русской словесности и политической экономіи въ Воронежскую гимназію. Въ 1811 году былъ переведенъ лекторомъ русской словесности въ Харьковскій университетъ, а также преподавалъ російскій слогъ и политическую экономію чиновникамъ, обязаннымъ гражданскою службою. Въ 1812 году послѣ строгаго испытанія и защиты тезисовъ (согласно IX-й гл. устава) получилъ степень магистра словесныхъ наукъ; избранъ былъ въ помощники бібліотекаря. Перевелъ съ латинскаго языка: 1) диссертацию о существенномъ достоинствѣ философіи; 2) сочиненія проф. Роммеля объ улучшеніи способа ученія въ гимназіяхъ; 3) два письма Саллюстія къ Цезарю объ управленіи республикою; всѣ эти 3 перевода были напечатаны. Въ 1815 году былъ утвержденъ *адъюнктомъ словесности*.

Александръ Васильевичъ Склабовскій родился въ 1793 году; происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначально воспитывался въ Воронежской семинаріи, а по окончаніи ея въ Харьковскомъ университетѣ (былъ своекоштнымъ студентомъ); въ 1819 году получилъ степень кандидата, а въ 1822 году, по выдержаніи испытанія, магистра русской словесности; въ 1823 утвержденъ *адъюнктомъ русской словесности*.

Иванъ Яковлевичъ Золотаревъ сынъ войсковаго довскаго старшины; родился въ 1802 году. Въ 1816 г. былъ принятъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ по указанію университетскаго начальства. Въ 1821 году получилъ степень кандидата на словесномъ факультетѣ. Въ 1822 году, по ходатайству инспектора студентовъ, за примѣрное благонравіе и склонность къ наукамъ, былъ оставленъ при университетѣ на основаніи 117 § устава и ему предоставлено было въ качествѣ кандидата преподаваніе риторики; въ 1826 г. ему было поручено временно чтеніе лекцій по поэзії съ вознагражденіемъ адъюнкта; въ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ должности *адъюнкта по русскому языку и словесности*.

Василій Алексѣевичъ Якимовъ. Родился въ 1800 году; происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса семинаріи поступилъ въ 1823 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета на словесный факультетъ, который окончилъ въ 1826 году со званіемъ

кандидата, получивъ предварительно золотую медаль за сочиненіе. Въ 1827 году былъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; въ 1831 г. ему было поручено преподаваніе словесности въ университетѣ; въ 1832 г. въ Петербургскомъ университетѣ получилъ степень магистра *словесныхъ наукъ* и утвержденъ *адъюнктомъ по этому предмету*.

Евграфъ Матвѣевичъ Филомафитскій родился въ 1791 году; изъ духовнаго званія. Съ 1899 по 1810-й годъ учился въ Ярославской духовной семинаріи, потомъ въ Ярославскомъ высшемъ Демидовскомъ училищѣ; въ 1812 г. состоялъ студентомъ Харьковского университета, а въ 1813 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата, получивъ раньше золотую медаль за латинское сочиненіе, въ 1815 году напечаталъ оду для университетскаго акта. Въ 1816 году получилъ степень магистра изящныхъ наукъ и искусствъ. Съ 1816 г. по 1819-й годъ участвовалъ въ изданіи Украинскаго Вѣстника, а въ 1819 году издавалъ его одинъ; ему же поручено было наблюденіе за изданіемъ для училищъ книгъ „Opera Vergiliі Maranis“. Съ 1818 года ему было предоставлено преподаваніе всеобщей исторіи и древней географіи. Въ 1819 году избранъ совѣтомъ университета въ *адъюнкты всеобщей исторіи и древней географіи*.

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ родился въ 1790 году въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ., изъ дворянъ; воспитывался въ Кіевской духовной академіи съ 1807 по 1817-й годъ, гдѣ испытывалъ страшную нужду; затѣмъ въ 1817 году поступилъ вольнослушателемъ въ Харьковскій университетъ. Въ 1818 г., по представленію Совѣта, утвержденъ лекторомъ польскаго языка. Въ 1820 году съ согласія попечителя поручено было ему временное преподаваніе русской исторіи, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ удостоенъ былъ степени кандидата. Въ 1821 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ, защитилъ диссертацию и получилъ степень магистра словесныхъ наукъ. Въ 1823 г. утвержденъ *адъюнктомъ русской исторіи и статистики*.

Владиміръ Францовичъ Цыль родился въ 1805 году; сынъ майора. По окончаніи Екатеринославской гимназіи, поступилъ въ 1822 году съ своекоштные студенты Харьковского университета и получилъ въ 1825 году степень кандидата словесныхъ наукъ. Въ этомъ же году былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1831 году былъ опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ институтѣ и поручено ему было преподаваніе всеобщей исторіи въ университетѣ; въ 1833 году онъ получилъ *степень магистра и должность адъюнкта исторіи при Харьковскомъ*

университетъ (магистерская диссертация его „О способѣ преподаванія исторіи“ вышла въ Харьковѣ въ 1835 г.).

Петръ Ивановичъ Сокальскій родился въ 1794 году, происходитъ изъ духовнаго званія. По увольненіи оттуда поступилъ въ 1815 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1821 году былъ произведенъ въ кандидаты; въ 1822 г. было поручено ему преподаваніе латинскаго языка въ Слободско-Украинской гимназій безъ жалованья; въ 1823 г. назначенъ былъ, по распоряженію высшаго начальства, преподавателемъ латинскаго языка на 1-мъ курсѣ словеснаго факультета; въ 1825 году опредѣленъ былъ лекторомъ латинскаго языка въ университетѣ; состоялъ членомъ комитета для испытанія лицъ, принимаемыхъ въ студенты. Въ 1827 году утвержденъ *адъюнктомъ по латинской словесности*.

Матвій Николаевичъ Протопоповъ; происходитъ изъ духовнаго званія. Въ 1820 году поступилъ вольнослушателемъ на два факультета Харьковскаго университета — словесный и юридическій; затѣмъ были переименованы въ своекоштные студенты тѣхъ же факультетовъ. Въ 1822 г. получилъ кандидатскій дипломъ, на основаніи правилъ 1819 г., по обоимъ факультетамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ логику въ университетѣ. Состоялъ учителемъ исторіи и географіи при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ съ 1823 по 1827-й годъ. Въ 1834 году былъ утвержденъ *адъюнктомъ философіи*.

Теперь обращаемся къ профессорамъ и преподавателямъ этико-политическаго факультета.

Протоіерей Аванасій Григорьевичъ Мошлевскій родился въ 1774 г., происходилъ изъ духовнаго званія. Съ 1789 по 1798 г. воспитывался въ бывшей Новгородъ-Сѣверской, а потомъ Черниговской семинаріи. По увольненіи изъ Черниговской семинаріи въ 1798 году поступилъ на службу въ духовную консисторію г. Феодосіи; въ 1800 г. произведенъ въ іереи и опредѣленъ въ Харьковскій кафедральный соборъ ключаремъ; въ 1801 г. назначенъ членомъ Харьковской духовной консисторіи; въ 1802 году былъ посвященъ въ протоіереи за ревностную службу и преподаваніе Слова Божія и затѣмъ назначенъ штатнымъ протоіереемъ кафедральнаго собора, гдѣ произносилъ проповѣди. Въ 1811 году былъ назначенъ учителемъ высшаго краснорѣчія, домашней и сельской экономіи; въ 1813 году сдѣлался членомъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ; въ 1817 г. былъ назначенъ инспекторомъ коллегіума и профессоромъ философскихъ наукъ; тогда же, по резолюціи преосвященнаго Павла въ увѣр. на ходатайство университета былъ опредѣленъ проповѣдникомъ студентамъ Слова Божія, а

также цензоромъ сочиняемыхъ учителями священно-служителями и студентами проповѣдей; въ 1819 г. былъ назначенъ *ординарнымъ профессоромъ* *богословнаго и христіанскаго ученія въ Харьковскій университетъ*.

Инатій Николаевичъ Даниловичъ сынъ русскаго униатскаго священника, родился въ 1787 году; изъ дворянъ; учился въ Ломжинской Піарской школѣ, потомъ въ Бѣлостокской гимназіи; въ 1810 г. поступилъ въ студенты Виленскаго университета; въ 1811 г. получилъ тамъ степень кандидата правъ, а въ 1812 г. магистра правъ. Въ 1814 году сталъ преподавать въ Виленскомъ университетѣ мѣстное гражданское право. Виленскіе студенты привозили ему цѣлыя груды пергаментскихъ и другихъ рукописей изъ униатскихъ церквей и монастырей. Въ 1817 г. съ утвержденія попечителя былъ командированъ въ Варшаву для изученія судопроизводства. Въ 1818 году былъ командированъ въ Петербургъ для усовершенствованія въ руссѣйскомъ законодательствѣ, а затѣмъ по собственной охотѣ отправился въ Москву. Въ 1819 г. былъ утвержденъ адъюнктомъ. По приглашенію Литовскаго военнаго губернатора Римскаго-Корсакова поступилъ въ члены комитета для собиранія провинціальныхъ законовъ. Въ 1822 г. по предложенію предсѣдателя государственнаго совѣта Лопухина былъ назначенъ членомъ комитета для изданія Литовскаго статута. Тогда же назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русскаго и мѣстнаго гражданского и уголовнаго права; въ 1823 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; былъ членомъ многихъ комиссій. Въ 1824 г., по Высочайшему повелѣнію, удаленъ отъ должности, а въ 1825 году съ Высочайшаго же соизволенія назначенъ профессоромъ дипломатики въ Харьковскій университетъ. Издалъ слѣдующія сочиненія (на польскомъ языкѣ): 1) Историческій взглядъ на богоугодныя заведенія въ древней Польшѣ и на ея по сему предмету законоположенія (въ Журналѣ Благотворительности за 1820 г.); 2) Жизнь и ученые труды Игнатія Ольдаковича (Виленскій Журналъ за 1822 г.); 3) Библіографическое описаніе извѣстныхъ доселѣ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ Литовскаго статута (Виленскій Журналъ за 1823 г.); 4) Разборъ библіографическихъ книгъ Лелевеля (Ibidem).

Гавріиль Степановичъ Гордѣнко родился въ 1805 году; изъ дворянъ; воспитывался въ Слободско-Украинской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ по юридическому факультету, въ которомъ получилъ степень кандидата въ 1823 г. Въ 1831 г. по представленію факультета началъ преподавать на немъ *русское гражданское и уголовное право*. Въ 1833 г. получилъ степень магистра и ему было временно поручено и

преподаваніе русскаго публичнаго права и судопроизводства; въ 1834 г. *утвержденъ адъюнктомъ.*

Тихонъ Ѳеодоровичъ Степановъ. По окончаніи курса въ Воронежской духовной семинаріи поступилъ въ 1814 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета и въ 1821 году удостоенъ былъ званія кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1823 г. получилъ должность учителя всеобщей исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1825 году получилъ въ Харьковскомъ университетѣ *степень магистра*. Въ 1830 г. поступилъ на службу въ Петербургъ въ комиссію погашенія долговъ (помощникомъ писемсводителя). Напечаталъ нѣсколько статей по политической экономіи. *Въ 1832 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ политической экономіи и дипломатики.*

Алексій Григорьевичъ Криворотовъ изъ купческаго званія; родился въ 1803 году. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей, а въ 1826 году поступилъ въ вольнослушатели Харьковскаго университета по юридическому факультету; въ 1830 г. былъ утвержденъ въ званіи кандидата; въ 1831 году совѣтъ поручилъ ему чтеніе лекцій по естественному праву безъ жалованья.

Андрей Кондратьевичъ Бабичевъ родился въ 1792 г.; изъ дворянъ. Окончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ 1818 году; въ 1820, состоя на службѣ, подвергся экзамену въ университетѣ и получилъ степень кандидата; въ 1821 г. избранъ и утвержденъ адъюнктомъ философіи въ Ришельевскомъ лицѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ по неимѣнію профессора русской словесности преподавалъ эту послѣднюю съ 1822 по 1826 годъ. Въ 1828 году былъ опредѣленъ учителемъ словесныхъ и историческихъ наукъ въ землемѣрное училище при департаментѣ удѣловъ. *Въ 1830 году былъ назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ поручено было ему преподаваніе русскаго уголовнаго права.*

Николай Тимофеевичъ Спасскій изъ купческаго званія, родился въ 1802 году. По окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ, получилъ въ 1823 году званіе кандидата юридическихъ наукъ; по опредѣленію совѣта, сталъ читать съ 1823 года лекціи по русскому праву, публичному и уголовному. Въ 1824 г. былъ отправленъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ наукахъ и особенно русскомъ правѣ на 2 года. По возвращеніи въ Харьковъ состоялъ при сенаторѣ Брозинѣ, ревизовавшемъ Слободскоукраинскую губернію. Въ 1828 г. поступилъ на службу въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, а потомъ сдѣланъ преподавателемъ въ университетѣ.

Капитанъ Филипповичъ Михаловскій—сынъ канцеляриста, родился въ 1789 году. Воспитывался въ академической гимназій при Московскомъ университетѣ, затѣмъ, съ 1808 года, въ Московскомъ университетѣ. Въ 1814 году получилъ степень доктора юридическихъ наукъ; въ 1819 году удостоенъ былъ степени магистра того же факультета; въ 1821 году получилъ должность адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ по русскому гражданскому и уголовному праву.

На физико-математическомъ факультетѣ были слѣдующіе новыя (сравнительно съ прежнимъ періодомъ) профессора и преподаватели.

Иванъ Андреевичъ Криницкій родился въ 1797 году; изъ дворянъ. Воспитывался съ 1819 по 1824 годъ въ Виленскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, который и окончилъ. Въ 1823 г. получилъ званіе кандидата философіи. Въ 1825 году былъ назначенъ преподавателемъ минералогіи въ Харьковскій университетъ, а въ 1826 г. произведенъ въ адъюнкты минералогіи.

Иванъ Ивановичъ Дьячковъ—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; родился въ 1789 году. Воспитывался съ 1800 года въ Ярославскомъ домѣ призрѣнія и обучался въ Главномъ Народномъ училищѣ. Затѣмъ въ 1806 г. поступилъ въ студенты высшаго Ярославскаго Демидовскаго училища и въ то же время служилъ въ канцеляріи и исполнялъ обязанности учителя благороднаго пансіона при лицей; въ 1809 году получилъ званіе кандидата физико-математическихъ наукъ; въ 1815 году опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ въ Смоленскую гимназію; въ 1819 году преподнесъ Государю Императору 1-ю часть своего сочиненія о перспективѣ и получилъ за это 1000 р.; въ 1820 г. былъ назначенъ преподавателемъ технологіи въ университетъ.

Антоній Францовичъ Шанинъ—изъ дворянъ; католическаго вѣроисповѣданія. Воспитывался въ Виленской гимназій и учительской при Виленскомъ университетѣ семинаріи; въ 1815 году получилъ званіе кандидата философіи по физико-математическому факультету; въ 1816 г. былъ произведенъ въ *магистры философіи*; по выходѣ изъ учительской семинаріи назначенъ въ 1817 году помощникомъ при астрономической обсерваторіи, исполнялъ эти обязанности до 1824 года, преподавалъ при этомъ курсъ астрономіи при Виленскомъ университетѣ въ 1821 и 1822 гг.; несъ безвозмездно, 1 годъ, обязанности учителя естественной исторіи и физики въ Виленской гимназій; въ 1824 г. былъ опредѣленъ въ Виленскій университетъ для преподаванія курса геодезіи, топогра-

фіи и нивеллированія. Въ 1832 году ему была поручена доставка изъ Виленскаго университета въ Витебскъ всѣхъ инструментовъ по геодезіи, нивелляціи и топографіи. По упраздненіи Виленскаго университета, онъ былъ переведенъ въ Витебскую гимназію на должность учителя математики и геодезіи въ высшихъ классахъ. Въ 1834 г. на него была возложена доставка въ Кіевъ ко дню открытія университета Св. Владиміра собранія геодезическихъ инструментовъ, перевезенныхъ было изъ Вильны въ Витебскъ. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ *адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по астрономіи.*

Андрей Ѳеодоровичъ Павловскій родился въ 1787 году; изъ дворянъ. Поступилъ въ Харьковскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ въ 1806 году; окончилъ его со степенью кандидата физико-математическаго факультета въ 1809 году. Въ 1809 и 1810 гг. преподавалъ студентамъ алгебру, а по опредѣленію совѣта университета — арифметику и геометрію чиновникамъ, состоявшимъ на гражданской службѣ; въ 1813 году получилъ степень *маистра математики*, а въ 1815 году былъ назначенъ *адъюнктомъ чистой математики.*

Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ родился въ 1792 году; изъ дворянъ. Воспитывался въ Харьковской гимназіи, а потомъ съ 1811 года въ Харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ казеннокоштнаго студента; въ 1814 году окончилъ его со степенью кандидата. Въ началѣ 1815 г. былъ отправленъ въ Дерптъ для усовершенствованія въ химіи, гдѣ пробылъ 1½ года и получилъ тамъ въ 1816 году степень *маистра изящныхъ наукъ* и доктора философіи. Возвратившись въ этомъ году въ Харьковскій университетъ, сталъ въ немъ преподавать химію, а въ 1817 году получилъ должность *адъюнкта химіи.*

Михайло Козьмичъ Робицъ родился въ 1780 году; изъ дворянъ. Въ 1806 году поступилъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1808 году былъ принятъ въ казеннокоштные студенты; въ 1811 г. окончилъ университетъ со степенью кандидата; въ 1812 г. былъ отправленъ въ Петербургъ для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ; съ 1815 года сталъ преподавать военныя науки въ Харьковскомъ университетѣ; въ 1816 году получилъ должность *адъюнкта военныхъ наукъ.*

Матвій Андреевичъ Байковъ родился въ 1801 году; изъ дворянъ. Въ 1816 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1819 году выпущенъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ и сталъ преподавать пизшую чистую математику безъ жалованья, исполняя въ тоже время должность инспектора воспитан-

никовъ гимназій; въ 1821 году былъ назначенъ учителемъ ариѳметики въ институтъ благородныхъ дѣвицъ; въ 1822 году получилъ степень *магистра* чистой и прикладной математики и *опредѣленъ въ адъюнкты по математикѣ*.

Василій Матѣевичъ Черняевъ родился въ 1793 году; изъ духовнаго званія. Въ 1813 году поступилъ сначала въ своекоштные, а потомъ вслѣдъ за тѣмъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1816 году получилъ, состоя студентомъ, должность смотрителя зоологическаго кабинета; въ 1817 году окончилъ медицинскій факультетъ со степенью кандидата, а въ 1819 году сталъ преподавать въ университетѣ обзорѣе трехъ царствъ природы; въ 1820 году исправлялъ должность прозектора анатоміи; въ томъ-же 1820 году произведенъ въ лекари; въ 1821 году отправленъ на иждивеніи университета за границу для усовершенствованія въ зоологіи и ботаникѣ, *идъ пробылъ болѣе 4 мѣтъ*; съ 1826 года, по возвращеніи изъ-заграницы, сталъ преподавать ботанику въ университетѣ и былъ *произведенъ тогда же въ адъюнкты*.

Павелъ Александровичъ Затеplinскій родился въ 1794 году; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ въ 1812 году, произведенъ въ кандидаты въ 1816 г. и опредѣленъ учителемъ математики въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію; въ 1821 году на иждивеніи университета былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ астрономіи; вернувшись изъ заграницы въ 1824 году, сталъ преподавать въ университетѣ астрономію, а *въ 1826 году получилъ должность адъюнкта*.

Федоръ Михайловичъ Правицкій — сынъ поручика — родился въ 1804 году; съ 1817 по 1821 годъ учился въ Слободскоукраинской гимназійи и затѣмъ въ 1821 году поступилъ въ Харьковскій университетъ первоначально въ своекоштные, а въ 1822 году въ казеннокоштные студенты физико-математическаго факультета; въ 1825 году получилъ степень кандидата и былъ назначенъ помощникомъ къ кандидату Крипцкому для приведенія въ порядокъ минералогическаго кабинета; *мѣстѣ съ тѣмъ* тогда же онъ былъ оставленъ при университетѣ для совершенствованія въ химіи и минералогіи; по случаю отъѣзда профессора Павловскаго на визитацію училищъ временно исправлялъ его обязанности; въ 1827 году сталъ преподавать физику студентамъ медицинскаго факультета; по случаю отъѣзда проф. Байкова въ Петербургъ, началъ читать, по опредѣленію совѣта, 1-й курсъ чистой математики; въ 1831 году былъ *утвержденъ адъюнктомъ*.

Никита Андреевич Дьяченко—кандидатъ физико-математическаго факультета, въ 1833—1834 г. преподавалъ, подъ руководствомъ профессора Архангельскаго, оптику, начала математики и практическую геометрію.

На медицинскомъ факультетѣ были слѣдующіе профессора и преподаватели.

Адріанъ Ивановичъ Блументаль; курляндскій уроженецъ; родился въ 1803 году; окончилъ Дерптскій университетъ со степенью доктора медицины и получилъ свидѣтельство на званіе акушера; въ 1827 году былъ назначенъ сразу ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ.

Германъ Ѳеодоровичъ Брандейсъ родился въ 1794 году; изъ иностранцевъ; получилъ степень доктора медицины заграницей; напечаталъ слѣдующіе ученые труды (на нѣмецкомъ языкѣ): 1) Медицинскій словарь или этимологическое объясненіе греческихъ словъ, встрѣчающихся въ области врачебной науки. Геттингенъ. 1820; 2) Исторія эпидемій. Тюбингенъ. 1821; 3) Настоящія Гиппократовы сочиненія съ объясненіями, переведенныя на нѣмецкій языкъ. Въ 1828 году, по представленію А. А. Перовскаго, былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ патологіи, терапіи и директоромъ клиническаго института.

Иванъ Николаевичъ Рейтольскій изъ духовнаго званія, родился въ 1789 году. Въ 1810 году поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ въ 1814 году со званіемъ лекаря. Служилъ лекаремъ въ различныхъ госпиталяхъ и полкахъ; въ 1823 году былъ опредѣленъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ патологіи и терапіи.

Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ родился въ 1800 году; изъ шведовъ; въ 1815 году поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1823 году получилъ тамъ званіе ветеринарнаго врача, а также лекаря съ отличіемъ; въ 1824 году былъ назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по ветеринаріи.

Онисимъ Пантелеймоновичъ Богородицкій изъ духовнаго званія. Въ 1794 г. поступилъ въ Рязанскую духовную семинарію, а въ 1801 г. въ Московскую духовную академію, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ. Съ 1806 года получилъ должность учителя въ Рязанской семинаріи, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ, географію, катехизисъ и евангеліе, поэзію, міѳологію и французскій языкъ. Въ 1810 году былъ назначенъ учителемъ математики и исторіи въ Рязанское уѣздное училище, а въ 1814 году былъ перемѣщенъ въ Рязанскую гимназію учителемъ исторіи, географіи и статистики. Въ 1815 году поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ, въ 1818 году окончилъ его со степенью ле-

баря, а въ 1821 году по защитѣ диссертациі „De Hypochondriasi“ получилъ степень доктора медицины и должность акушера Московскаго воспитательнаго дома. *Въ 1824 году онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскомъ университетѣ.*

Фридрихъ Ивановичъ Ганъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ податнаго состоянія. Въ 1822 году въ Дерптскомъ университетѣ получилъ степень доктора медицины, а по особому экзамену и званіе акушера. Въ 1831 году былъ назначенъ акушеромъ въ Харьковскую врачебную управу; *въ 1834 году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскомъ университетѣ.*

Петръ Александровичъ Бутковскій изъ духовнаго званія; окончилъ въ 1823 году Петербургскую медико-хирургическую академію со званіемъ лекаря и ветеринарнаго врача; въ 1831 году получилъ степень доктора медицины; служилъ военнымъ врачомъ въ госпиталяхъ; *въ 1834 г. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Харьковского университета по хирургіи и психіатріи.*

Николай Ивановичъ Еллинскій родился въ 1796 году; изъ дворянъ; въ 1813 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета медицинскаго факультета; въ 1817 году былъ произведенъ въ кандидаты медицины; въ 1818 году былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1820 году окончилъ ее со званіемъ лекаря, а по экзамену получилъ званіе медико-хирурга; въ томъ же году вызванъ въ Харьковскій университетъ для преподаванія *хирургіи, а въ 1821 году утвержденъ въ должности адъюнкта.*

Александръ Саввичъ Венедиктовъ родился въ 1799 году; сынъ чиновника. Въ 1814 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, а въ 1818 г. окончилъ его кандидатомъ медицины; въ 1819 году произведенъ въ лекари и тогда же былъ командированъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1821 году вернулся въ Харьковъ и сталъ исправлять должность прозектора и преподавателя анатоміи; *въ 1823 г. былъ утвержденъ адъюнктомъ анатоміи.*

Веніаминъ Христіановичъ Криеръ — изъ Саксоніи, гдѣ родился въ 1801 году. Окончивъ благородный пансіонъ, поступилъ въ 1821 г. въ число своекоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета, который окончилъ въ 1827 году; въ 1828 году удостоенъ былъ званія лекаря въ отличіемъ; въ 1829 году утвержденъ ординаторомъ клиники; въ 1831 году ему было поручено преподаваніе десмургіи и повтореніе перацій на трупахъ.

Иванъ Ѳеодоровичъ Леоновъ—лекаръ; въ 1833—1834 гг. преподавалъ студентамъ анатомію.

Подведемъ теперь итоги. Въ первое десятилѣтіе существованія университета было 44 преподавателя; въ изучаемое нами двадцатилѣтіе 26 старыхъ и 48 новыхъ, всего 74 человѣка. Въ 1-е десятилѣтіе иностранцевъ было 59⁰/₀, русскихъ—41⁰/₀, въ изучаемый нами періодъ это отношеніе радикально измѣнилось: изъ 74 душъ иностранцевъ было только 17 человѣкъ, т. е. 23⁰/₀, а русскихъ 77⁰/₀; притомъ изъ этихъ 17 иностранцевъ 14 осталось отъ перваго періода, а новыхъ прибавилось только три. Такимъ образомъ, можно сказать, что кадры преподавателей въ 1815—1835 г. формировались почти исключительно изъ русскихъ, а не иностранныхъ ученыхъ. Харьковскій университетъ эмансипировался отъ западно-европейской образовательной стихіи. Но могъ ли онъ уже достаточно обезпечить себя въ это время русскими учеными силами? Всѣ три профессора иностраннаго происхожденія — филологи Мауреръ и Дорнъ и медикъ Брандейсъ—имѣли ученые степени, ученую подготовку. А какова была ученая подготовка остальныхъ 45 русскихъ преподавателей? Изъ 17 преподавателей словеснаго факультета 9 имѣли ученые степени ¹⁾, 8, т. е. почти половина, не имѣло ихъ ²⁾; изъ нихъ одинъ (Гонорскій) имѣлъ все-таки учено-литературные труды; другой (Джунковскій) былъ избранъ прямо въ ординарные профессора, хотя издалъ только одни переводы и компиляціи, не относившіеся притомъ къ его спеціальности; третій (Куницкій) выдержалъ особый экзаменъ на преподавателя греческаго языка; остальные 5 не имѣли даже и трудовъ, а одинъ изъ нихъ — Чановъ — безъ всякихъ основаній былъ прямо назначенъ ординарнымъ профессоромъ по одной изъ основныхъ кафедръ.

На этико-политическомъ факультетѣ изъ 8 его преподавателей половина (Даниловичъ, Степановъ, Гордѣенко, Михаловскій) имѣла ученые степени, другая (Криворотовъ, Бабичевъ, Могилевскій, Спасскій) нѣтъ, но Спасскій спеціально изучалъ свой предметъ въ Московскомъ университетѣ.

Изъ 11 преподавателей физико-математическаго факультета четыре (Павловскій, Сухомлиновъ, Байковъ и Шагинъ) имѣли ученую степень, два (Черняевъ и Затеplinскій) не имѣли ее, но получили солидную ученую подготовку въ заграничной командировкѣ, Робушъ подготовлялся

¹⁾ Кронебергъ, Мауреръ, Дорнъ, Борзенковъ, Склабовскій, Якимовъ, Филомафитскій, Артемовскій-Гулакъ и Цыхъ.

²⁾ Джунковскій, Куницкій, Сокальскій, Чановъ, Протопоповъ, Гонорскій, Греббергъ и Золотаревъ.

по своей кафедрѣ въ Петербургѣ, а Кривицкій работалъ въ Виленскомъ университетѣ; остальные три (Дьячковъ, Дьяченко, Правицкій) не имѣли ни той, ни другой.

Изъ 12 преподавателей медицинскаго факультета 5 были докторами медицины (Блументаль, Брандейсъ, Богородицкій, Ганъ, Бутковскій), двое (Еллинскій и Венедиктовъ) получили ученую подготовку въ Петербургской медико-хирургической академіи, одинъ (Гнѣдичъ)—заграницей (въ Англіи), остальные четыре (Рейпольскій, Экебладъ, Леоновъ, Кригеръ) не имѣли ни ученой степени, ни спеціальной ученой подготовки.

Изъ всѣхъ 48 преподавателей, имѣвшихъ ученую степень было 22 человека, т. е. меньше половины; но это процентное отношеніе измѣнится значительно къ лучшему, если мы присоединимъ сюда лицъ, получившихъ, по окончаніи университета, спеціальную ученую подготовку заграничей или въ Россіи. Такая подготовка давала тоже, что и ученая степень, а иногда и болѣе ея. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что В. М. Черняевъ, пробывшій болѣе 4-хъ лѣтъ заграничей, вернулся отсюда настоящимъ „докторомъ ботаники“, хотя не имѣлъ даже и степени доктора медицины; отчасти тоже нужно сказать и относительно Н. И. Еллискаго.

Представивъ краткія свѣдѣнія обо всѣхъ профессорахъ и преподавателяхъ изучаемаго нами періода, до занятія ими кафедръ, на основаніи ихъ формулярныхъ списковъ, мы теперь подробнѣе остановимся на ученой подготовкѣ къ профессурѣ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ сохранились необходимыя для этого данныя.

Къ числу такихъ лицъ нужно отнести Затеplinскаго, Черняева и Степанова. Первые два были командированы за границу, а третій представляетъ изъ себя, такъ сказать, типъ автодидакта. Съ отъездомъ профессора Гута, кафедра астрономіи лишилась постоянного преподавателя и имѣла только до 1824 г. временныхъ замѣстителей. Въ 1819—1820 г. факультетъ сталъ готовить для замѣщенія этой важной кафедры кандидата Григорія Можневскаго, но его постигла роковая случайность—купаясь въ р. Харьковѣ, онъ утонулъ. Тогда ректоръ и заслуженный профессоръ математики Осиповскій, самъ читавшій этотъ предметъ, рекомендовалъ къ подготовкѣ на эту кафедру учителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи Павла Александровича Затеplinскаго ¹⁾. Дальнѣйшій рассказъ заимствуемъ изъ статьи проф. Г. В. Левицкаго, воспользовавшагося для составленія ея всѣми данными университетскаго архива.

¹⁾ См. о его командировкѣ въ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 762/41.

„Представленіе факультета о Затеплинскомъ, говоритъ Г. В. Левицкій, было заслушано въ совѣтѣ 14 іюля 1820 года, причемъ постановлено (конечно, сообразно съ желаніемъ факультета) ходатайствовать объ отправленіи Затеплинскаго „въ чужіе края“ на два года „для усовершенствованія въ астрономіи“. Маршрутъ путешествія Затеплинскаго, можетъ быть, составленный также по указаніямъ Осиповскаго, былъ слѣдующій: „прежде въ Берлинъ, потомъ по окончаніи тамъ астрономическаго ученія, въ Геттингенъ, и наконецъ въ Парижъ и Лондонъ“. Въ перечисленныхъ городахъ Затеплинскій могъ воспользоваться лекціями и наставленіями слѣдующихъ ученыхъ: въ Берлинѣ — Боде, въ Геттингенѣ — Гаусса, въ Парижѣ — Лапласа, Деламбра, Араго, Біо и др., въ Лондонѣ (въ Гринвичѣ) — Понда. Какъ видимъ, планъ путешествія Затеплинскаго написанъ былъ рукою знающаго человѣка“.

Но министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ не согласился на поѣздку Затеплинскаго въ Германію, гдѣ тогда, по его мнѣнію, господствовалъ либеральный духъ.

„Такимъ образомъ, боязнъ „духа“ германскихъ университетовъ и наивная увѣренность Голицына въ меньшей вредоносности полного республиканскихъ воспоминаній Парижа, по сравненію съ захолустнымъ Геттингеномъ, для непорочности души Затеплинскаго лишала послѣдняго возможности быть ученикомъ гениальнаго Гаусса. Но за то сдѣланное Голицынымъ новое распредѣленіе заграничной поѣздки Затеплинскаго устранило, дѣйствительно, весьма неудобную кратковременность пребыванія послѣдняго въ каждомъ изъ указанныхъ въ прежнемъ маршрутѣ городовъ. Нельзя не отмѣтить, притомъ, ту чрезвычайную заботливость о командируемомъ за границу молодомъ ученомъ, которая проявлена Голицынымъ. Какъ „особенное покровительство“ русскихъ посланниковъ, такъ и „руководствованіе“ де-Саси были очень полезны Затеплинскому.

По полученіи разрѣшенія министра, попечитель распорядился о снабженіи Затеплинскаго соотвѣтствующей инструкціей отъ университета. Отъѣздъ Затеплинскаго, частью вслѣдствіе различныхъ канцелярскихъ проволочекъ, между прочимъ, по выдачѣ паспорта, частью, можетъ быть, вслѣдствіе необходимости закончить преподаваніе въ гимназій состоялся лишь послѣ 11 іюня 1821 года (а не 9 іюня, какъ означено въ формулярномъ спискѣ Затеплинскаго).

Затеплинскому приходилось испытывать заграницей значительныя денежныя затрудненія, о которыхъ подробно повѣствуетъ Г. В. Левицкій. Затѣмъ далѣе онъ продолжаетъ. „И такъ, несмотря на благо-разумную заботливость Голицына, заграничная командировка Затеплин-

скаго, съ вѣшной стороны, сложилась не совсѣмъ благопріятно, что привело къ весьма нежелательному сокращенію, почти на половину, предполагаемаго времени пребыванія въ Англіи. Посмотримъ теперь, насколько достигнута была Затеplinскимъ цѣль его поѣздки.

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ университетскаго архива намъ не удалось найти инструкціи, выданной Затеplinскому отъ университета. Лишь изъ бумаги министра А. Н. Голицына къ попечителю Харьковскаго университета, отъ 21 ноября 1823 г., узнаемъ мы, что въ этой инструкціи Затеplinскому предписано было „посѣщеніе курсовъ астрономіи въ Лондонѣ, также Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ и другихъ астрономическихъ заведеній, каковы Г. Гершеля, и прочихъ, находящихся въ Лондонѣ“. Ту же часть инструкціи, которая относилась къ пребыванію Затеplinскаго въ Парижѣ, мы можемъ лишь до нѣкоторой степени возстановить изъ того, что было выполнено тамъ Затеplinскимъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ дѣлъ попечительской канцеляріи видно, что Затеplinскій слушалъ и окончилъ слушаніе курсовъ (вѣроятно) въ Королевскомъ университетѣ въ Парижѣ, куда поступилъ, надо полагать, благодаря содѣйствію Сильвестра де-Сасси, къ которому у него было письмо отъ Голицына. По окончаніи курсовъ, Затеplinскій былъ рекомендованъ совѣту этого университета знаменитымъ Біо, рекомендація котораго, судя по нѣкоторымъ чертамъ характера Біо (въ біографіяхъ Араго), не могла быть, ни пристрастной, ни лицепріятной. Конечно, вслѣдствіе этой рекомендаціи, Затеplinскій былъ допущенъ къ экзаменамъ „передъ факультетомъ онаго университета“, а вслѣдъ затѣмъ и къ защищенію своихъ диссертаций. На основаніи всѣхъ этихъ испытаній, совѣтъ Парижскаго университета удостоилъ Затеplinскаго званіями: „Башелье, Лисансіе и доктора философіи“. Изъ примѣчанія, сдѣланнаго редакторомъ Украинскаго журнала ¹⁾ къ напечатанной въ этомъ журналѣ ²⁾ первой лекціи Затеplinскаго, мы узнаемъ, сверхъ того, что въ бытность свою въ Парижѣ, Затеplinскій, своимъ „отличнымъ прилежаніемъ и успѣхами пріобрѣлъ расположеніе“ не только Біо, но и Лапласа, Пауссона, Гумбольдта и др. Свѣдѣнія объ этихъ успѣхахъ Затеplinскаго были получены въ Харьковѣ до окончанія 1823 года.

Такимъ образомъ, Затеplinскій былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ изъ нашихъ соотечественниковъ, по заслугамъ удостоен-

¹⁾ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ, адъюнктомъ Харьковскаго университета.

²⁾ Въ №№ 19—21 за 1824 годъ.

ныхъ степени доктора философіи въ Парижѣ ¹⁾. Успѣхи Затеplinскаго не остались неизвѣстными послу нашему въ Парижѣ, который нашелъ нужнымъ увѣдомить о нихъ министра народнаго просвѣщенія особымъ отношеніемъ, которое, впрочемъ, получено было послѣднимъ (А. Шишковымъ) только въ срединѣ 1824 года.

Затеplinскій, однако, считалъ свое астрономическое образованіе далеко еще не законченнымъ. И этимъ онъ показалъ свое чрезвычайно серьезное и сознательное отношеніе къ своему дѣлу. Парижъ въ то время былъ одной изъ лучшихъ, хотя и не единственной школой для изученія теоретической астрономіи и геодезіи; но обсерваторія тамъ и наблюденія на ней, по сознанію самихъ французовъ ²⁾, были значительно ниже англійскихъ. Поэтому посѣщеніе англійскихъ обсерваторій должно было служить необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ теоретическимъ познаніямъ, которые уже были приобрѣтены Затеplinскимъ въ Парижѣ. Но и помимо обсерваторій, въ Англіи было много ученыхъ, учебныхъ и техническихъ учрежденій, знакомство съ которыми было весьма важно для нашего молодого астронома. Съ дѣлю въ полной мѣрѣ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Англіи, Затеplinскій еще въ Парижѣ принялся за изученіе англійскаго языка. Въ пользу чрезвычайно добросовѣстнаго отношенія Затеplinскаго къ своимъ занятіямъ особенно свидѣтельствуетъ, далѣе, то обстоятельство, что онъ, несмотря на запрещеніе Голицына, снова проситъ разрѣшенія отправиться въ Германію „для полученія наставленій у знаменитаго Геттингенскаго астронома (Гаусса) и посѣщенія Берлинской обсерваторіи“. Освоиться съ искусствомъ наблюденій, даже и человѣку, знакомому уже съ основаніями практической астрономіи, въ теченіе оставшихся у Затеplinскаго до конца командировки 2—3 мѣсяцевъ, было конечно, невозможно. Поэтому Затеplinскій, одновременно съ ходатайствомъ о разрѣшеніи посѣтить Германію, хлопочетъ также и о продленіи командировки еще на одинъ годъ. Совѣтъ университета, „находя причины, представляемыя кандидатомъ Затеplinскимъ въ разсужденіи прибавки времени для большаго усовершенствованія его по астрономіи, по той причинѣ, что наука сія есть весьма важная и дѣйствительно требуетъ не малаго времени къ усовершенствованію себя въ оной“, сдѣлалъ представленіе попечителю о продленіи Затеplinскому командировки еще на одинъ годъ. Замѣчательно, при этомъ, что совѣтъ не рѣшился поддержать

¹⁾ В. Я. Буныковский получилъ степень доктора въ Парижѣ въ 1825 году. См. В. Я. Буныковский, Некрологическій очеркъ К. А. Андреева, Сообщенія Харьковскаго Математическаго Общества, вторая серія, Т. II, стр. 150.

²⁾ Le Verrier, Annales de l'observatoire de Paris, T. I., стр. 12.

просьбу Затеplinскаго о путешествіи въ Германію, которая была только упомянута въ представленіи совѣта, но въ его постановленіе не включена. Попечитель, съ своей стороны, не нашелъ, вѣроятно, нужнымъ доводить до свѣдѣнія министра о ходатайствѣ Затеplinскаго, не поддержанномъ совѣтомъ. Поэтому, въ послѣдовавшемъ скорѣ отвѣтѣ министра говорится лишь о продленіи командировки, такъ что надежда Затеplinскаго сдѣлаться ученикомъ Гаусса окончательно исчезла. Затеplinскому изъ Франціи пришлось отправиться прямо въ Англію. Станнымъ, при этомъ, является то обстоятельство, что Затеplinскій (какъ то можно предположить изъ одного выраженія въ перепискѣ посла нашего въ Парижѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія по поводу жалованья, не полученнаго Затеplinскимъ) не уведомилъ посольства о своемъ отъѣздѣ въ Англію. Это не помѣшало, впрочемъ, послу дать въ послѣдствіи извѣстный уже намъ благопріятный отзывъ о Затеplinскомъ.

О занятіяхъ Затеplinскаго въ Англіи, въ находящихся у насъ источникахъ, нѣтъ, къ сожалѣнію, почти никакихъ указаній. Что именно предписывалось сдѣлать въ Англіи Затеplinскому въ выданной ему инструкціи, мы видѣли выше; но кратковременность пребыванія его тамъ, конечно, не позволила выполнить предположенныхъ занятій. Судя по письму находящагося въ Лондонѣ корреспондента Харьковскаго университета, протоіерея Якова Смирнова, Затеplinскій познакомился, быть можетъ, съ нѣкоторыми мастерскими извѣстнѣйшихъ англійскихъ художниковъ астрономическихъ инструментовъ. По крайней мѣрѣ, трудно предположить, чтобы о. Я. Смирновъ, *motu proprio* и помимо определенно выраженнаго желанія Затеplinскаго, сталъ бы предлагать правленію университета воспользоваться пребываніемъ въ Лондонѣ доктора Затеplinскаго для того, „чтобы онъ заказалъ какіе либо потребныя астрономическіе либо другіе инструменты, кои могли бы быть сдѣланы подъ его присмотромъ, да въ тоже время онъ могъ бы получить надлежащее свѣдѣніе и объ употребленіи оныхъ“. Деньги же для покупки такихъ инструментовъ, принадлежащія Харьковскому университету и о которыхъ послѣдній не вспоминалъ цѣлыя 6 лѣтъ, находились у лондонскихъ банкировъ Гарманъ и Комп., куда они своевременно были помѣщены практическимъ и заботящимся о нуждахъ университета о. Яковомъ, такъ какъ банкиры эти, „вмѣсто 3½ росту, платятъ по 4 процента“. Изъ этого письма Смирнова возникло длинное, тянувшееся болѣе 8 лѣтъ, „дѣло о покупкѣ инструментовъ астрономическихъ“ для Харьковскаго университета.

Итакъ, о результатахъ пребыванія Затеplinскаго въ Англіи придется ограничиться лишь одними гаданіями. Къ сожалѣнію, къ этимъ

гаданіямъ, на основаніи нѣскольکو страннаго отъѣзда его изъ Парижа и не вполнѣ оправдываемаго обстоятельствами ускореннаго возвращенія изъ Англіи въ Россію, приходится прибавить предположеніе о томъ, что первыя проявленія тяжелаго душевнаго недуга, сдѣлавшаго совершенно безрезультатными такъ успѣшно начатыя, научныя занятія Затеплинскаго, относятся, быть можетъ, еще къ концу его пребыванія во Франціи.

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, 15 сентября 1824 г., Затеплинскій началъ преподавать астрономію, сперва просто въ званіи кандидата, а съ февраля 1826,—въ должности адъюнкта.

Въ Харьковѣ молодой ученый, слухи о блестящихъ успѣхахъ котораго заграницей распространились уже, конечно, въ университетскихъ кружкахъ, былъ встрѣченъ товарищами весьма сочувственно. На первой лекціи Затеплинскаго присутствовали профессора и преподаватели не только физико-математическаго, но и другихъ факультетовъ и одинъ изъ нихъ, адъюнктъ россійскаго языка и словесности, А. В. Склабовскій, помѣщая текстъ этой лекціи на страницахъ редактируемаго имъ Украинскаго Журнала, въ примѣчаніяхъ къ ней, даетъ весьма важныя для біографіи Затеплинскаго свѣдѣнія. Такъ, онъ сообщаетъ, между прочимъ, что Затеплинскій „при отличныхъ способностяхъ, занимается... съ горячимъ усердіемъ и неусыпностью своимъ предметомъ“. Далѣе Склабовскій говоритъ: „глубокія, обширныя свѣдѣнія въ какой-либо наукѣ предполагаютъ и глубокія постоянныя занятія. Но глубокій колодезь, изъ котораго нѣтъ свободнаго истоку воды—хотя бы она была самая лучшая—и откуда трудно доставать оную жаждущимъ, современемъ засаривается и дѣлается бесполезнымъ... Не тоже ли бываетъ и съ людьми, всю жизнь свою посвятившими изученію какой-либо науки? Человѣкъ самый ученый, но не желающій или неумѣющій передать своихъ познаній другимъ, бесполезенъ для общества и, такъ сказать, для самого себя... Помѣщая здѣсь мысли сіи для того особенно, что самъ почтенный П. А. Затеплинскій, бывъ нѣкогда со мною у общаго друга нашего М. А. Б. (очевидно, Матвѣя Андреевича Байкова, адъюнкта математики въ Харьк. университетѣ), изъяснялся подобнымъ образомъ относительно назначенія человѣка въ гражданской его жизни. *Будь дѣльнымъ, будь полезнымъ для другихъ, если хочешь жить въ мирѣ съ самимъ собою, исполнить свое назначеніе и оставить потомству слѣды своего существованія: вотъ девизъ чело́вѣка-гражданина!*“¹⁾

Такимъ образомъ, заграничная командировка создала изъ Затеплинскаго прекраснаго профессора — и только развившаяся у него ду-

¹⁾ Украинскій Журналъ, 1824 г., № 21, стр. 117—120.

шевная болѣзнь не дала возможности ему принести той пользы университету и наукѣ, какой отъ него можно было ожидать.

Огромную пользу Харьковскому университету принесла также заграничная командировка В. М. Черняева.

Съ переходомъ адъюнкта естественной исторіи Громова на кафедру фармакологіи, его мѣсто занялъ лѣкарь В. М. Черняевъ, которому поручено было преподаваніе естественной исторіи на первомъ курсѣ. Предложеніе объ этомъ въ факультетъ было внесено ректоромъ Т. Θ. Осиповскимъ. Два года В. М. Черняевъ исполнялъ обязанности лектора по естественной исторіи, а 9 марта 1821 года вошелъ въ совѣтъ Харьковского университета съ прошеніемъ такого содержанія.

„Въ 1813 году, поступивши на медицинскій факультетъ здѣшняго университета, занимался я кромѣ медицины естественными науками, преимущественно ботаникою. На каковыя занятія мои совѣтъ университета обращая вниманіе въ 1819 году, въ то время, когда я готовился къ должности по лѣкарской части, опредѣлилъ — оставить меня при университетѣ для естественной исторіи на мѣсто выбывшаго изъ физико-математическаго отдѣленія въ медицинское тогда бывшаго адъюнктомъ, нынѣ-же орд. профессора фармакологіи г. Громова, съ тѣмъ, дабы для большаго усовершенствованія въ натуральной исторіи послать меня въ чужіе края; и въ томъ же году этимъ совѣтомъ опредѣлено мнѣ преподавать обзорѣніе трехъ царствъ природы, которое (обзорѣніе) другой уже годичный курсъ преподавая удостовѣрился я совершенно, что безъ путешествія по такимъ мѣстамъ, гдѣ находятся наилучшія зоологическія кабинеты и ботаническія заведенія къ продолженію моей должности не могу быть способнымъ. Почему и осмѣливаюсь нижайше просить совѣтъ Императорскаго Харьковского университета объ отправленіи меня въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія въ зоологіи и ботаникѣ“¹⁾.

Совѣтъ, заслушавъ эту просьбу, постановилъ ходатайствовать передъ министромъ о посылкѣ В. М. Черняева за границу для усовершенствованія его въ зоологіи и ботаникѣ по окончаніи срока командировки лѣкаря Гиѣдича — 21 сентября настоящаго года. В. М. Черняевъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ и Вѣну срокомъ на 2 года съ содержаніемъ по 1000 руб. сер. въ годъ. Во исполненіе данной ему университетомъ инструкціи, В. М. Черняевъ представилъ въ совѣтъ первый отчетъ за первую четверть года своей командировки.

¹⁾ Харьк. унив. арх. Дѣло сов. за 1819 г. № 43.

„Въ исполненіи предписанной мнѣ совѣтомъ инструкціи, требующей отчета въ занятіяхъ по прошествіи каждаго трехъ мѣсяцевъ, писалъ онъ изъ Мюнхена въ Баварію, симъ имѣю честь донести, что въ путешествіи моемъ до Вѣны, чрезъ Кременецъ и Лембергъ, посѣщаль я превосходные въ первомъ оранжереи и посредственные въ обоихъ зоологическіе кабинеты. По прибытіи же въ Вѣну, освѣдомившись, что въ Парижѣ ботаническія лекціи начинаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я за нужное почелъ провести нѣсколько недѣль въ этой столицѣ, дабы воспользоваться знакомствомъ Вѣнскихъ натуралистовъ, и въ это время благодаря моей коллекціи рѣдчайшихъ Украинскихъ растений и нѣкоторыхъ животныхъ, я имѣлъ благоприятный случай приобрести благосклонность знаменитыхъ мужей гг. Госта, Жакена, Траттиника и славнѣйшаго ботаника Портеншлага, и зоологовъ: Шрейбенса, Премзера, Наттерера и энтомолога Коллара, за сообщеніе коимъ Украинскихъ произведеній взаимно отъ нихъ приобрѣлъ я весьма интересныхъ Бразильскихъ животныхъ изъ числа дуплетовъ Императорскаго кабинета, какъ то: двухъ обезьянъ, тихохода (*Bradypus*), восемь сортовъ колибри танлеры и другихъ бразильскихъ птицъ, означенныхъ въ прилагаемыхъ при этомъ каталогахъ, 90 насѣкомыхъ, 54 земляныхъ раковинъ, изъ коихъ 13 окаменѣлыхъ. Разныхъ оригинальныхъ по большей части Европейскихъ растений для меня новыхъ приобрѣлъ я ото всѣхъ Вѣнскихъ ботаниковъ болѣе 700 штукъ. Во время девяти-недѣльнаго моего пребыванія въ этой столицѣ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ травники (*Herbarium*) упомянутыхъ знаменитыхъ ботаниковъ и повѣрялъ взятыя мною сомнительныя Украинскія растенія, изъ коихъ совершенно новыхъ пять растений мною открыто, коихъ описаніе, какъ первый мой опытъ, изъ Парижа буду имѣть честь совѣту представить. Въ богатѣйшемъ же зоологическомъ кабинетѣ, извѣстномъ особенно по своей коллекціи земноводныхъ, насѣкомыхъ и червей, въ теченіе этого времени я практически занимался таксидермією (то есть, искусствомъ готовить чучелы). Также нерѣдко посѣщаль всѣ оранжереи и изобильныя криптогамическими растеніями, Вѣнскія окрестности, въ которыхъ при благоприятствующей теплой настоящей зимѣ я собралъ не малозначущее количество поростовъ и мховъ.

Въ Мюнхенѣ имѣлъ я честь познакомиться съ извѣстными ботаниками гг. Шранкомъ, Марціусомъ и Цункарини и зоологомъ Спиксомъ, и въ замѣну за сообщеніе Украинскихъ растений отъ здѣшнихъ ботаниковъ я получилъ болѣе 300 растений и по благосклонности ихъ ко мнѣ въ продолженіе двухъ недѣль я безпрерывно занимался разсматриваніемъ богатѣйшаго травника, по смерти знаменитаго Шребера

въ здѣшней академіи наукъ сохраняемаго, въ коемъ находится множество російскихъ травъ, сообщенныхъ Палласомъ и другими путешественниками по Россіи.

Итакъ въ путешествіи моемъ чрезъ Австрію и Баварію въ пользу кабинета и гербаріума Императорскаго Харьковскаго университета имѣлъ я счастье приобрѣсти различныхъ 176 животныхъ, растений же вмѣстѣ съ криптогамическими, самымъ мною собираемыми, 1204 разныхъ видовъ (species). О чемъ прилагая каталоги покорнѣйше прошу совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета предписать мнѣ способы, посредствомъ которыхъ могъ бы я изъ Парижа доставлять въ Харьковъ приобрѣтаемыя мною многоразличныя сокровища, такъ какъ въ этомъ медленномъ моемъ путешествіи при всей возможной расчетливости въ путевыхъ издержкахъ, я начинаю ощущать нужду въ деньгахъ, то и прошу нижайше совѣтъ о высылкѣ мнѣ въ Парижъ въ непродолжительномъ времени остальныхъ 500 р. сер., слѣдуемыхъ за вторую половину года¹⁾.

Изъ Парижа В. М. Черняевъ отправилъ въ Харьковскій университетъ 200 сортовъ различныхъ сѣмянъ королевскаго ботаническаго сада и просилъ о высылкѣ этому послѣднему недостающихъ въ немъ сѣмянъ изъ Харьковскаго ботаническаго сада. Пересылка коллекцій въ то время была вообще очень дорога и затруднительна и послѣ дѣлаго ряда сношеній университета съ министерствомъ рѣшено было, что ихъ будетъ отправлять русское посольство въ Парижъ черезъ Кронштадтъ и Петербургъ. Изъ Парижа 9-го января 1823 года В. М. Черняевъ отправилъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и приобрѣтеніяхъ коллекцій и ходатайствовалъ о прибавкѣ содержанія для экскурсій, которыми онъ пользовался во Франціи также широко, какъ прежде въ Украинѣ.

„Имѣю честь донести совѣту, писалъ онъ, что со времени прибытія моего въ Парижъ занимался я зоологіею и ботаникою подъ руководствомъ гг. Кювье, Дефонтеня и Жофруа (къ которымъ отъ російскаго здѣшняго посла имѣлъ рекомендательныя письма), и особенно собираніемъ и изученіемъ прозябаемыхъ, какъ въ ботаническомъ саду (jardin du roi), такъ и въ окрестностяхъ Парижа съ профессорами Жусье, Римардомъ и Кларіономъ, и потомъ, получивъ жалованье,—во всю осень въ департаментахъ сѣверной Франціи до самыхъ береговъ океана дѣлалъ я нарочитыя экскурсіи для тайнобрачныхъ растений (Cryptogamia), на познаніе коихъ я особенно обращаю вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ Украинѣ и вообще въ Россіи наитруднѣйшая эта часть остается доселѣ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Дѣло сов. за 1819 годъ № 43.

весьма мало изслѣдованною, и которыхъ большая часть, къ сожалѣнію, не будучи способна высушиваться и сохраняться въ травникахъ, требуютъ много времени для точнаго ихъ испытанія въ живомъ состояніи и непрерывныхъ прогулокъ для отысканія ихъ. Эти причины, а еще болѣе необходимость видѣть травникъ безсмертнаго Линнея, сохраняемый англійскими ботаниками, дабы сомнительныя украинскія растенія, мною для этого изъ Харькова вывезенныя, сличить съ самими образцами (types) прозябаемыхъ, этимъ великимъ ботаникомъ описанныхъ, и не достаточныя здѣсь въ Парижѣ пособія для дальнѣйшаго себя въ криптогаміи усовершенствованія вынуждаютъ меня убѣдительнѣе просить совѣтъ о позволеніи по истеченіи двухгодичнаго срока путешествовать еще два года по Англіи и Германіи, гдѣ находятся наилучшіе ботаники-криптогамисты и самыя тайнобрачныя точнѣе изслѣдованы.

Но какъ и сумма тысяча рублей серебра (1000), изъ которой съ разными вычетами и переводами я получаю ежегодно три тысячи восьмисотъ франковъ, оказывается совершенно не соотвѣтствующею моимъ ботаническимъ и отчасти зоологическимъ занятіямъ, подвергая меня во все время путешествія жестокимъ нуждамъ и нерѣдко заставляя дѣлать по моей должности опущенія; посему и принимаю смѣлость все-нижайше просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета о прибавленіи мнѣ жалованья какъ на непрерывныя мои ботаническія прогулки, требующія особенныхъ издержекъ, такъ и на необходимое путешествіе въ Англію и предпринимаемое мною съ наступающей весны въ полуденную Францію и въ Швейцарію на Альпы.

Изъ рапортовъ, которые я имѣлъ честь представить совѣту, извѣстно уже, что въ путешествіи моемъ, кромѣ собираемыхъ мною самимъ разныхъ прозябаемыхъ и животныхъ (коихъ половина вмѣстѣ съ пріобрѣтенными въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ еще въ августѣ мѣсяцѣ отправлена отсюда чрезъ посольство въ С.-Петербургъ, остальные же имѣютъ отправиться слѣдующею весною), пріобрѣтаю я значительное ихъ количество чрезъ обмѣнъ на украинскія, взятыя съ собою изъ Харькова и потомъ присланныя чрезъ Остроградскаго около трехъ сотъ экземпляровъ важнѣйшихъ украинскихъ травъ, собранныхъ гг. студентами медицины — Павловскимъ, Чеботаревымъ и Лейгоми, которые въ письмахъ своихъ извѣщаютъ, что за прошедшее лѣто сообразно съ каталогомъ, мною имъ изъ Мюнхена сообщеннымъ, собрано еще не малое таковыхъ количество, кои ими изготовлены будутъ къ пересылкѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми животными, если только университетъ приметъ эту посылку для доставленія ко мнѣ. Но такъ какъ я самымъ опытомъ дозналъ, что

украинскія произведенія для приобрѣтенія на нихъ иностранныхъ университету чрезвычайно выгодны, то и прошу совѣтъ изготовленные гг. студентами растенія и нѣкоторыя животныя переслать ко мнѣ въ Парижъ и изъявить имъ благодарность за таковое къ общей пользѣ усердіе.

При этомъ же имѣю честь представить совѣту предложеніе о покупкѣ расположеннаго по естественнымъ семействамъ травника (*Herbarium*) г. Персона, который по причинѣ старости и слабаго здоровья рѣшается его продать за восемь тысячъ франковъ. Травникъ этотъ, по письменному его показанію, состоитъ изъ десяти тысячъ видовъ (*Species*) разныхъ растеній, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ собираемыхъ, но списка ихъ у самого владѣльца не имѣется, въ которомъ по моимъ строгимъ замѣчаніямъ многія растенія оказываются невѣрно или совсѣмъ не опредѣленными, что обыкновенно болѣе или менѣе и въ другихъ травникахъ встрѣчается и къ сожалѣнію, всѣ растенія находятся въ посредственномъ порядкѣ, впослѣдствіи требующемъ много времени и трудовъ для приведенія въ наилучшій видъ. Несмотря однако на эти недостатки, травникъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому единственно, что заключаетъ въ себѣ богатое собраніе мелкихъ тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, въ другихъ травникахъ весьма рѣдкихъ, и много образцовъ (*types*) растеній, описанныхъ знаменитымъ криптогамистомъ, коего *Synopsis plantarum* Россіи довольно извѣстенъ, посему можетъ быть купленъ, буде не окажется дорогимъ; ибо, будучи приведенъ въ свое время въ наилучшій порядокъ, послужитъ всегдашнимъ украшеніемъ кабинету натуральной исторіи и основаніемъ для распределенія по естественнымъ каассамъ тѣхъ растеній, кои я въ теченіе уже девяти лѣтъ собираю, особенно же много будетъ способствовать для открытія въ Россіи новыхъ криптогамическихъ прозябаемыхъ“¹⁾.

Нѣсколько времени спустя (10 февраля того же 1823 года) В. М. Берняевъ отправилъ письмо проф. Я. Н. Грому, и въ немъ подробно изсказывалъ о своемъ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, о своихъ работахъ, экскурсіяхъ, поискахъ тайнобрачныхъ растеній—и въ заключеніе просилъ его содѣйствія о прибавкѣ жалованья и продленіи командировки еще на годъ. Вотъ подлинный текстъ его письма.

„Обстоятельства вастоящаго положенія заставляютъ меня безпокоить васъ.—Предъ выѣздомъ изъ Харькова получивши отъ университета за полгода 1800 руб. бумажками опредѣленнаго мнѣ жалованья, въ коей суммы, уплативъ долги, понесенные мною на ботаническое путешествіе въ полуденной Россіи, принужденъ я былъ съ остальными 500 руб. бумажекъ, на границѣ у жидовъ размѣненными на червонцы,

¹⁾ Ibidem.

пуститься въ чужія земли, имѣя при томъ съ собою немаловѣсное собраніе украинскихъ произведеній. Прибывъ въ Вѣну и найдя много интересныхъ занятій, я за нужное почелъ прожить въ этой столицѣ около трехъ мѣсяцевъ, и вслѣдствіе безпрерывныхъ восторговъ, получаемыхъ мною отъ приобрѣтенія новыхъ предметовъ, отъ знакомства съ ботаниками и отъ разсматриванія превосходнѣйшаго зоологическаго кабинета, я не имѣлъ времени почувствовать во всей силѣ своего положенія, занимаясь особенно первымъ для меня опытомъ—составить описаніе новыхъ растений вмѣстѣ съ тайнобрачными, самымъ въ Украинѣ открытыхъ, дабы представить университету съ изображеніемъ ихъ небольшое сочиненіе.

Но не находя въ Вѣнѣ криптогамистовъ, на коихъ бы совѣты можно было положиться, при опредѣленіи новыхъ тайнобрачныхъ произрастаемыхъ, пріѣхалъ я въ Мюнхенъ съ тѣми же мыслями и, пересмотрѣвши криптогамическіе травники, принужденъ былъ намѣреніе свое отложить до Парижа, ощутивъ въ то же время крайній въ деньгахъ недостатокъ; а между тѣмъ коллекція предметовъ, для университета приобрѣтенныхъ, значительно умножилась.—Здѣсь то, предвидя, что нужды путешествія, равнодушно доселѣ переносимыя, могутъ довести меня до крайности, рѣшилъ я изъ Мюнхена отправить рапортъ объ успѣшныхъ приобрѣтеніяхъ и съ объясненіемъ нуждъ своихъ просилъ совѣтъ о присылкѣ въ Парижъ въ непродолжительномъ времени слѣдующаго мнѣ жалованья за вторую половину перваго года.

Наконецъ, прибылъ я въ Парижъ съ двадцатью семью червонцами, и, съ нетерпѣніемъ дожидаясь срока своему жалованью, развлекалъ себя единственно ботаническими прогулками и, безъ полученія жалованья проживая болѣе двухъ мѣсяцевъ въ крайнихъ нуждахъ, принужденъ былъ, когда уже прошелъ срокъ и послѣдніе франки начали истощаться, прибѣгнуть къ російскому здѣшнему посольству для испрошенія себѣ законнаго пособія, представляя въ доказательство своихъ правъ взятую мною для предосторожности отъ университетскаго кассира выписку выданныхъ 1800 руб. Но однакожъ посольство, имѣя свои причины, не вдругъ успѣшило оказать свое покровительство, заставивъ прежде испытать всѣ ужасы путешествующихъ на казенный счетъ безъ собственныхъ денегъ и слишкомъ преданныхъ своей должности. Съ этого времени, проживая на счетъ посольства до самаго ноября мѣсяца, что составитъ болѣе года, не оставляя при томъ безпрерывныхъ своихъ ботаническихъ прогулокъ даже въ отдаленныхъ окрестностяхъ Парижа, стоящихъ мнѣ особенныхъ издержекъ, увидѣлъ я, что лестный для меня планъ относительно сочиненія съ

изображеніемъ самихъ растений, требующій издержекъ, долженъ уничтожиться. Ибо получивъ поздно свое жалованье, т. е. въ октябрѣ, за разными переводами и вычетами 1765 руб., и потомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1900 франковъ, я долженъ былъ изъ этой суммы уплатить посольству зажитые долги, а съ остаткомъ уже не могъ отважиться ни на какія излишнія издержки тѣмъ болѣе, что въ это время вынужденъ я былъ въ самую глубокую осень и даже зимою дѣлать въ разныхъ департаментахъ сѣверной и западной Франціи до береговъ самаго океана необходимыя для криптогаміи прогулки, оставивъ другія не столь важныя занятія.

Не одни однакожъ причины недостаточнаго жалованья разстроили мой планъ касательно сочиненія, начатаго въ Вѣнѣ: пособія въ Парижѣ по части тайнобрачія оказались недостаточными и криптогамическіе въ въ королевскомъ саду (*jardin du roi des plantes*) сохраняемые травники такъ бѣдны, что по нимъ не только Украинскихъ и половины не въ состояніи былъ опредѣлить, но и самой Франціи тайнобрачныя по этимъ травникамъ не могутъ быть опредѣляемы: наприм., въ разныхъ департаментахъ съ особымъ вниманіемъ собравъ множество этихъ растений, началъ сличать по нимъ 34 вида *Patellariae*, и къ удивленію своему нахожу въ нихъ только 18, и такъ далѣе.

Самъ же знаменитый Персонъ, послѣдняя моя надежда и единственный въ Парижѣ криптогамистъ, по причинѣ старости и слабаго вѣрнія, не можетъ помочь этому горю, болѣе несносному для меня, чѣмъ вышесказанныя нужды. Мнѣ же самому и вообще никому не позволено сличать растений со своимъ травникомъ, кажется, для того, дабы скорѣе склонить любопытныхъ къ покупкѣ его, находишь самъ въ крайнемъ при старости положеніи и содержа себя одними сочиненіями, которые принужденъ будетъ скоро оставить.

Таковыя обстоятельства заставляютъ меня принять всѣ мѣры для приобрѣтенія по послѣдней возможности полного и вѣрнаго тайнобрачныхъ прозябаемыхъ собранія, коихъ сверхъ сего не малая къ сожалѣнію часть, будучи неспособна высушиваться и сохраняться въ травникахъ, требуетъ особаго времени, какъ для изученія ихъ въ живомъ состояніи, не рѣдко на самомъ мѣстѣ существованія, такъ преимущественно для труднаго ихъ отысканія, обизывая меня (чрезъ то) дѣлать внимательнѣйшія экскурсіи безпрерывныя во всѣ четыре времени года въ разныхъ странахъ Европы, съ употребленіемъ на таковыя занятія всего моего неудовлетворительнаго жалованья.

По этимъ причинамъ я и прошу убѣдительно совѣтъ университета въ отсрочкѣ моего путешествія еще на два года, въ Германію и при

благоприятныхъ обстоятельствахъ въ Англію, гдѣ находятся славнѣйшіе ботаники-криптогамисты. Для прочнаго усовершенствованія себя въ ботаникѣ, особенно же въ криптогаміи, два положенные мнѣ года совершенно недостаточны, по причинѣ слѣдующихъ занятій кромѣ другихъ вышеупомянутыхъ.

Для приобрѣтенія въ достаточномъ количествѣ европейскихъ растений, для меня болѣе другихъ необходимыхъ, съ наступающей весны предпринимаю путешествіе на Альпы въ Швейцарію и полуденную Францію, по совершеніи коего собранныя явнобрачныя должны буду съ травниками лучшихъ французскихъ ботаниковъ вѣрно опредѣлить, теряя на это не мало времени, ибо къ сожалѣнію еще доселѣ ни одного не нахожу ботаника, который бы безъ травника съ одною мѣстною флорою рѣшился точно опредѣлять разныя растенія, тайнобрачныя прозябаемыя расположивъ по классамъ и родамъ, наклеивъ на бумагѣ; микроскопическія, кои многочисленностію своею болѣе всѣхъ затрудняютъ, необходимо будетъ сравнить съ травникомъ г. Персона, который полагаю, непременно будетъ купленъ нашимъ университетомъ по его предложенію, при моемъ рапортѣ приложенному, дабы не находящіися въ немъ сообщать впослѣдствіи многимъ другимъ криптогамистамъ нѣмецкимъ и, буде возможно, англійскимъ для точнаго ихъ опредѣленія; на дуплеты же, коими я всегда нарочито запасаясь, вмѣнивать другія.

Изъ Персонова травника, когда уже будетъ купленъ, я со всевозможнымъ вниманіемъ обязываюсь выбрать сомнительныя и безыменныя растенія, особенно тайнобрачныя, дабы ихъ имѣть всегда съ собою въ путешествіи для сношенія съ ботаниками, на счетъ вѣрнѣйшаго ихъ опредѣленія. На дуплеты же, буде окажутся, стараться приобрѣтать новыя, которыхъ ни въ Персоновой, ни въ моей коллекціи не будетъ доставать. Для этого нужно составить подробные каталоги, коихъ къ сожалѣнію у самаго Персона не имѣется. На таковыя необходимыя занятія, требующія особаго терпѣнія, безъ сомнѣнія не менѣе цѣлаго года употребить надо.

Пребываніе же въ разныхъ городахъ, какъ то—Страсбургѣ, Нюрнбургѣ, Лейпцигѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно же въ Берлинѣ и, буде возможно, въ Лондонѣ, гдѣ наилучшіе находятся криптогамисты для разныхъ съ ними сношеній, требуетъ еще одного года.

Столько времени отнимаютъ ботаническія занятія, какъ единственный мой предметъ; о занятіяхъ же зоологическихъ и медицинскихъ я не говорю ни слова, ибо собственною опытностію дозналъ, что нѣтъ ничего вреднѣе и неосновательнѣе, какъ гоняться за многими предметами.

не будучи къ тому склоненъ. Съ тѣхъ поръ какъ я по непреодолимому своему пристрастію къ ботаникѣ отказался отъ медицины, къ коей я не способенъ и которая по сему угнетая мой духъ, не позволила мнѣ заниматься какъ должно однимъ любимымъ своимъ предметомъ, почувствовалъ въ себѣ новыя силы и постоянство для преодоленія всѣхъ трудностей, встрѣчающихся въ познаніи криптогамическихъ прозябаемыхъ. По этой причинѣ я весьма поверхностно занимаюсь и самою зоологіею, не смотря на совершеннѣйшія по этой части въ Парижѣ пособія, имѣя въ виду только то, что обстоятельства университета и ин-струкція требуютъ, чтобъ я продолжалъ заводить въ Харьковѣ зоологическій кабинетъ, для котораго я уже не мало трудился, дабы тѣмъ доказать мое усердіе къ своей должности и оправдать на самомъ дѣлѣ университетскій выборъ.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что и самое жалованье 1000 р. сер., изъ котораго за вычетами я получаю ежегодно около 3800 франковъ, оказывается не соответствующимъ разнымъ моимъ занятіямъ, подвергая меня во все время путешествія жестокимъ нуждамъ и нерѣдко заставляя нарушать данчую мнѣ инструкцію (разумѣю здѣсь опущеніе случаевъ покупать за сходную цѣну разные предметы для кабинета, натуральной исторіи интересные). Значительное его прибавленіе по причинѣ многихъ моихъ занятій дѣлается совершенно необходимымъ. И хотя я не смѣю равнять себя съ другими путешественниками, — какъ-то: Стевенемъ и адъюнктомъ Московскаго университета Фишеромъ, получавшими на ботаническое путешествіе двойную противъ моего жалованья или еще и большую сумму денегъ, но въ томъ однако же совершенно увѣренъ остаюсь, что въ пользу кабинета Императорскаго Харьковскаго университета употребляю всѣ возможные старанія, дабы чрезъ приобрѣтеніе разныхъ прозябаемыхъ составить полный и особенно вѣрно опредѣленный криптогамическій травникъ, весьма рѣдкій въ Россіи, и наполнить, сколько можно, зоологическій кабинетъ по крайней мѣрѣ нужнѣйшими животными. Къ тому же нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ внимательное изслѣдованіе и точное описаніе въ Украинѣ произрастающихъ ядовитыхъ и въ пищу употребляемыхъ грибовъ, на познаніе коихъ, я теперь особенное обращаю вниманіе, можно не мало способствовать и къ общественной пользѣ.

Для сего то, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, я осмѣливаюсь просить васъ о поданіи въ совѣтъ голоса, что не менѣе трехъ сотъ (300) р. серебра или по крайней мѣрѣ ста червонцевъ, какъ прибавка къ недостаточной опредѣленной суммѣ 1000 руб. серебра, ежегодно совершенно необходимы. Самъ почтеннѣйшій мой благодѣтель Иванъ Дмитріевичъ

(Книгинъ), помнится, говорилъ, что сто червонцевъ будетъ прибавлено на ботаническія экскурсіи.

Отправленный мною еще въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года и потомъ послѣ пріобрѣтенныя, кои скоро университету будутъ доставлены, растенія и нѣкоторые животныя, кажется, могутъ служить нѣкимъ доказательствомъ моего къ университету усердія. Признаюсь вамъ, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, что, отираивъ изъ Мюнхена рапортъ о своихъ занятіяхъ и потомъ изъ Парижа самые предметы, я ласкалъ себя надеждою, что университетъ, видя мое усердіе и претерпѣнныя нужды, упоминаемыя въ рапортахъ моихъ, соблаговолитъ самъ безъ особой убѣдительной просьбы умножить недостаточное мое жалованье. Но къ крайнему моему прискорбію, по неопытности своей, и жестоко въ этой надеждѣ обманулъ, тѣмъ болѣе, что и нынѣшнюю просьбою нѣсколько замедлилъ.

Будучи слишкомъ пристрастенъ къ ботаникѣ къ собственнымъ своимъ невыгодамъ, я всегда невольно жертвовалъ всѣми издержками для пріобрѣтенія по этой части необходимыхъ предметовъ, находя въ томъ единственное удовольствіе, и предаваясь, такъ сказать, дѣтскимъ восторгамъ, я уже никакъ не могу отстать отъ этихъ десятилѣтнихъ занятій, не приносящихъ мнѣ никакой вещественной пользы. Ваше благосклонное участіе, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, въ моей просьбѣ въ совѣтъ не будетъ бесполезно для университета—смѣло можете быть увѣреннымъ, а между тѣмъ заставить меня включить васъ въ число своихъ благодѣтелей на всю жизнь, и послужить мнѣ побудительнымъ поводомъ до послѣднихъ силъ трудиться для пользы отечественной.

Дабы не обременить обширнымъ рапортомъ совѣта и письмами г. ректора и всегдашняго моего благодѣтеля Ивана Дмитріевича, я принялъ смѣлость подробно писать къ вамъ одному, ибо, зная вашъ правдивый характеръ и глубокія свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ, я увѣренъ, что вы не почтете за тягость привлекать на мою сторону совѣтъ, объясняя подробно всѣ справедливыя причины моей просьбы въ особыхъ пунктахъ, при семъ прилагаемыя, представивъ въ то же время жалкое положеніе нашего зоологическаго кабинета и не существованіе доселѣ травника, необходимаго какъ для ботаническаго сада для сличенія съ нимъ сомнительныхъ растеній, такъ и для учащихся въ университетѣ, преимущественно же для составленія украинской флоры.

Относительно необходимой покупки Персонова травника и за нужное почитаю объявить вамъ о недостаткахъ его, состоящихъ въ томъ, что многія растенія кромѣ сомнительныхъ неопредѣлены, многіе виды не при своихъ родахъ, микроскопическія растенія не всѣ наклеены,

однимъ словомъ, весь травникъ въ послѣдствіи потребуе много времени и трудовъ для приведенія его въ наилучшій порядокъ. Но такъ какъ эти недостатки, неизбежные и въ другихъ травникахъ, посредствомъ моихъ занятій могутъ быть уничтожены, то этотъ Herbarium, какъ тридцатилѣтніе труды знаменитаго ботаника, чрезъ то не теряетъ своей цѣны, и я для того только упоминаю о нихъ, чтобы показать всю истину и чтобы совѣтъ университета не почелъ покупки этого травника за единственный способъ для усовершенствованія меня въ ботаникѣ. На счетъ цѣны, требуемой за него владѣтелемъ, я просилъ совѣта у славнаго берлинскаго ботаника Кунта, описывающаго здѣсь тысячи новыхъ растений, Гумбольдтомъ и Бонпландомъ открытыхъ, который имѣя совершенное понятіе объ этомъ травникѣ, объявилъ мнѣ, что восемь тысячъ за него заплатить недорого, и что достоинства, самимъ Персономъ въ рукописномъ его предложеніи изложенныя, совершенно вѣрны. Желая же всегда быть болѣе полезнымъ для университета, зная при этомъ нужды при старости г. Персона, не получающаго никакихъ поощреній отъ правительства (г. Персонъ есть одинъ изъ трудолюбивыхъ дѣлцевъ, не имѣющій особеннаго расположенія къ французамъ) и увѣренъ будучи, что онъ травникъ свой уступить нашему университету, какъ публичному заведенію, что для него самого лестно, за сходную цѣну, употребилъ я особыя предосторожности: получивъ его предложеніе въ нашъ университетъ о продажѣ своего травника еще въ октябрѣ и будучи увѣренъ, что университетъ не заплатитъ за его Herbariumъ восемь тысячъ, я до сихъ поръ не отправлялъ его предложенія для того, чтобы точнѣе самому узнать состояніе травника, чего наконецъ съ великими хлопотами и достигъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, покупая Персону частыми своими посѣщеніями и показываніемъ нѣкоторыхъ изъ Украины взятыхъ мною грибовъ и другихъ тайнобрачныхъ. Чтобы опредѣлить эти растенія, г. Персонъ при этомъ только случаѣ оказалъ мнѣ нѣсколько пакетовъ изъ своей богатѣйшей по этой части коллекціи. Тутъ то къ изумленію своему увидѣлъ я, что и у знаменитыхъ ботаниковъ въ травникахъ находятся свои недостатки. Настаивая же безпрестанно, что травникъ его очень дорого оцѣненъ, и объявляя ему, что университетъ вѣрно не купитъ за восемь тысячъ, мнѣ удалось склонить его на особенныя условія (при этомъ вамъ препровождаемыя). Явныя мнѣ на этихъ дняхъ и состоящія въ томъ, что онъ уступить мой Herbariumъ за пять тысячъ франковъ съ тѣмъ только, чтобы дуплеты изъ него удержать у себя, и единственные экземпляры, вслѣдствіе его много достоинства теряется. Я же съ своей стороны рискую быть увѣреннымъ, что г. Персонъ за шесть тысячъ франковъ уступить весь съ

дуплетами, ибо на этихъ дняхъ признался, что онъ имѣеть намѣреніе оставить Парижъ и переселиться жить для спокойствія въ деревнѣ, въ какомомъ случаѣ тяготится своею обширною коллекціею; и кажется мнѣ, по слабости своей не будетъ перебирать всего травника, дабы извлечь дуплеты.

Если сверхъ чаянія университету невозможно будетъ заплатить требуемой и по послѣднему Персонову предложенію суммы, то за три тысячи вся богатѣйшая криптогамическая коллекція и многія явнобрачныя по выбору моему растенія, коихъ я самъ не могу собрать и кои необходимы для опредѣленія по нимъ украинскихъ прозябаемыхъ, должны быть непременно куплены.

И такъ, съ моей стороны, кажется, употреблены всѣ усилія, чтобы университетъ владѣлъ тридцатилѣтними трудами извѣстнѣйшаго въ свѣтѣ ботаника, которые послужать вѣчнымъ украшеніемъ кабинету натуральной исторіи. Нѣтъ сомнѣній, что въ нашей Украинѣ травникъ Персона будетъ имѣть такую цѣну, какъ Линеевъ въ Англіи, заключая въ себѣ множество образцовъ (types) тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, описанныхъ этимъ безсмертнымъ криптогамистомъ, авторомъ многихъ превосходныхъ сочиненій.

Когда университетъ рѣшится уже купить травникъ г. Персона и, слѣдовательно, положено будетъ въ совѣтѣ написать особенное отношеніе къ самому Персону, то потрудитесь, почтенный Яковъ Никитичъ, если вамъ это будетъ поручено, какъ можно угодить почтенному старцу на счетъ славы его безсмертныхъ сочиненій и проч., что можетъ быть будетъ способствовать къ тому, что онъ охотнѣе уступитъ весь свой Herbarium.

Въ рапортѣ моемъ въ совѣтъ я прошу, чтобы благоволили прислать ко мнѣ растенія, собранныя гг. студентами медицины—Павловскимъ, Чеботаревымъ и Ленгони. При отъѣздѣ я сообщилъ вамъ, кажется, два пакета съ рѣдчайшими украинскими травами—усердѣйше прошу васъ отдать эти пакеты гг. студентамъ для изготовленія къ пересылкѣ въ Парижъ—я уже исправно отъ нихъ чрезъ г. Остроградскаго получилъ большой пакетъ съ важнѣйшими Украинскими растеніями, на которыя вымѣнялъ много интересныхъ иностранныхъ, на ваши также надѣюсь сдѣлать немаловажныя приобрѣтенія. По возвратѣ же моемъ постараюсь возблагодарить васъ сообщеніемъ не однихъ Украинскихъ, но и многихъ альпійскихъ, особенно же врачебныхъ прозябаемыхъ.

Побудительныя причины прибавки жалованья и отсрочки путешествія

кроме положеннаго двухгодичнаго срока еще на два года.

1. Особенное время, потребное для изученія тайнобрачныхъ растеній въ живомъ состояніи неспособныхъ сохраняться въ травникахъ, и для отысканія ихъ безпрерывныя во всѣ четыре времени года бывшія прогулки, во время коихъ вообще я обязанъ платить проводнику, знающему окрестности мѣстъ, мною посѣщаемыхъ, и носящему за мною вещи, также помощнику за высушиваніе собираемыхъ растеній.

2. Весьма полезное съ весны предпринимаемое путешествіе на Альпы, въ Швейцарію и полуденную Францію для пріобрѣтенія рѣдчайшихъ растеній, дабы потомъ во время путешествія по Германіи и буде возможно въ Англіи вымѣнивать на другія дуплеты, коихъ не будетъ доставать въ нашемъ травникѣ, требуетъ особенныхъ издержекъ, на что я занимаю нужную сумму денегъ у посольства, обѣщавшаго мнѣ выдать ее въ случаѣ, когда не получу отъ университета въ опредѣленное время своего жалованья.

3. Издержки: а) на перевозъ всегда имѣющейся при мнѣ большой коллекціи какъ растеній, такъ и другихъ предметовъ; б) на изготовленіе посылокъ въ Харьковъ съ разными естественными предметами; в) на покупку у купцовъ гербаристовъ, въ частности по выбору рѣдкихъ видовъ растеній неимѣющихся въ нашемъ травникѣ; д) на покупку рѣдкихъ по случаю продаваемыхъ ботаническихъ съ изображеніями и безъ нихъ книгъ, которыхъ чрезъ книгопродавцевъ доставать невозможно.

4. Недостаточныя по части криптогаміи пособія въ Парижѣ и поэтому необходимое путешествіе въ Германію и при благоприятныхъ обстоятельствахъ въ Англію; особенно пребываніе въ разныхъ городахъ, какъ то: Страсбургѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно же въ Берлинѣ и при удобномъ случаѣ въ Лондонѣ, гдѣ лучшіе находятся криптогамисты для сношенія съ ними на счетъ тайнобрачныхъ и другихъ растеній. Для этого не менѣе года потребно.

5. Такъ какъ прочное познаніе прозябаемыхъ состоитъ въ безпрерывномъ и продолжительномъ изученіи ихъ въ живомъ состояніи и вообще тѣ только прозябаемыя можно считать точно опредѣленными, которыя были собираемы на мѣстѣ ихъ произрастанія самими ботаниками и такъ какъ на одни высушенные въ травникахъ растенія нельзя во многихъ случаяхъ съ вѣрностію полагаться, въ чемъ я чрезъ знакомство со многими ботаниками и собственныя по этой части занятія совершенно удостовѣрился, то и самый травникъ знаменитаго Персона, который, полагая, будетъ купленъ университетомъ, не можетъ служить

единственнымъ руководствомъ для усовершенствованія меня въ ботаникѣ, заключаая при томъ довольно сомнительныхъ и неопредѣленныхъ растений, что къ сожалѣнiю бываетъ и во всѣхъ другихъ травникахъ. По сему и долженъ я несмотря на приобрѣтенiе его дѣлать сколь возможно чаще въ разныхъ странахъ ботаническiя путешествiя, для точнѣйшаго познанiя европейскихъ произрастенiй, на которыя особенное обращаю вниманiе.

6. Необходимо внимательный пересмотръ всего Персонова травника, когда уже будетъ купленъ, дабы всѣ сомнительныя и безыменныя растенiя изъ него извлечь и имѣть ихъ всегда въ путешествiи съ собою для сношенiя съ ботаниками на счетъ вѣрнаго ихъ опредѣленiя; на дуплеты же, буде окажутся, вымѣнивать другiя. Для этого необходимо составленiе подробнаго каталога, какъ для всего Персонова травника, коего къ сожалѣнiю у самого владѣтеля не имѣется, такъ и вообще для растений, мною собираемыхъ. Таковыя занятiя отнимутъ много времени.

7. Необходимо разсматриванiе посредствомъ сложнаго микроскопа мелкихъ прозябаемыхъ, наклеиванiе ихъ на бумагѣ, приведенiе въ порядки и роды безъ чего опредѣлять ихъ по разнымъ травникамъ не возможно.

Опредѣленiе всѣхъ тайнобрачныхъ, за путешествiе мною собранныхъ, по травнику г. Персона (разумѣю когда уже будетъ купленъ, ибо иначе не позволяется никому сличать растенiя по его травнику), дабы тѣ прозябаемыя, кои по Персонову—не могутъ быть опредѣлены, сравнивать потомъ съ разными травниками многихъ ботаниковъ для точнѣйшаго опредѣленiя. На исполненiе послѣднихъ пунктовъ (6, 7) по крайней мѣрѣ еще одинъ годъ съ особеннымъ прилежанiемъ нужно будетъ употребить. Покупка на 300 руб. разныхъ животныхъ для зоологическаго кабинета, какъ требуетъ инструкцiя, тогда только возможна будетъ, когда умножится мое жалованье. Дабы увѣрить г. Персона въ покупки его растений, я недавно объявилъ ему, что если сверхъ всякаго чаянiя университетъ по непредвидѣнному какому-либо случаю, откажется и за три тысячи отъ покупки у него разныхъ прозябаемыхъ, то и за свое жалованье беру у него всѣ дуплеты тайнобрачныхъ растений, за кои г. Персонъ требуетъ тысячу франковъ. Для чего я нѣсколько задатку обѣщаль ему предъ отъѣздомъ въ Швейцарiю, кромѣ того, что за лекцiи о грибахъ я уже заплатилъ ему. На что г. Персонъ изъяснилъ свое согласiе. По возвращенiи изъ Швейцарiи и полуденной Францiи я осмѣливаюсь ожидать отъ васъ почтеннѣйшiй Яковъ Никитичъ отвѣта. У Николая Ивановича Елинскаго прошу извиненiя, что

на этихъ дняхъ не успѣлъ исполнить его порученій по части хирургіи. Ваше же относительно сочиненій Тенара и Орфилы будетъ исполнено въ свое время“.

Совѣтъ университета отнесся въ высшей степени сочувственно къ его ходатайству, какъ видно изъ слѣдующаго его заключенія.

„Находящійся въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія въ наукахъ лѣкаръ Черняевъ, въ присланномъ въ совѣтъ рапортѣ прописываетъ, что со времени прибытія его въ Парижъ занимался онъ зоологіей и ботаникою подъ руководствомъ разныхъ профессоровъ, и что обращая особенное вниманіе на познаніе криптогаміи, тѣмъ болѣе, что въ Украинѣ и вообще въ Россіи эта наиболѣе трудная отрасль остается поселѣ весьма мало изслѣдованною, не находитъ въ Парижѣ достаточныхъ средствъ къ усовершенствованію себя въ ней; почему и проситъ въ приближающемуся двухлѣтнему сроку его путешествія позволить потребить еще два года для путешествія въ Англію и Германію для учшаго усовершенствованія въ криптогаміи и сдѣлать прибавку къ получаемому имъ жалованью, какъ на непрерывные его ботаническіе азѣзды, такъ и на необходимое путешествіе въ Англію, въ полуденную Францію и Швейцарію по Альпійскимъ горамъ.

Совѣтъ, находя причины, излагаемыя лѣкаремъ Черняевымъ въ рапортѣ объ отсрочкѣ времени къ усовершенствованію въ криптогаміи, необходимыми, и принявъ во вниманіе ревностные труды его, доказанные приобрѣтеніемъ уже для кабинета этого университета разныхъ иностранныхъ растений въ достаточномъ количествѣ и чучель рѣдкихъ животныхъ, мнѣніемъ полагаетъ: отсрочить время путешествія его еще на одинъ годъ, а на ботаническіе разѣзды въ Англіи, полуденной Франціи и Швейцаріи по Альпійскимъ горамъ, требующіе не малыхъ издержекъ, какъ-то—на вознагражденіе проводнику, знающему окрестности мѣстъ, имъ посѣщаемыхъ, помощнику за высушиваніе растений, за перевозъ коллекцій, собираемыхъ имъ растений, на изготовленіе посылокъ въ Харьковъ съ разными естественными предметами, на покупку у купцовъ гербаріевъ, въ частности по выбору рѣдкихъ видовъ растений, не имѣющихся въ нашемъ травникѣ, на покупку рѣдкихъ, на аукціонахъ продаваемыхъ, ботаническихъ съ изображеніями и безъ ихъ книгъ, которыя чрезъ книгопродавцевъ весьма дорого обходятся, на другія непредвидѣнныя издержки, во уваженіе старанія и дѣятельности его, оказанныхъ приобрѣтеніемъ растений и чучель животныхъ и употребленіемъ на собраніе ихъ по усердію его къ университету не малыхъ собственныхъ издержекъ, прибавить къ положенному у содержанію по тысячѣ рублей въ годъ сереб. еще по пятисотъ рублей

серебромъ же, такъ какъ университетъ надѣется имѣть въ немъ весьма полезнаго по этой части чиновника“.

Министръ уважилъ представленіе совѣта и относительно прибавки жалованья, и относительно продленія срока командировки до 3 лѣтъ.

20 февраля 1824 г. В. М. Черняевъ отправилъ въ совѣтъ Харьковскаго университета письмо, въ которомъ благодарилъ за прибавку жалованья и срока командировки, писалъ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ и предлагалъ университету приобрести нѣкоторыя растенія. Вотъ текстъ этого письма.

„Возвратившись въ Парижъ изъ пятимѣсячнаго въ полуденной Франціи, на островахъ Средиземнаго моря, части Сардинскаго королевства и на Альпійскихъ горахъ счастливо мною совершеннаго путешествія, получилъ я въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ канцеляріи совѣта радостное для меня извѣщеніе о прибавленіи жалованья и объ отсрочкѣ еще на одинъ годъ путешествія моего въ чужихъ краяхъ. Оживленный этимъ лестнымъ для меня со стороны благосклоннаго правительства поощреніемъ, я не могъ не возчувствовать новаго въ себѣ рвенія къ перенесенію послѣднихъ трудовъ, дабы не возвратиться къ должности своей безъ вѣрныхъ способовъ, необходимыхъ для изслѣдованія въ Россіи прозябаемыхъ. Не смотря на то, что знаменитаго Персона травникъ не можетъ быть купленъ по причинѣ несогласія его на каталогъ, о истребованіи коего мнѣ было предписано канцелярією совѣта, я непремѣннымъ долгомъ поставляю, дабы сколько-нибудь на самомъ дѣлѣ доказать мою благодарность за оказанныя мнѣ благодѣянія, тотъ-часъ по полученіи положеннаго на третій годъ жалованья предпринять второе ботаническое путешествіе въ самыя изобильныя растеніями части Европы, какъ то: Пиренейскія горы, Италію и Швейцарію, дабы я самъ наконецъ могъ собственными трудами собрать болѣе или менѣе полный Европейскій травникъ по крайней мѣрѣ явнобрачныхъ растеній. Имѣя всегда постоянное усердіе къ общей пользѣ, я надѣюсь достигнуть этой цѣли съ вѣрнымъ успѣхомъ. По части же тайнобрачныхъ и наипаче микроскопическихъ съ чрезвычайною трудностію отыскиваемыхъ прозябаемыхъ изъ двухлѣтнихъ моихъ въ чужихъ краяхъ занятій я удостовѣрился, что мнѣ самому при всей дѣятельности ни чрезъ какія обмѣниванія невозможно приобрести столь полнаго по этой части травника, чтобъ со временемъ по немъ можно было съ вѣрностію опредѣлить Украинскія данныя наитруднѣйшаго класса растенія.

Но такъ какъ на покупку этихъ прозябаемыхъ и нѣкоторыхъ изъ явнобрачныхъ травъ, коихъ я самъ не могу собирать, выгодные имѣются случаи въ Швейцаріи и Германіи, такъ что по сдѣланнымъ мною

справкамъ каждая центурія (100) разныхъ видовъ продается по 50, 36, 24 и 15 руб. смотря по выбору и рѣдкости растений, а сверхъ того нерѣдко встрѣчаются небольшія коллекціи экзотическихъ садовыхъ травъ цѣною въ 100, 200 руб. бумажками и болѣе, поэтому, дабы ничего не опустить по моей должности, я обязанностию поставляю просить совѣтъ Императорскаго Харьковского университета обратить свое благосклонное вниманіе на пріобрѣтеніе столь важныхъ для кабинета натуральной исторіи предметовъ, и опредѣлить нѣкоторую сумму денегъ для этого.

Имѣю честь донести совѣту, что со времени прибытія моего въ Парижъ, пользуясь благоприятною прошедшею дождливою осенью и настоящею зимою съ счастливыми успѣхами я продолжаю свои занятія микологіею (наукою о грибахъ), рисованіемъ коихъ красками и уже около пяти мѣсяцевъ занимаюсь, но для дальнѣйшаго усовершенствованія въ этомъ искусствѣ подѣ руководствомъ лучшихъ живописцевъ я крайнюю имѣю нужду въ немедленной ко мнѣ присылкѣ опредѣленнаго на третій годъ содержанія за первую половину года въ Парижъ, а за послѣднюю въ Берлинъ.

При этомъ препровождаются для ботаническаго сада 240 сортовъ сѣмянъ разныхъ растений, коихъ одна часть мною самимъ собрана, другая же большая половина сообщена изъ здѣшняго королевскаго сада, въ замѣну коихъ онъ имѣетъ нужду въ растеніяхъ, означенныхъ въ прилагаемомъ при этомъ списокѣ.

Совѣтъ университета ассигновалъ на покупку растений 500 руб. въ годъ.

19 марта 1824 г. В. М. Черняевъ отправилъ въ совѣтъ университета новое письмо, въ которомъ писалъ.

„Имѣю честь донести, что вскорѣ послѣ отправленія въ совѣтъ моего рапорта, въ коемъ я просилъ о своемъ жалованьи, 19 марта я получилъ 750 р. с. слѣдуемаго мнѣ за первую половину третьяго года благосклонно опредѣленнаго жалованья, что составляетъ 2759 франковъ.

Имѣя теперь совершенную возможность доказать на самомъ дѣлѣ мою благодарность предѣ благосклоннымъ ко мнѣ правительствомъ, оказавшимъ мнѣ столько поощреній, я нынѣшнею же весною предпринимаю второе ботаническое путешествіе въ самыя изобильныя растеніями части полуденной Европы, откуда осенью имѣю отправиться въ сѣверную Германію. Почему прошу совѣтъ Императорскаго Харьковского университета объ отправленіи слѣдуемаго мнѣ за вторую половину года жалованья въ *Берлинъ*, куда я надѣюсь прибыть съ собраніемъ разныхъ предметовъ естественной исторіи, о доставленіи ко-

покупки разныхъ для кабинета интересныхъ предметовъ натуральной торыхъ изъ Берлина въ Россію покорно прошу совѣтъ предписать мнѣ чрезъ Императорское россійское въ Берлинѣ посольство нужныя наставленія, дабы я вѣрные имѣлъ способы чрезъ россійское правительство, какъ и изъ Парижа, доставлять изъ Берлина въ Харьковскій университетъ приобретаемыя для университетскаго кабинета разные предметы натуральной исторіи“.

15-го іюня того же года В. М. Черняевъ написалъ совѣту письмо, въ которомъ сообщалъ о посылкѣ имъ растений для составленія гербаріевъ.

„Имѣю честь донести совѣту, писалъ онъ, что растенія, приобретенны мною въ полуденной Европѣ, составляющія до трехъ тысячъ разныхъ видовъ, образцовъ же болѣе двадцати тысячъ, расположенныя по естественнымъ семействамъ и правильно опредѣленныя, заключающіяся въ семи большихъ тюкахъ въ разное время чрезъ здѣшнее россійское посольство отправлены въ С.-Петербургъ для доставленія въ Харьковъ. Имѣя всегда главною обязанностию со времени путешествія моего въ чужихъ краяхъ заниматься не одними ботаническими познаніями, нужными для учащаго, но болѣе всего приобритеніемъ предметовъ, необходимыхъ по этой части для учащихся, съ радостію теперь имѣю право доложить совѣту Императорскаго Харьковскаго университета, что уже три части Европейскихъ прозябаемыхъ приобритены мною въ такомъ количествѣ, что, соединивъ ихъ съ растеніями за прошедшія два года мною собранными и съ Украинскими, оставленными въ Харьковской гимназіи, я имѣю совершенную возможность не только университету доставить болѣе или менѣе полный травникъ (Herbarium), какъ вѣрное руководство для обучающихся ботаникѣ, но и всѣмъ гимназіямъ, подлежащимъ учебному округу университета, сообщить по одному травнику по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ Европейскихъ прозябаемыхъ, дабы такимъ образомъ по мѣрѣ силъ и усердія къ отечеству способствовать распространенію этой полезной науки во всей полуденной Россіи, и особенно по части тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, изслѣдованіемъ коихъ никто еще изъ ботаниковъ въ Россіи не занимался и которыя доселѣ представляютъ русскимъ ботаникамъ обширное поле къ новымъ открытіямъ. Открытія же по этой части Буксбаума (Vuxbaum), Аммана (Ammann), Палласа и друг. ботаниковъ весьма недостаточны.

Кромѣ семи кипъ или тюковъ съ растеніями, обшитыхъ клеенкою подъ № 10, 11, 12 и 13, имѣю честь препроводить въ университетъ ящикъ подъ № 14, заключающій въ себѣ тайнобрачныя и другія прозябаемыя, изъ коихъ большая часть куплены мною за триста двадцать рублей (320 р.) вслѣдствіе инструкціи, требующей отъ меня ежегодно

исторіи, списокъ коихъ при этомъ прилагаю, сумму же 320 руб. употребленную изъ моего жалованья на эту покупку, покорнѣйше прошу совѣтъ возвратить мнѣ въ Берлинъ, гдѣ я ожидаю и слѣдующаго мнѣ за вторую половину третьяго года содержанія и куда полагаю прибыть въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

По полученіи всѣхъ посылокъ съ растеніями, въ разное время отъ меня въ университетъ отправленныхъ, покорно прошу совѣтъ повелѣть ихъ и особенно ящикъ подъ № 14, содержащій въ себѣ много грибовъ и другихъ мясистыхъ прозябаемыхъ, отъ влажности удобно подвергающихся порчѣ, сохранять до самаго моего прибытія въ сухомъ мѣстѣ, осенью и зимою протапливаемомъ, оставляя всѣ кины обшитыми клеенкою и, буде шнуры стягивающіе ихъ окажутся по причинѣ дальняго перевоза ослабленными, то повелѣть ихъ какъ можно туже стянуть, ибо травы, находящіяся въ сжатомъ состояніи, остаются въ большей безопасности отъ порчи насѣкомыми^а.

Приѣхавъ, наконецъ, въ Берлинъ, В. М. Черняевъ посвятилъ свое время главнымъ образомъ слушанію спеціальныхъ университетскихъ курсовъ, но всетаки не оставлялъ и своихъ практическихъ занятій по составленію гербарія. Изъ Берлина 18 октября 1824 года онъ пишетъ въ совѣтъ университета письмо, въ которомъ проситъ о продленіи командировки еще на четвертый годъ.

„Несмотря на всѣ старанія окончить занятія мои въ теченіи трехъ лѣтъ, опредѣленныхъ университетскимъ совѣтомъ для усовершенствованія въ чужихъ краяхъ въ зоологін и ботаникѣ, я нахожу совершенно невозможнымъ и несообразнымъ съ силами моими въ столь короткое время достигнуть данной цѣли, тѣмъ болѣе, что практическія занятія, необходимыя для приобрѣтенія ботаническаго травника (Herbarium), столь важнаго для университета, во время трехлѣтняго моего пребыванія въ чужихъ странахъ не позволяли мнѣ доселѣ заняться англійскимъ языкомъ и приготовить себя къ путешествію въ Англію. Эти причины, а еще болѣе неоконченныя мои по части тайнобрачія (Cryptogamia) занятія вынуждаютъ меня покорнѣйше просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета объ отсрочкѣ путешествія моего въ чужихъ краяхъ на четвертый годъ.

Имѣю честь донести совѣту, что въ августѣ мѣсяцѣ, оставивъ Парижъ и сдѣлавъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій по берегамъ Западнаго океана, я прибылъ въ послѣднихъ дняхъ сентября мѣсяца въ Берлинъ, гдѣ и получилъ слѣдующее мнѣ жалованье и пятьсотъ рублей, назначенныхъ для покупки травъ, также и посылку украинскихъ растений.

Занятія мои въ Берлинѣ будутъ состоять въ слѣдующемъ.

1. Въ выслушаніи курсовъ: а) *тайнобрачныхъ прозябаемыхъ* съ ноября мѣсяца въ здѣшнемъ университетѣ, преподаваемыхъ профессоромъ ботаники знаменитымъ криптогамистомъ Линкомъ (Link); б) физиологии деревьевъ и кустарниковъ у проф. Гайне (Hayne); в) сродства растений у проф. Горкеля (Horkel); д) земноводныхъ у проф. Лихтенштейна (Lichtenstein); е) насѣкомыхъ у проф. Клюга (Klug).

2. Въ изученіи тайнобрачныхъ прозябаемыхъ въ самой натурѣ и въ рисованіи ихъ.

3. Въ разсматриваніи травника Вильденова и въ посѣщеніяхъ здѣшняго ботаническаго сада и зоологическаго кабинета.

4. Въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи въ ботанической нѣмецкой литературѣ и въ изученіи англійскаго языка, дабы въ состояніи быть со слѣдующей весны предпринять полезное путешествіе въ Лондонъ“.

Совѣтъ университета рѣшилъ ходатайствовать о предоставленіи В. М. Черняеву возможности прослушать въ Берлинѣ только зимніе курсы, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ онъ немедленно возвратился въ Харьковъ, такъ какъ и вакантная кафедра, и положеніе зоологическаго и ботаническаго кабинетовъ настоятельно требовали его присутствія. В. В. Черняевъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ, писалъ 2 мая 1825 г. совѣту изъ Берлина.

„Имѣю честь донести, что предписаніе изъ канцеляріи совѣта, требующее моего возвращенія въ Харьковъ, мною получено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а самое жалованье 1 мая. Вслѣдствіе чего въ этомъ же мѣсяцѣ я и отправляюсь чрезъ С.-Петербургъ и Москву въ Харьковъ.

Занятія мои въ Берлинѣ состояли въ выслушаніи полугодичнаго курса лекцій зоологическихъ и ботаническихъ, въ посѣщеніи зоологическаго кабинета и ботаническаго сада, преимущественно же въ разсматриваніи и сличеніи растений, въ превосходномъ здѣшнемъ королевскомъ ботаническомъ кабинетѣ сохраняемыхъ.

При этомъ же имѣю честь донести, что во время пребыванія моего здѣсь, куплено мною на 180 руб. разныхъ растений изъ класса криптогаміи, кои по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ и будутъ представлены въ кабинетъ Императорскаго Харьковскаго университета“.

Дополненіемъ къ этому письму являются два сообщенія В. М. Черняева изъ Петербурга отъ 2 августа и 10 сентября того же года.

„Имѣю честь донести совѣту, что изъ чужихъ краевъ прибылъ я въ С.-Петербургъ чрезъ Любекъ моремъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, взявъ съ собою одну только часть моей коллекціи растений, другую же вмѣстѣ съ ящикомъ книгъ, состоящую изъ пиринейскихъ травъ не задолго

предъ выѣздомъ моимъ изъ Берлина отъ парижскаго ботаника Феликса Петита (Felix Petit) полученную, по причинѣ затрудненія, встрѣтившагося при транспортѣ, и принужденъ былъ поручить россійскому въ Любекѣ консулу г. Шлецеру; она только на этихъ дняхъ прибыла на корабль въ Кронштадтъ и ее я на этихъ же дняхъ имѣю получить и потомъ дуплеты изъ этихъ растений употребить на обмѣнъ другихъ и преимущественно сибирскихъ, коими здѣшніе славные ботаники, какъ-то: гг. Триніусъ, Фишеръ, Прескотъ (англичанинъ) и Турчаниновъ обладаютъ въ изобиліи, и отъ которыхъ, особенно же отъ послѣдняго, я множество уже получилъ разныхъ интересныхъ для ботаническаго кабинета растений. Все это собраніе травъ, вмѣстѣ съ собранными мною самимъ и частію купленными въ чужихъ краяхъ, имѣю честь представить университету чрезъ здѣшній ботаническій Императорскій садъ въ шести небольшихъ кипахъ (каждая вѣсомъ около 20 фун.), изъ коихъ одна въ вывороченной клеенкѣ, прочія же въ холстѣ.

Вышесказанныя причины, а еще болѣе ботаническія прогулки, необходимыя для опредѣленія здѣшней флоры, посѣщеніе кабинетовъ, садовъ и особенно разсматриваніе травниковъ этихъ ботаниковъ до сихъ поръ задерживаетъ меня въ С.-Петербургѣ.

Имѣю честь довести совѣту, писалъ В. М. Черняевъ въ другомъ письмѣ, что мои ботаническія занятія въ С.-Петербургѣ кончились. Всѣ пріобрѣтенные предметы отправлены частію чрезъ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, частію же чрезъ здѣшній Императорскій ботаническій садъ, такъ что въ разное время за іюль и августъ мѣсяцы отослано въ Харьковскій университетъ 22 кипы съ растениями, книгами и въ ботаническій садъ одинъ ящикъ со свѣжими корнями *Conioselinum Ingrici* (Fischer), весьма интереснаго по причинѣ лечебныхъ свойствъ, доселѣ къ удивленію моему никому изъ врачей неизвѣстныхъ. Это растение подало мнѣ поводъ заняться изслѣдованіемъ въ особенности семействомъ зонтичныхъ травъ, къ коимъ и *conioselinum* принадлежитъ. Родовые признаки его описаны Гофманомъ (Московскимъ) въ сочиненіи *Genera umbelliferarum*, кажется, это же самое растение изображено (весьма неудовлетворительно) въ флорѣ сибирской Гмелинымъ (*Flora Sibirica* Gmel I, таб. 44),—по, къ сожалѣнію, корень, какъ отличительный признакъ этого растения, описанъ безъ всякой точности. *Conioselinum ingricum* (Fischer, led.), какъ растение весьма важное по пріятному своему ароматическому свойству, не только не уступаетъ Айрову корню (*Calamus aromaticus*), анигилю (*Angelica Imperatoria*), но еще предпочтено можетъ быть имъ по пріятности своего вкуса и запаха. Это растение вмѣстѣ съ другими

зонтичными (*Plantae umbelliferae*) російскими меня наиболѣе занимало во все время моего здѣсь пребыванія,—такъ что всѣ наблюденія надъ ними, будучи собраны вмѣстѣ, составляютъ въ свое время родъ особаго разсужденія (*dissertatio inauguralis*)“.

Вернувшись, наконецъ, въ Харьковъ, В. М. Черняевъ очутился въ крайне стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, потому что пробылъ въ командировкѣ 4 года, а содержаніе получилъ только за 3½ года. Это побудило его просить совѣтъ о выдачѣ ему содержанія за эти 6 мѣсяцевъ.

„Кромѣ опредѣленныхъ мнѣ на путешествіе трехъ съ половиною лѣтъ прожилъ я еще шесть мѣсяцевъ какъ въ чужихъ краяхъ, такъ и въ Россіи на собственномъ иждивеніи, вынужденный къ тому обстоятельствами, а именно: будучи въ Берлинѣ и получивъ въ мартѣ мѣсяцъ настоящаго 1825 года одно только предписаніе о возвращеніи въ Харьковъ, я долженъ былъ дожидаться слѣдующаго мнѣ жалованья до послѣднихъ чиселъ мая и потомъ въ іюнѣ мѣсяцъ изъ Берлина отправившись въ С.-Петербургъ, оставилъ въ Германіи, по причинѣ встрѣтившихся затрудненій при транспортѣ, большую часть приобрѣтенныхъ мною растений и книгъ, кои и задержали меня въ С.-Петербургѣ до самаго сентября мѣсяца, о чемъ въ рапортахъ моихъ я доносилъ уже совѣту и, слѣдовательно, мнѣ никоимъ образомъ невозможно было возвратиться въ Харьковъ къ сроку, положенному предписаніемъ совѣта.

Но какъ во все помянутое полугодичное время я прилагалъ всѣ возможные старанія къ приобрѣтенію полезныхъ для университета предметовъ и для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ познаніи какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ произведеній природы, о чемъ подробно изъяснять почитаю не нужнымъ, ибо истинное усердіе мое и преданность къ общей пользѣ всегда на самомъ дѣлѣ доказывались университету и довольно уже извѣстны; посему и прошу покорнѣйше понесенныя въ полгода издержки путешествія моего какъ за границей, такъ и въ Россіи, простирающіяся до пятисотъ рублей серебра, милостиво вознаградить, тѣмъ болѣе, что по приѣздѣ моемъ въ Харьковъ, не имѣя еще никакихъ для жизни необходимыхъ заведеній, ни казенной квартиры и не получая еще никакого жалованья, и крайне затрудняюсь въ содержаніи себя“.

Министръ, согласно ходатайству совѣта, разрѣшилъ выдать Черняеву 500 р. изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ.

Изъ представленныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ видно, что продолжительная заграничная командировка В. М. Черняева не только

была ему самому очень полезна, но принесла еще бóльшую пользу университету. Во время своихъ заграничныхъ путешествій В. М. Черняевъ, до того, очевидно, обладавшій уже прекрасною научною подготовкой, окончательно окрѣлъ и возмужалъ въ качествѣ ботаника-спеціалиста. Личное, непосредственное знакомство съ самыми выдающимися учеными Западной Европы не прошло безслѣдно, также точно какъ и слушаніе ихъ курсовъ въ Берлинѣ. Не менѣе важно было для В. М. Черняева изученіе ботаническихъ коллекцій государственныхъ и частныхъ. Наконецъ, самостоятельнымъ и оригинальнымъ средствомъ для его самоусовершенствованія были экскурсіи. Въ немъ была, очевидно, страсть къ подобнаго рода ученымъ путешествіямъ и онъ во Франціи предавался имъ съ такимъ же жаромъ, какъ и въ Россіи. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, В. М. Черняеву удалось составить обширный и прекрасный гербарій, который онъ потомъ, какъ мы знаемъ, преподнесъ въ даръ Харьковскому университету. Приобрѣлъ онъ его частію своими собственными экскурсіями, частію покупкою, и наконецъ обмѣномъ на коллекціи украинской флоры, собранныя имъ или его учениками на мѣстѣ и вывезенныя за границу. Благодаря своей солидной подготовкѣ, обширнымъ спеціальнымъ познаніямъ въ области украинской флоры, своему особенному интересу къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ ботанической науки (напримѣръ, криптогамикѣ) и, наконецъ, привезеннымъ изъ Россіи коллекціямъ, В. М. Черняевъ и за границей, въ средѣ европейскихъ ботаниковъ, не игралъ роли ученика ботаники, а скорѣе являлся какъ бы товарищемъ ихъ по научнымъ занятіямъ. Да и дѣйствительно, изъ его писемъ видно, что онъ относился вполне самостоятельно и критически къ оцѣнкѣ ботаническихъ коллекцій. В. М. Черняевъ принадлежалъ къ школѣ ботаниковъ систематиковъ—въ этомъ была его сила, здѣсь сосредоточивались всѣ его научные интересы и на эту сторону дѣла онъ, естественно, обратилъ главное вниманіе за границей. Для систематики же первенствующее значеніе имѣеть гербарій—вотъ почему В. М. Черняевъ занялся собираніемъ его еще въ бытность свою студентомъ, съ увлеченіемъ продолжалъ работать на этомъ поприщѣ въ бытность лекторомъ естественной исторіи, и съ такимъ же увлеченіемъ занимался за границей, гдѣ, по всей вѣроятности, сложились о немъ у мѣстнаго населенія такіе же анекдоты, какъ и у крестьянъ Харьковской губерніи.

Третьимъ лицомъ, отправленнымъ въ заграничную командировку, былъ Иванъ Гиндицъ, кандидатъ Харьковскаго университета, получившій степень лѣкаря въ Петербургской медико-хирургической академіи. Командировало его впрочемъ за границу само министерство—универси-

иностранныхъ городахъ, 3) рѣшить вопросъ, нельзя ли будетъ на эти же 3000 р. отправить за границу и другого кандидата. Самъ Гнѣдичъ просилъ, чтобы его отправили сначала въ Англію, потомъ во Францію, Германію и Италію съ жалованьемъ по 4000 р. асс. въ годъ. Совѣтъ, основываясь на заключеніи медицинскаго факультета, отвѣтилъ, что Гнѣдичу слѣдуетъ отправиться на 2 года въ Германію (въ Берлинъ, Геттингенъ и Вѣну) съ содержаніемъ по 2000 р. въ годъ; другого же кандидата на остающіеся 1000 руб. отправить невозможно. Странно, что С. О. Потоцкій поставилъ совѣтъ университета въ неловкое положеніе, предоставивъ ему рѣшеніе вопроса, уже рѣшеннаго министромъ— о размѣрахъ содержанія Гнѣдича. Сдѣлавъ же онъ это, какъ самъ объяснилъ въ другомъ донесеніи министру, потому, что не хотѣлъ стѣснять университета въ его распоряженіяхъ по этому дѣлу. Все это происходило наканунѣ отставки С. О. Потоцкаго и о приведенномъ выше постановленіи сообщилъ министру уже новый попечитель округа З. Я. Карнѣевъ. Самъ Гнѣдичъ обратился 6 августа 1817 г. къ князю А. Н. Голицыну съ ходатайствомъ такого содержанія.

„Томимый неизвѣстностію моего положенія, а болѣе увлекаемый непреоборимымъ желаніемъ достигнуть возможной степени образованія во врачебныхъ наукахъ—осмѣливаюсь прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложитъ осмѣливаюсь.

Бывшій попечитель Харьковскаго университета графъ Потоцкій, испросивъ соизволеніе вашего сіятельства, изъявилъ университету желаніе отправить меня въ Германію и Францію для усовершенствованія во врачебныхъ познаніяхъ;—но какъ Англія всегда была вожделѣннѣйшимъ для меня мѣстомъ—сколько по богатымъ источникамъ для врачебныхъ познаній, пріобрѣтеніе коихъ составляетъ единственную цѣль мою, столько и потому, что, имѣя тамъ родного дядю священника Смирнова, я могъ бы пользоваться руководствомъ и пособіемъ его во всѣхъ случаяхъ, о чемъ я имѣлъ счастье лично изъясниться вашему сіятельству и какъ назначенный 1500 рублей окладъ для годового содержанія находилъ я совершенно недостаточнымъ не только въ Англіи, но даже въ Германіи и Франціи, то, получивъ, наконецъ, позволеніе графа Потоцкаго, просилъ и медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, дабы онъ, предназначивъ меня для путешествія въ Англію, опредѣлилъ мнѣ и сумму сообразно дороговизнѣ тамошней жизни. Но въ продолженіе шести мѣсяцевъ дѣло мое остается безъ всякаго движенія. Причиною этого, какъ должно думать, является болѣе всего новость попечителя, или быть можетъ университетъ находитъ затрудненіе

въ назначеніи суммы, которой я просилъ для содержаніи себя — въ Англіи состоящей изъ 4000 р., а во Франціи и Германіи изъ 3000 р. Впрочемъ не могу и рѣшительно думать, чтобы университетское правленіе, затрудняясь въ прибавкѣ суммы, захотѣло положить мнѣ преграду въ ревностномъ моемъ желаніи быть полезнымъ отечеству. Благородите, сіятельный князь, обратитъ вниманіе на положеніе того, кто со всею горячію ищетъ путей къ вѣдшему образованію и всего себя посвящаетъ на то, дабы быть полезнымъ для другихъ и воздать должную жертву благодарности мѣсту первоначальнаго его образованія“.

Министръ предписалъ совѣту Харьковскаго университета назначить Гнѣдичу 4000 р. по примѣру другихъ молодыхъ ученыхъ, отправляемыхъ за границу академіей, и дать ему маршрутъ. Совѣтъ подтвердилъ прежнее свое постановленіе, чтобы Гнѣдичъ отправился на 2 года въ Берлинъ, Геттингенъ и Вѣну и занимался тамъ всѣми существенными частями медицины, представляя каждые 3 мѣсяца отчетъ университету о своихъ работахъ. Между тѣмъ Гнѣдичъ представилъ кн. А. Н. Голицыну просительное письмо своего дядюшки — священника посольской церкви въ Лондонѣ свящ. Смирнова, который писалъ.

„Хотя я не имѣю никакого права умножать число вашихъ заботъ, однако же, зная усердіе вашего сіятельства, стремящагося къ общей отечественной пользѣ, и увѣренъ будучи о милостивомъ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, беру смѣлость беспокоить васъ въ пользу моего племянника Ивана Гнѣдича, вручителя этого письма, въ которомъ съ чувствительнымъ удовольствіемъ вижу и природную склонность къ медицинской наукѣ и великое желаніе усовершенствоваться въ ней обзорѣніемъ практики въ иностранныхъ земляхъ. Ваше сіятельство, по словамъ его, изволили уже удостоить его согласіемъ на таковое странствованіе, въ которое, какъ слышу, и медико-хирургическая наша академія, сверхъ того, назначаетъ нѣкоторое число молодыхъ людей для усовершенствованія себя по части медицинскихъ наукъ. Поблагодаря всеижайше за столь милостивое къ нему благорасположеніе, позвольте мнѣ, ваше сіятельство, просить васъ всепокорнѣйше принять моего племянника въ милостивое ваше покровительство и сопричестъ его избранному странствующихъ лику. Я же въ признательность моей благодарности вашему сіятельству, когда онъ сюда пріѣдетъ, всячески постараюсь сообразоваться благимъ вашимъ намѣреніямъ доставленіемъ ему способовъ заниматься и видѣть все, что ни есть полезнѣйшаго здѣсь по этой части, дабы онъ могъ возвратиться въ отечество съ успѣхомъ и полезными пріобрѣтеніями. Признаюсь вашему сіятельству, что мнѣ

весьма бы лестно и желательно было услужить Харьковѣ доставленіемъ хорошаго доктора, ибо въ этомъ городѣ, въ коллегіумѣ, толико уже облагодѣтельствованномъ фамиліею вашего сіятельства, я получилъ свое воспитаніе, да и нынѣшній Харьковскій университетъ почтилъ меня весьма недостойнаго честию своего корреспондента; и сіе сердцу моему тѣмъ будетъ радостнѣе, если и хорошій докторъ будетъ изъ моихъ ближнихъ и успѣю оказать сію услугу помощію особы, мною искреннѣйше почитаемой и уважаемой, мнѣ благодѣющей и неусыпно пекущейся о просвѣщеніи и благоденствіи отечества“.

Затѣмъ, недовольствуясь симъ, онъ и самъ обратился 6-го марта 1818 г. къ министру съ письмомъ, въ которомъ просилъ объ отмѣнѣ рѣшенія совѣта Харьковскаго университета.

„Въ долговременномъ ожиданіи исполненія ревностнаго желанія моего, я почти уже видѣлъ — посредствомъ благосклоннаго споспѣшествованія отъ вашего сіятельства — окончаніе его; но нынѣ почувствовалъ себя наиболѣе уклоненнымъ отъ вождѣнной цѣли этой; почему еще осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ начальническое покровительство вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложитъ осмѣливаюсь. Вслѣдствіе благосклоннѣйшаго предложенія отъ вашего сіятельства Харьковскому университету объ отправленіи меня въ чужіе края для усовершенствованія по части врачебныхъ наукъ — совѣтъ университета предположилъ отправить меня единственно въ Берлинъ и Геттингенъ на два года съ окладомъ 4000 р., включая въ эту сумму и путевыя издержки, съ тѣмъ чтобы я, во время пребыванія моего въ этихъ мѣстахъ, занимался существенными частями медицины; сколь ни полезнымъ считаю быть въ отечествѣ мужей отличнѣйшихъ по части наукъ врачебныхъ, столько съ другой стороны осмѣливаюсь думать, что пріобрѣтеніе умозрительныхъ врачебныхъ познаній во всей Германіи не есть совершенно для насъ ново — они сообщаются намъ посредствомъ печатанія во всей ихъ подробности, а тѣмъ, слѣдовательно, меньше предвижу необходимости быть единственно въ Германіи, столь близкой, столь извѣстной намъ по ученымъ сношеніямъ. Напротивъ того, гораздо меньше извѣстно намъ состояніе медицины въ Англіи. Великобританія и преимущественно Шотландія въ отношеніи къ врачебной наукѣ всегда были отличны, и, къ сожалѣнію, новѣйшихъ свѣдѣній врачебныхъ, которыя, сообразно ходу другихъ наукъ, приближаются къ идеальному совершенству — имѣемъ мы весьма мало. Это то пріобрѣтеніе новѣйшихъ умозрительныхъ свѣдѣній было единственною моею цѣлью: ихъ стремился я собрать, дабы впослѣдствіи перенести въ нѣдро любезнаго мнѣ мѣста первоначальнаго образованія, —

къ чему призванъ я,—на что посвящаю бытіе мое. Движимый таковымъ стремленіемъ я наиболѣе обращалъ здѣсь вниманіе на различіе методовъ англійскихъ, собралъ и приспособилъ ихъ къ практическимъ моимъ занятіямъ,—и въ таковомъ предположеніи старался я усовершенствовать себя въ литературныхъ познаніяхъ англійскаго языка. Осмѣливаюсь прибавить къ этому, что въ надеждахъ моихъ поддерживала меня и та мысль, что я могу имѣть пособіе со стороны моего дяди, протоіерея Смирнова въ Лондонѣ, каковое пособіе при тамошней дороговизнѣ и національныхъ обычаяхъ необходимо. При таковыхъ предположеніяхъ, увидѣвъ преграду, положенную мнѣ рѣшеніемъ совета въ Харьковскомъ университетѣ, ничего не остается болѣе, какъ прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить объ отправленіи меня первоначально въ Англію на полтора года и послѣ того на таковое же время въ Германію, дабы, согласно цѣли и назначенію моему, могъ я окончить курсъ существенныхъ частей медицины въ томъ и другомъ мѣстѣ. А при столь медленномъ теченіи моего дѣла, болѣе года уже продолжающагося, позвольте, сіятельный князь, присовокупить нижайшую просьбу объ ускореніи отправленія моего въ Англію—къ чему наступающая весна и лѣто могли бы быть самымъ благопріятнымъ временемъ. Благovolите, сіятельный князь, обратить вниманіе на того, кто со всею готовностію ищетъ путей къ дальнѣйшему усовершенствованію во врачебныхъ познаніяхъ и всего себя посвящаетъ на то, дабы воздать должную жертву благодарности мѣсту первоначальнаго его образованія⁴.

Министръ уважилъ его ходатайство и разрѣшилъ отправиться сначала въ Англію, а потомъ въ Германію и при томъ на 3 года съ содержаніемъ по 4000 руб. въ годъ. Однако дѣло отправленія замедлилось и Гвѣдичъ обратился съ ходатайствомъ объ ускореніи его къ попечителю.

„Его сіятельство господинъ министръ просвѣщенія князь Голицынъ, писалъ онъ попечителю, основываясь на довѣренности Харьковского университета и на лестныхъ отзывахъ здѣшняго моего начальства, предложилъ университету отправить меня въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія во врачебныхъ познаніяхъ. Осмѣливаюсь сказать, что приобрѣтеніе этихъ новѣйшихъ свѣдѣній въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ чтобы послѣ перенести ихъ въ нѣдро любезнаго мнѣ мѣста первоначальнаго моего образованія—было всегда единственнымъ моимъ желаніемъ, и я ласкалъ себя тою пріятнѣйшею надеждою, что, при благотворномъ содѣйствіи высшаго начальническаго покровительства, скоро достигну вожделѣнной цѣли своей; но въ продолженіи осмнадц-

цати почти мѣсяцевъ—послѣ трехкратнаго со стороны его сіятельства господина министра предложенія университету объ отправленіи меня,—къ прискорбію не вижу конца моему дѣлу. Отношеніе вашего превосходительства отъ 27 апрѣля этого года къ его сіятельству господину министру о данномъ университету предписаніи вступитъ въ надлежащее распоряженіе касательно моего вояжа подало мнѣ великую надежду къ скорѣйшему исполненію моихъ желаній. Но какъ со времени полученія этого отношенія истекъ уже почти мѣсяцъ и я не имѣю никакого свѣдѣнія о теченіи моего дѣла, между тѣмъ, какъ наступившее лѣто представляетъ самое благопріятное время для отправленія въ Англію, дабы, сообразно цѣли моей, начать курсъ наукъ съ 1 ноября въ Единбургѣ и когда я не вижу необходимости оставаться долѣе въ С.-Петербургѣ, послѣ 3-хъ лѣтнихъ занятій теорією и практикою, до врачебной части относящеюся, боюсь, дабы чрезъ таковую медленность въ теченіи моего дѣла—медленность, которую я столь много терпѣлъ, смѣю сказать, не видя на то достаточныхъ причинъ—боюсь, дабы не потерять драгоценнаго и самаго благопріятнаго для отправленія времени.

Ваше превосходительство, жертвуя и спокойствіемъ своимъ, и своими личными выгодами для пользы университета, безъ сомнѣнія примете во вниманіе столь справедливыя причины посвящающаго себя на пользу того же мѣста и преклонитесь на всенижайшую просьбу единаго изъ питомцевъ ввѣреннаго вамъ святилища наукъ, умоляющаго ваше превосходительство объ ускореніи и приведеніи къ надлежащему концу дѣла его. Та же истинная польза отечества и университета, которая движетъ духъ мой въ моихъ преднамѣреніяхъ, поселила во мнѣ смѣлость отнестись непосредственно къ вашему превосходительству съ полною увѣренностію и надеждою на благосклонность и начальническое покровительство вашего превосходительства“.

Нѣсколько времени спустя онъ обратился съ этимъ же ходатайствомъ и къ министру, которому 4 августа 1818 года писалъ.

„Движимый непреодолимымъ желаніемъ къ приобрѣтенію врачебныхъ свѣдѣній въ чужеземныхъ странахъ, я имѣлъ особенное счастье получить отъ вашего сіятельства и милостивое соизволеніе на путешествіе мое, и назначеніе времени и мѣстъ, съ опредѣленіемъ приличнаго содержанія въ продолженіи трехлѣтняго моего путешествія въ чужихъ краяхъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ столь богатое изліяніе на меня милостей—оставался я въ спокойномъ ожиданіи исполненія начальнической воли вашего сіятельства въ Харьковскомъ университетѣ. Но съ прискорбіемъ видя, что каждый проходящій день уноситъ пріятныя мои надежды и удаляетъ меня отъ возжелѣнной цѣли, видя, что всѣ ста-

ранія, со стороны моей предпринятія, всѣ письменныя просьбы объ ускореніи дѣла моего въ университетѣ, касательно путешествія, остаются безъ успѣха, еще осмѣливаюсь представить вашему сіятельству затрудненное мое положеніе. Невознаградимая потеря времени будетъ плодомъ дальнѣйшаго моего здѣсь пребыванія, ибо чрезъ мѣсяцъ, какъ извѣстно, не представится уже удобства къ отъѣзду въ Англію. Въ такомъ положеніи мнѣ ничего не остается, какъ подвергнуть себя благотворительной волѣ и начальническому покровительству вашего сіятельства“.

По требованію министра отъ Харьковского университета ему послана была слѣдующая инструкція, составленная медицинскимъ факультетомъ.

1. Заниматься практическою анатоміею и посѣщать публичныя лекціи.

2. Стараться узнать наилучшіе составы массъ для коллекцій кровеносныхъ сосудовъ, массъ, въ Англіи употребительныхъ.

3. Научить дѣлать препараты частныхъ органовъ, какъ напримѣръ, органа зрѣнія, слуха, *testiculorum* и другихъ важнѣйшихъ.

4. Замѣчать лучшіе анатомическіе кабинеты, искуснѣйшихъ анатомиковъ и классическія сочиненія, по этой части въ Англіи употребительнѣйшія.

5. Какою формою теперь преподается фізіологія въ Англіи и какія почитаются послѣ Кухлена и Грегори изъ новѣйшихъ классическими по этой части сочиненіями.

6. Заниматься хирургіею и теоретическою, и практическою, а по-сему и всѣ операціи хирургическія да будутъ предметомъ вашимъ.

7. Замѣтить методы всѣхъ операцій, въ Англіи наиупотребительнѣйшіе, инструменты и перевязки, если только они будутъ отличны отъ принятыхъ доселѣ въ другихъ частяхъ Европы.

8. Замѣтить лучшіе хирургическіе кабинеты искуснѣйшихъ по этой части операторовъ; лучшія въ Англіи изъ новѣйшихъ сочиненія и по этой части лучшихъ инструментальныхъ мастеровъ.

9. Не оставлять безъ вниманія и другихъ частей медицины и особенно тѣхъ, къ коимъ вы имѣете особенную охоту и природную наклонность.

10. Обратитъ все вниманіе на методы лѣченія золотухи и аглицкой болѣзни, также и скорбута.

11. Буде же встрѣтятся какія-либо важныя въ Англіи открытія, касающіяся вообще до медицины, о таковыхъ въ донесеніяхъ ихъ со-звѣту упоминать.

12. Каждую треть года доносить совѣту о вашемъ мѣстопробываніи и занятіяхъ.

13. По возвращеніи вашемъ изъ чужихъ странъ въ Харьковскій университетъ обязаны вы представить протоколъ записокъ по обоимъ предметамъ относительно артикуловъ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10 и 11-го.

Изъ Лондона Гидичъ 19 октября 1818 года прислалъ на имя министра новое просительное письмо, въ которомъ ходатайствовалъ о прибавкѣ къ его содержанію еще одной тысячи рублей ассигнаціями.

„Увидѣвъ себя при непосредственномъ покровительствѣ вашего сіятельства, достигнувшемъ вождѣлннѣи цѣли, къ которой стремился жаждущій образованія въ странахъ чуждыхъ духъ мой, не могу я воздать достойную жертву благодарности, по мѣрѣ признательныхъ чувствованій къ благотворному начальническому покровительству вашего сіятельства. Сообразно волѣ вашего сіятельства и собственному желанію я оставилъ С.-Петербургъ 31-го августа и, отправившись изъ Кронштадта 12 сентября на корабль, благополучно прибылъ въ Лондонъ 28 сентября. По прибытіи въ Лондонъ, первое мое дѣло состояло въ томъ, чтобы отыскать мѣсто, способное для практическаго изученія англійскаго языка, но благодаря пособію моего дяди протоіерея Смирнова, я недолго затруднялся въ отыскиваніи такового мѣста и 15 октября поступилъ въ академію извѣстнаго здѣсь Баршо (Bagschaw), въ разстояніи на 7 миль отъ Лондона, гдѣ предполагаю остаться до 1 генваря слѣдующаго года, дабы, сообразно здѣшнимъ положеніямъ, съ этого времени начать курсъ медицинскихъ лекцій у извѣстнѣйшихъ профессоровъ, присоединивъ къ тому посѣщеніе госпиталей,—до того времени не могу я съ особенною пользою заниматься собственною моею частію, сколько потому, что посѣщеніе лекцій требуетъ основательнѣйшаго и практическаго знанія англійскаго языка, столько и потому, что Харьковскій университетъ не опредѣлилъ еще въ точности тѣхъ частей медицины, которыя должны составлять главный предметъ моихъ занятій. Предположивъ во мнѣ знаніе англійскаго языка и незнаніе частей медицины, коими я долженъ заниматься—посѣщеніе лекцій въ продолженіе этого времени составило бы для меня хотя не излишнее занятіе, но совершенно излишнія издержки по причинѣ того, что курсъ лекцій начался въ сентябрѣ, значительная часть ихъ пройдена и для полноты науки я необходимо долженъ былъ бы или выжидать вторичнаго начала курса, или платить дорогую цѣну за приватные уроки, ежели бы еще то возможно было.

Я не осмѣливаюсь при этомъ излагать вашему сіятельству подробнымъ образомъ обстоятельствъ касательно здѣшней дороговизны. Осмѣ-

ливаюсь скромнымъ образомъ упомянуть о томъ, что путевыя издержки отъ С.-Петербурга до Гревзенда, находящагося въ разстояніи на 22 мили или 30 верстъ отъ Лондона, стоитъ мнѣ 20 фунтовъ стерлинговъ съ лишнимъ (болѣе 400 руб.); отъ Гревзенда до Лондона путевыя издержки простираются до 5 ф. стерлинговъ (около 100 руб.); причиною столь значительной суммы является между прочимъ и то, что приѣзжающаго останавливаютъ на каждахъ почти трехъ миляхъ и требуютъ отъ него платы при каждой заставѣ—на что приѣзжающій въ первый разъ иностранецъ, осмѣливаюсь думать, будетъ смотрѣть не безъ удивленія. При этомъ не могу я безъ чувствительнаго раскаянія въ неосторожномъ поступкѣ моемъ признаться вашему сіятельству, что, сдѣлавши переводъ оклада, полученнаго мною бумажками на золото въ С.-Петербургѣ, и принявъ каждый червонецъ въ 10 руб. 85 коп., не могу за каждый изъ нихъ получить здѣсь болѣе 9 шиллинговъ (9 руб.) и чрезъ то теряю вдругъ болѣе 650 рублей. Соображая поэтому дороговизну здѣшней жизни и необходимыя издержки при посѣщеніи лекцій, госпиталей и проч., взявъ равно во вниманіе понесенный при переводѣ уронъ—предвижу совершенную невозможность удовлетворить въ полной мѣрѣ собственному желанію на приобрѣтеніе свѣдѣній и предназначенію университета, а хотя бы мой окладъ на этотъ конецъ и былъ еще достаточенъ, но недостаточенъ будетъ для того, чтобы предпринять отправление въ Шотландію въ продолженіе нынѣшняго же года и, слѣдовательно, на счетъ этой же суммы. Благоволите, сіятельный князь, обратить начальническое вниманіе на изложенныя обстоятельства — и назначенный годовой окладъ увеличить прибавкою 50 ф. стерлинговъ (1000 руб.), дабы я могъ послѣ того оправдать себя въ полной мѣрѣ предъ лицомъ вашего сіятельства и удовлетворить предназначенію своему, можетъ быть болѣе, нежели сколько налагаетъ на меня моя обязанность и моя совѣсть“.

Ходатайство это съ своей стороны подкрѣпилъ дядюшка его священникъ Смирновъ, который писалъ министру.

„Недѣли за три предъ симъ лордъ Гильфордъ самъ вручилъ мнѣ письмо, которымъ ваше сіятельство изволили меня удостоить отъ 14 числа прошедшаго іюля. Этотъ почтенный лордъ не находитъ словъ, достаточныхъ къ выраженію своей признательности и благодарности за отличный пріемъ, сдѣланный ему въ Россіи, а наипаче въ С.-Петербургѣ, что онъ по всей справедливости относитъ къ милостивому вашего сіятельства снисхожденію и усердному желанію содѣйствовать предположенной имъ цѣли, т. е. заведенію училищъ въ Іоническихъ островахъ и преподаванію богословія на основаніи истиннаго греческаго

закона. О духовной нашей академіи, о порядкѣ въ семинаріи, о матеріалахъ и трудахъ посвятившаго себя сочиненію церковной исторіи говоритъ онъ съ великимъ уваженіемъ и восхищеніемъ. Словомъ, Россія ему столь понравилась, что онъ, съѣздивъ на Іоническіе острова и положивъ начало училищамъ, надѣется еще однажды побывать въ С.-Петербургѣ, чтобы воспользоваться просвѣщеніемъ нашихъ ученыхъ мужей для надлежащаго утвержденія заведеній. Дней за десять передъ этимъ онъ отправился черезъ Францію въ Корфу для приведенія въ дѣйствіе своего намѣренія; столь вождѣльнаго для жителей Іоническихъ острововъ. Не знаю, могу ли я осмѣлиться при этомъ же случаѣ принести вашему сіятельству чувства благодарнѣйшаго моего сердца за столь отличную пріязнь и благосклонность, оказанную этому почтенному и благонамѣренному лорду и старому моему пріятелю. Кромѣ этого я еще долгъ имѣю принести вашему сіятельству искреннѣйшую мою благодарность за милостивое доставленіе случая моему племяннику штаб-лѣкарю Гнѣдичу побывать въ Англіи. Онъ прибылъ сюда сентября 28 числа; вступилъ уже въ хорошую школу или пансіонъ мѣсяца на два для приобрѣтенія надлежащаго знанія въ практикѣ англійскаго языка, безъ чего было бы для него совершенно вѣще слушать лекціи, кои преподаются на англійскомъ языкѣ, и слушатель безъ пользы теряетъ и время и деньги, если не можетъ удобно понимать профессорскихъ объясненій. Я не упущу доставить ему способы видѣть лучшіе здѣшніе анатомическіе, натуральной исторіи и другіе кабинеты, госпитали и прочія заведенія. Что же касается до слушанія разныхъ лекцій и практики въ госпиталяхъ, то поелику всѣ лучшія заведенія этого рода принадлежать частнымъ людямъ, либо заведены подпискою ихъ, то и разумѣется, что при входѣ въ каждое изъ этихъ мѣстъ требуется плата, въ иныхъ довольно значительная: примѣрно, за позволеніе ходить въ госпиталь съ намѣреніемъ участвовать въ практикѣ требуется 20 гиней, т. е. 21 фун. стерлинговъ или около 420 рублей, поэтому и возможность пользоваться ему этими выгодами больше или меньше будетъ зависѣть отъ его оклада“.

Самъ Гнѣдичъ присоединилъ къ вышеизложенному ходатайству еще слѣдующій отчетъ о своихъ занятіяхъ, направленный опять таки непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія.

„Простите смѣлому предпріятію, писалъ онъ тамъ, подвергнуть себя непосредственно начальнической волѣ и вниманію вашего сіятельства. Чувство благодарности къ единственному виновнику счастья—существенная причина, побуждающая представить нынѣ вашему сіятельству и ходъ моихъ занятій, и мое положеніе. Сообразно плану, коимъ

руководствоваться обязанъ и во время моего пребыванія въ чужихъ краяхъ, дабы по истеченіи четырехмѣсячнаго срока давать отчетъ Харьковскому университету въ моихъ занятіяхъ, я осмѣлился при этомъ случаѣ представить его вашему сіятельству въ маломъ видѣ. Почти съ половины октября до послѣднихъ чиселъ декабря истекшаго года, единственное мое занятіе состояло въ англійскомъ языкѣ. Я занимался имъ въ академіи, отстоящей отъ Лондона на 7 миль; объ успѣхахъ моихъ и о томъ, какъ я употреблялъ свое время, свидѣлствуетъ видъ, полученный мною отъ моего учителя, который препровождаю нынѣ въ Харьковскій университетъ вмѣстѣ съ прочими аттестатами академіи и медицинской экспедиціи морского министерства. 2-го генваря имѣлъ я случай обозрѣть огромный королевскій хирургическій кабинетъ (Royal College) и описаніе предметовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія въ немъ, постараюсь сообщить въ скорости Харьковскому университету. 6 генваря я началъ слушать курсъ медицинскихъ лекцій въ Лондонѣ по изложенному здѣсь плану.

1. Курсъ лекцій практической медицины съ приложеніемъ законовъ животной экономіи, терапіи, врачебнаго веществословія и судебной медицины у именитаго доктора Пирсона, главнаго врача при госпиталѣ Сень-Жоржъ.

2. Курсъ анатоміи, фізіологіи, патологіи и хирургіи у профессора Вилсона и извѣстнаго Чарльсъ-Белла въ анатомическомъ театрѣ.

3. Курсъ теоретической и практической хирургіи у г-на Броди, помощника хирурга при госпиталѣ Сень-Жоржъ.

4. Анатомическія показанія на субъектахъ у прозектора Шоа въ анатомическомъ театрѣ.

5. Курсъ химіи у знаменитѣйшаго химика Бранда, въ королевскомъ институтѣ (Royal Institution).

6. Посѣщеніе больныхъ въ госпиталѣ С.-Жоржъ буду продолжать до 1 февраля съ тѣмъ предположеніемъ, дабы, познакомившись со способомъ лѣченія и учрежденіями, до госпиталя касающимися, съ того времени принять извѣстное число больныхъ подъ собственный мой призоръ и лѣченіе. Курсъ лекцій будетъ продолжаться до послѣднихъ чиселъ мая. Курсъ лекцій безъ госпиталя стоитъ 20 ф. стерлинговъ (400 р.). Лѣченіе больныхъ въ госпиталѣ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ будетъ стоить 16 гиней (336 руб.). Въ августѣ мѣсяцѣ, сообразно плану для путешествія, долженъ буду отправиться въ Единбургъ. Но я съ прискорбіемъ осмѣливаюсь объяснить вашему сіятельству слѣдующее. Время пребыванія моего въ Лондонѣ слишкомъ кратко для того, чтобы обозрѣть всѣ заведенія, до медицины касающіяся съ такимъ внима-

нѣмъ, какого важность предметовъ требовать можетъ, и еще короче, для того, дабы подробнѣйшее объ нихъ свѣдѣніе сообщить можно было во всей точности мѣсту, которому я обязанъ давать отчетъ. Усматривая въ томъ ощутительнѣйшую пользу, я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство, да будетъ благоволено, по окончаніи курса моихъ наукъ въ Единбургѣ, возвратиться въ Лондонъ по крайней мѣрѣ на 4 мѣсяца, заимствуя время это отъ назначеннаго для Германіи полугодового пребыванія. Второе обстоятельство—одно изъ тѣхъ, которое наиболѣе можетъ удалить меня отъ моей цѣли и положить преграду моему желанію быть полезнымъ отечеству. Это — недостаточность содержанія! Это обстоятельство не можетъ быть ощутительно тому, кто не вошелъ въ образъ жизни и обычаи англичанъ. Сколько мнѣ извѣстно, то исключая британскій музеумъ (the British Museum) и королевскій хирургическій кабинетъ (Royal College of Surgeons), всѣ прочія заведенія, дабы обозрѣвать ихъ, требуютъ взаимной дани — платы. Это причина — побуждающая меня еще сдѣлать легкое напоминаніе о прошеніи, которымъ я осмѣливался утруждать ваше сіятельство за 3 мѣсяца предъ этимъ. Простите, сіятельнѣйшій князь, откровенному языку, ибо кто наиболѣе можетъ содѣйствовать теперь въ моихъ намѣреніяхъ и дать ходъ моимъ, осмѣливаюсь сказать, алчнымъ желаніямъ быть полезнымъ отечеству, ежели не благодѣтельное вашего сіятельства начальническое покровительство. А при этомъ позвольте, сіятельнѣйшій князь, въ продолженіи моего путешествія, хотя изрѣдка сообщать свѣдѣнія, по мѣрѣ возможности моихъ силъ и моихъ знаній, непосредственному вниманію вашего сіятельства. Милостивое соизволеніе на это будетъ наиболѣе воодушевлять меня въ моихъ занятіяхъ и подастъ способъ быть достойнымъ той довѣренности, которою ваше сіятельство удостоить меня благоволили, отправивъ меня въ чужіе края“.

Министръ препроводилъ ходатайство Гнѣдича на заключеніе попечителя, а попечитель запросилъ по этому поводу отзыва совѣта. Совѣтъ университета, основываясь на томъ, что расходы по содержанію казеннокоштныхъ студентовъ медиковъ, кандидатовъ и двухъ лицъ, командированныхъ для изученія медицины, далеко превысили смѣту, рѣшительно высказался противъ прибавки содержанія Гнѣдичу; но попечитель, исходя изъ того, что раньше когда то были остатки по статьѣ о командировкахъ, высказался въ пользу единовременной выдачи Гнѣдичу пятой тысячи рублей. Министръ согласился съ мнѣніемъ попечителя. 26 февраля 1819 года Гнѣдичъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ новымъ ходатайствомъ о продленіи срока пребыванія въ Англіи.

„Чувствую въ полной мѣрѣ, сколь много съ перваго даже начала моего отправленія въ чужіе края, осмѣливался я утруждать ваше сіятельство частыми моими отношеніями, но настоящее мое положеніе наиболѣе требуетъ того, дабы вновь прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложить осмѣливаюсь. Основываясь на одномъ изъ отношеній Харьковскаго университета къ вашему сіятельству касательно моего отправленія въ чужіе края, гдѣ объяснено было, дабы и, въ продолженіи моего путешествія, занимался всѣми существенными частями медицины, и руководствуясь частными ко мнѣ письмами нѣкоторыхъ профессоровъ этого университета, назначившихъ предметами моихъ занятій въ особенности патологію, терапію, клиническія посѣщенія, семіотику и діететику, я, вслѣдствіе этого, не предполагая могу- щей случиться перемѣны плана въ моихъ занятіяхъ, съ первыхъ чиселъ генваря этого года, обратилъ все свое вниманіе въ Лондонѣ преимущественно на упомянутыя части медицины, и вслѣдствіе этого издержалъ 38 ф. стерлинговъ (760 руб.), дабы пользоваться правомъ посѣщать больныхъ въ госпиталѣ Сентъ-Жоржъ, пользоваться ихъ и слушать лекціи, исчисленныя въ моемъ донесеніи, которое я имѣлъ честь представить къ вашему сіятельству отъ 12 генваря сего года. Но къ неожиданному затрудненію моихъ обстоятельствъ, я получилъ 14 февраля этого года отправленное ко мнѣ медицинскимъ факультетомъ Харьковскаго университета наставленіе отъ 18 поября прошлаго года, котораго первый и главнѣйшій пунктъ состоитъ въ томъ, дабы я во все продолженіе моего путешествія занимался единственно анатомією и хирургією во всей обширности этихъ наукъ. Считая непремѣннѣйшею моею обязанностію сообразоваться во всемъ съ назначеніемъ медицинскаго факультета и употребить всевозможнѣйшія усилія, клонящіяся къ удовлетворенію въ полной мѣрѣ такому назначенію—сверхъ того глубоко чувствуя самъ въ себѣ всю важность такового назначенія, тѣмъ болѣе, что оно предполагаетъ очевиднымъ образомъ существенную необходимость усовершенствованія этихъ двухъ частей въ Харьковскомъ университетѣ, осмѣливаюсь присовокупить и самъ, что нѣтъ богаче источниковъ, нѣтъ обильнѣе средствъ для достиженія возможнаго совершенства по этимъ частямъ, какъ въ Лондонѣ, гдѣ обѣ эти науки доведены до высочайшей степени совершенства. Не взирая однако же ни на эти драгоценныя выгоды, ни даже на важность даннаго мнѣ наставленія, которымъ долженъ я руководствоваться—осмѣливаюсь донести вашему сіятельству, что я не въ состояніи теперь ему послѣдовать. Сіятельнѣйшій князь! Если мнѣ будетъ позволено объяснить, что я теперь

на половинѣ курса моихъ лекцій, когда анатомическія и хирургическія лекціи также на половинѣ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ въ Лондонѣ, что весьма немного остается времени пользоваться субъектами, нужными для анатомическихъ препаратовъ и диссекцій, ибо чрезъ два съ половиною мѣсяца прекратятся лекціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность заниматься практическою анатоміею, если мнѣ будетъ позволено повторить, что я употребилъ уже значительныя издержки для настоящихъ моихъ лекцій, дабы слушать ихъ до послѣднихъ чиселъ мая, что поступилъ въ госпиталь Сентъ-Жоржъ и выплатилъ сумму, потребную для того, дабы заниматься въ немъ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ, тогда когда новыхъ издержекъ, какихъ требуютъ анатомія и хирургія, я дѣлать уже не въ состояніи и даже не имѣю столько, чтобы содержать себя до послѣднихъ чиселъ августа, то изъ этого нельзя ли усмотрѣть, что перемѣна плана моихъ занятій въ это время ни къ чему болѣе послужить не можетъ, какъ только къ недостаточности успѣховъ во всѣхъ частяхъ медицины и что большая половина употребленныхъ мною издержекъ будетъ совершенно потеряна, ибо, занявшись съ этого времени анатоміею и хирургіею, я долженъ оставить прочіи части, стоящія значительныхъ издержекъ, недоконченными. Поэтому я вынужденнымъ себя нахожу продолжать начатыя мною предметы до ихъ окончанія. А какъ въ сентябрѣ этого года начинается вновь курсъ медицинскихъ наукъ, и какъ я уже имѣлъ честь объяснить, что въ Лондонѣ несравненно больше пособій для практической анатоміи и хирургіи, нежели въ другихъ мѣстахъ, то совершенное выполненіе моей обязанности и каждаго изъ данныхъ мнѣ правилъ требуетъ непременно того, 1) чтобы остаться еще на одинъ годъ въ Лондонѣ, а поэтому продолжить мое пребываніе въ чужихъ краяхъ еще одинъ годъ, вмѣсто того, чтобы отправиться къ сентябрю въ Единбургъ, 2) а такъ какъ анатомія въ частности требуетъ особенныхъ издержекъ по причинѣ потребности анатомическихъ субъектовъ, которые здѣсь покупаются очень дорого, а цѣна для хирургической практики превышаетъ даже вѣроятіе, ибо занимающійся неревязкою больныхъ въ госпиталѣ Сентъ-Томасъ обязанъ заплатить въ годъ 50 ф. стерлинговъ (1000 р.), то очевидно, что надлежащее выполненіе моихъ обязанностей, въ которыхъ послѣ я долженъ дать отчетъ, требуетъ увеличенія оклада, о чемъ я теперь извѣщаю медицинскій факультетъ Харьковскаго университета. Сіятельный князь! Благоволите обратить начальническое вниманіе на изложенныя здѣсь обстоятельства и продлить мое пребываніе въ Лондонѣ еще на одинъ годъ съ означеннымъ окладомъ, увеличивъ его по крайней мѣрѣ 50 фун. стерлинговъ (1000 рублей). Это можетъ раз-

рѣшить единственно воли и начальническое покровительство вашего сіятельства“.

Письмо это было прислано министромъ народнаго просвѣщенія черезъ попечителя въ Харьковскій университетъ, который, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, нашелъ, что Гнѣдичъ долженъ былъ придерживаться данной ему инструкціи и, назначивъ ему еще 1000 р. (кроме ассигнованной министромъ) на переѣздъ изъ Лондона въ Эдинбургъ, требовалъ, чтобы онъ въ указанный ранѣе срокъ отправился въ Германію. Медицинскій факультетъ указывалъ между прочимъ на слѣдующія обстоятельства.

„Въ 1818 году, на основаніи предложеній вашего превосходительства и его сіятельства господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о составленіи въ самоскорѣйшемъ времени инструкціи для его, Гнѣдича, отправившагося уже въ Англію, факультетъ, принимая въ разсужденіе, что Англія славится различными заведеніями и всѣми пособіями для анатоміи и хирургіи, въ составленной подробной инструкціи назначилъ ему, Гнѣдичу, заниматься преимущественно означенными частями медицины. Изъ рапорта его, Гнѣдича, присланнаго въ факультетъ изъ Лондона отъ 16-го генваря сего 1819 года явствуется, что онъ началъ слушать у знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ курсъ анатоміи, фізіологіи, патологіи, хирургіи теоретической и практической, и сверхъ того заниматься демонстраціями, анатоміею въ анатомическомъ театрѣ, каковыя занятія его, Гнѣдича, какъ не противныя ни первой, ни другой изъ данныхъ ему инструкцій, факультетомъ и были одобрены. Но изъ другого рапорта его, Гнѣдича, отъ 26-го февраля 1819 года видно, что онъ перемѣнилъ помянутое выше первое свое распоряженіе, и исключивъ изъ занятій своихъ анатомію и хирургію, какъ главнѣйшія изъ медицинскихъ наукъ и истинныя подпоры ихъ, прилежиѣ всего занимается семіотикой, патологіей, діететикой, терапіей и клинкой, каковой перемѣнѣ, учиненной Гнѣдичемъ въ занятіяхъ своихъ, помянутый факультетъ не можетъ не удивляться и ему непонятно, отъ чего произошло это противорѣчіе въ занятіяхъ его, и какимъ образомъ вторая инструкція, гдѣ анатомія и хирургія ему назначены были, могла ему, начавшему уже прежде въ Лондонѣ заниматься хирургіею и анатоміею, причинить какое-либо затрудненіе и влечь издержки. Поэтому факультетъ, по соображеніи всего вышеписаннаго, полагаетъ, чтобы онъ, Гнѣдичъ, по окончаніи начатаго имъ же курса въ Лондонѣ, отправился въ Эдинбургъ, какъ онъ и самъ въ первомъ своемъ рапортѣ давалъ знать, и тамъ занимался бы анатоміею и хирургіею, тѣмъ болѣе, что и воспитанники С.-Петербургской

медико-хирургической академіи, находящіеся въ чужихъ краяхъ, туда отправлены; по окончаніи же курса въ Единбургѣ, чтобы онъ, Гнѣдичъ, отправился въ назначенныя ему въ Германіи мѣста: а относительно просимой имъ, Гнѣдичемъ, прибавки жалованья, факультетъ предоставляет распорядиться объ этомъ высшему начальству“.

Совѣтъ, утвердивъ это донесеніе медицинскаго факультета и принимая во вниманіе, что въ Единбургѣ не такая большая дороговизна, какъ въ Лондонѣ, положилъ выдать ему, Гнѣдичу, еще 1000 руб. для путешествія его изъ Лондона въ Единбургъ и изъ Единбурга въ Германію.

Попечитель съ своей стороны одобрилъ это рѣшеніе совѣта, ибо этому послѣднему лучше всего извѣстно, какими науками необходимо специально заниматься Гнѣдичу.

Министръ черезъ посла въ Лондонѣ князя Ливена сдѣлалъ замѣчаніе Гнѣдичу по поводу его отступленія отъ инструкціи, данной Харьковскимъ университетомъ. Гнѣдичъ далъ послу письменныя разъясненія, въ которыхъ повторилъ то, что писалъ министру, но прибавлялъ впрочемъ, что онъ будетъ считать своею непремѣнною обязанностью сообразоваться впредь съ инструкціей.

Изъ Единбурга Гнѣдичъ снова прислалъ министру письмо, въ которомъ кратко сообщалъ о своихъ занятіяхъ и просилъ о переводѣ ему денегъ.

„Глубокая признательность къ благодѣяніямъ вашего сіятельства, писалъ онъ князю А. Н. Голицыну, и начальническое покровительство ваше — это причины, внушающія смѣлость объяснить вашему сіятельству мое положеніе и просить обратить вниманіе на обстоятельства, здѣсь изложенныя. Окончивъ курсъ моихъ наукъ въ Лондонѣ и употребивъ нѣкоторое время на обзрѣніе тамошнихъ богатыхъ музеевъ съ ощутительною пользою, я прибылъ къ началу курса моихъ лекцій въ Единбургъ и въ среднихъ числахъ октября приступилъ къ слушанію ихъ сообразно моему назначенію. Что было здѣсь для меня ново и заслуживало, по вліянію на медицину, особеннаго вниманія — я о томъ сообщилъ подробно совѣту Харьковского университета. Немедленно по окончаніи курса лекцій въ Единбургѣ, я предполагаю, сообразно инструкціи, отправиться въ Германію и первоначально въ Геттингенъ съ тѣмъ, дабы выслушать курсъ лекцій въ тамошнемъ университетѣ и потомъ къ 1 сентября этого же года отправиться изъ Геттингена въ Вѣну къ началу курса лекцій въ этой столицѣ. Объ этомъ моемъ предположеніи переѣмѣнить мѣстопробываніе я доносилъ совѣту университета отъ 11-го ноября прошлаго года, сообразно 12 пункту данной мнѣ инструкціи. Я доносилъ въ то же время и о томъ, что имѣлъ честь по-

лучить 2000 руб., изъ коихъ 1000 р. предназначена мнѣ въ единовременную выдачу, а другая — для путешествія моего изъ Лондона въ Единбургъ и изъ Единбурга въ Германію. Въ томъ же донесеніи отъ 11-го ноября я просилъ совѣтъ университета о переводѣ въ Лондонъ моего оклада, который слѣдовало мнѣ получить еще въ сентябрѣ прошлаго года; но не получая его долгое время, я былъ въ необходимости просить Лондонское посольство о выдачѣ мнѣ изаймы 60 ф. стерлинговъ (1500 рублей по нынѣшнему курсу) до полученія оклада. Предполагая, что окладъ мой не будетъ переведенъ до времени моего отправления изъ Единбурга въ Германію, и что я буду въ необходимости вторично просить Лондонское посольство о выдачѣ займы суммы, не превосходящей оклада мнѣ слѣдуемаго — осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о назначеніи правленію Харьковскаго университета перевести окладъ слѣдуемый мнѣ съ 1-го сентября 1819 г. по 1-е сентября 1820 г. на имя Лондонскаго посольства въ Лондонѣ, а окладъ, слѣдуемый мнѣ съ 1-го сентября этого года по 1-е сентября 1821 г., перевести къ сентябрю этого года въ Вѣну, гдѣ я предполагаю быть къ тому времени непременно“.

Окончивъ свое ученое путешествіе, Гнѣдичъ сообщилъ о результатахъ его министру народнаго просвѣщенія и просилъ о назначеніи его преподавателемъ въ Харьковскій университетъ по анатоміи, хирургіи или патологіи.

„Окончивъ трехлѣтнее мое путешествіе въ чужихъ краяхъ и возвратясь въ отечество, первымъ долгомъ поставлю изъяснить вамъ, сіятельнѣйшій князь, признательныя чувствованія благодарнаго сердца, какъ виновнику событія, для меня благотворнаго. Примите, сіятельнѣйшій князь, жертву благодарности, съ каждымъ днемъ и съ каждымъ новымъ приобрѣтеніемъ возраставшую въ глубинѣ души моей. Приговоря себя всегда къ важнѣйшей цѣли быть полезнымъ отечеству чрезъ приобрѣтенныя въ чужихъ краяхъ познанія — и никогда не упускалъ случая, дабы пользоваться всѣмъ, что есть новаго, важнѣйшаго и полезнѣйшаго. Успѣлъ ли я въ этомъ — рѣшить время. Я осмѣливаюсь на крайней мѣрѣ сказать, что все видѣнное и слышанное мною по большей части, если только оно заслуживало вниманія, было мною замѣчено, излагаемо на бумагу или вносимо въ ежедневный мой журналъ, который велъ я въ продолженіе трехъ лѣтъ. Исключивъ значительное число наилучшихъ новѣйшихъ сочиненій, кои не находятся еще на русскомъ языкѣ и кои старался я имѣть въ Лондонѣ, Единбургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ — я имѣю манускрипты всѣхъ профессоровъ, у коихъ читалъ лекціи, не упустилъ запастись и нѣкоторыми инструментами,

сколько позволяли обстоятельства. Кромѣ анатоміи и хирургіи вообще я занимался въ особенности нѣкоторыми вѣтвями этихъ наукъ, гдѣ имѣлъ возможность. Въ Единбургѣ занимался я особенно хирургическою анатоміею, въ Вѣнѣ—окулистикою, въ англійскихъ музеяхъ—патологическою анатоміею, въ Берлинѣ слушалъ фізіологію у наилучшаго профессора фізіологіи Корефа. Въ продолженіе путешествія видѣлъ около 250 операций, производство коихъ вносилъ въ журналъ, если оно было ново или разнилось отъ другихъ извѣстныхъ методовъ. При всѣхъ занятіяхъ и соображался съ данною мнѣ инструкціею, давалъ отчеты совѣту Императорскаго Харьковскаго университета каждую третью года; не упускалъ сообщать о томъ, что было для меня совершенно ново и имѣлъ честь отправить медицинскому факультету собственную диссертацию изъ Берлина подъ названіемъ: *О различныхъ видахъ всасыванія* и проч., переводъ трактата славнаго профессора Руста *О ложной рожи*. По истеченіи каждого курса, выслушаннаго мною, получалъ я отъ профессоровъ аттестаты, кои у меня хранятся. Кромѣ перевода, который ваше сіятельство позволили мнѣ украсить именемъ вашимъ, пользуясь тогда досугомъ, переводилъ я сочиненіе профессора Лоренца *о прыжкахъ*; но обширность самого трактата и недостатокъ времени воспрепятствовали мнѣ окончить его. Считая непремѣнною обязанностію изложить эти обстоятельства вашему сіятельству въ видѣ краткаго отчета, осмѣливаюсь объяснить, что усилія, дотошъ стремившіяся на пользу и образованіе другихъ, были одобряемы мыслью, что по возвращеніи въ отечество мое, я, сообразно частямъ медицины, для коихъ приготовлялъ себя въ чужихъ краяхъ, получу и сообразное тому мѣсто. Но какъ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, доселѣ не объявилъ никакихъ предположеній и мыслей на мой счетъ, то таковое молчаніе даетъ мнѣ смѣлость думать, что медицинскій факультетъ, соображаясь съ начальническою волею нашего сіятельства и милостивымъ соизволеніемъ на отправленіе меня въ чужіе края, и видѣвъ прежде непосредственное вашего сіятельства на мнѣ покровительство, ожидаетъ только рѣшенія отъ вашего сіятельства. Поставляя важнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій во все продолженіе моего путешествія анатомію и хирургію, приобрѣвъ запасъ теоретическихъ и практическихъ познаній по этимъ частямъ и будучи снабженъ достаточнымъ образомъ книгами и другими пособіями по этимъ же отдѣламъ, я тѣмъ съ большею пользою для другихъ и честію для моего званія готовъ былъ вступить на поприще, мнѣ предстоящее. Но, освѣдомившись, что въ Харьковскомъ университетѣ мѣсто по части анатоміи занято, а для каведры по части хирургіи предназначается

другой, принимаю смѣлость представить вниманію вашего сіятельства, что вслѣдствіе инструкціи, данной мнѣ отъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета, я въ особенности занимался анатоміею и хирургіею во время моего путешествія, почему сообразно моимъ занятіямъ и надѣялся получить приличное мнѣ мѣсто въ этомъ университетѣ по части анатоміи или хирургіи. Если же университетъ найдетъ это по какимъ либо причинамъ невозможнымъ, то осмѣливаюсь просить ваше сіятельство назначить мнѣ мѣсто въ этомъ университетѣ по части патологіи, терапіи и клиники, къ чему я также приготовлялъ себя издавна и тѣмъ занимался въ Лондонѣ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ, какъ то медицинскій факультетъ усмотрѣть можетъ изъ моихъ донесеній. Поручая себя продолженію высокаго покровительства вашего сіятельства, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и истинною душевною признательностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга Иванъ Гнѣдичъ“.

Бумага эта была отправлена на заключеніе медицинскаго факультета, который подтвердилъ свое прежнее постановленіе—предоставить Гнѣдичу кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники, а въ наступающемъ году поручить чтеніе лекцій по патологіи и акушерству. Вотъ отзывъ факультета.

„Въ засѣданіи медицинскаго факультета, бывшемъ 1821 года октября 3-го дня, читано было предложеніе его превосходительства попечителя Харьковскаго университета о назначеніи къ должности штабъ-лѣкаря Гнѣдича по тѣмъ частямъ, по коимъ онъ посланъ былъ въ иностранные края, и копія просьбы, поданной имъ же, Гнѣдичемъ, его сіятельству министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ коей штабъ-лѣкарь Гнѣдичъ изложилъ, что онъ, занимаясь по инструкціи университета единственно анатоміею и хирургіею, желалъ бы занять мѣсто въ университетѣ по какой нибудь изъ этихъ частей медицины; если же это найдено будетъ невозможнымъ, то чтобы ему предоставлена была кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники. На все это медицинскій факультетъ имѣетъ честь донести. 1) По инструкціи, данной факультетомъ, штабъ-лѣкарю Гнѣдичу, ему поручено было заниматься всѣми частями медицины. Если же въ ней анатомія и хирургія поставлены главнѣйшими занятіями для Гнѣдича, то это сдѣлано факультетомъ отчасти по той причинѣ, что штабъ-лѣкарь Гнѣдичъ, пріѣхавши въ Лондонъ, въ отчетѣ своемъ показалъ, что онъ занимается въ Лондонѣ единственно патологіею, терапіею и другими къ этимъ наукамъ относящимися предметами, отчасти же потому, что Харьковскому университету желательно было знать по анатоміи, имѣтъ ли какихъ новыхъ спо-

собовъ и пріемовъ при инъекціяхъ употребляемыхъ, и другихъ открытій, а по хирургической части университетъ желалъ узнать тѣ особенности, кои имѣетъ англійская оперативная хирургія. 2) Изъ отчетовъ и разсужденій Гнѣдича медицинскій факультетъ не могъ усмотрѣть, чтобы занятія штабъ-лѣкаря Гнѣдича были преимущественно устремлены на анатомію и хирургию. Разсужденіе его о всасываніи и переводъ о ложрой рожѣ столько же относятся къ терапіи, сколько и къ хирургіи. Собственно хирургическихъ занятій, операцій надъ живыми тѣлами, какъ видно изъ отчетовъ Гнѣдича, онъ не имѣлъ. 3) Преподаваніе же хирургіи факультетомъ отдано медико-хирургу и адъюнкту Еллинскому, который по окончаніи курса при этомъ университетѣ, усовершенствовалъ себя исключительно по этому отдѣлу въ Петербургской медико-хирургической академіи, который исполняетъ возложенную на него должность уже второй годъ и какъ по теоретической, такъ и практической частямъ этой науки пріобрѣлъ здѣсь общее одобреніе и многія значительныя операціи сдѣлалъ надъ живыми съ желаемымъ успѣхомъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи находятся только двѣ празныя кѣредры—одна по части патологіи, терапіи и клиники, занимаемая на время профессоромъ анатоміи и фізіологіи Книгинымъ, другая по части акушерства, уже третій годъ никѣмъ не занимаемая. Медицинскій факультетъ, желая пополнить обѣ эти кѣредры къ пользѣ и чести заведенія и стараясь облегчить занятія, предстоявшія по назначенію факультета, штабъ-лѣкарю Гнѣдичу, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 1821 года іюля 17 дня предъ началомъ текущаго курса наукъ положилъ: а) чтобы кѣредру патологіи, терапіи и клиники считать принадлежащею штабъ-лѣкарю Гнѣдичу; б) чтобы на предстоящій курсъ поручить г. Гнѣдичу преподаваніе патологіи, какъ собственно ему принадлежащей части, и акушерства только на текущій годъ; в) что же касается до терапіи и клиники, то эти предметы предоставлены профессору Книгину съ тѣмъ, чтобы они перешли къ Гнѣдичу по окончаніи его курса. При этомъ распоряженіи медицинскій факультетъ имѣлъ въ виду ту важную цѣль, чтобы занять всѣ празныя мѣста по медицинскому отдѣленію безъ обремененія преподающихъ. Той же цѣли придерживается факультетъ и теперь и находитъ полезнымъ и необходимымъ оставить дѣйствительнымъ распредѣленіе, сдѣланное на этотъ годъ при началѣ текущаго курса. Измѣнить это распредѣленіе факультетъ почитаетъ тѣмъ болѣе неудобнымъ, что уже каждый профессоръ началъ свои лекціи“.

Преподаваніе Ив. Гнѣдича носило впрочемъ какой то эфемерный характеръ: его курсы были внесены въ росписаніе, но читалъ ли онъ ихъ въ дѣйствительности, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ въ слѣдую-

шемъ году его лекцій не было уже и въ росписаніи. Такой печальный финалъ постигъ попытку Гнѣдича образовать себя на пользу Харьковскаго университета, вопреки желанію этого послѣдняго. Разсказанная нами, на основаніи собственныхъ писемъ Гнѣдича, исторія его командировки представляетъ характерный образчикъ излишней предпріимчивости аспиранта въ его искательствахъ передъ министерствомъ. Она служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ такихъ вопросахъ, какъ ученыя командировки, выборъ лицъ и вообще руководящая роль должны принадлежать единственно компетентнымъ здѣсь коллегіямъ—факультетамъ и совѣтамъ. Разберемъ данный случай. Первая ошибка Гнѣдича состояла въ томъ, что онъ обратился съ ходатайствомъ о заграничной командировкѣ не къ университету, а къ попечителю. Затѣмъ, разъ вступивши на этотъ путь—непосредственнаго обращенія къ *покровительству начальства*, онъ не сходилъ съ него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Выхлопоталъ онъ себѣ командировку у министра народнаго просвѣщенія—и затѣмъ обращался къ нему же за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ просьбъ и ходатайствъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя шли въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ медицинскаго факультета и совѣта Харьковского университета. У министра онъ выпросилъ себѣ прибавку содержанія. Харьковский университетъ посылалъ его въ Германію и Францію, а онъ добился командировки въ Англію, быть можетъ потому, что тамъ проживалъ его дядюшка, который съ своей стороны выступалъ съ просьбами за своего племянника. Университетъ *вынужденъ* былъ дать ему инструкцію для занятій въ Англіи,—правда, сдѣлавъ это нѣсколько поздно,—а онъ *распорядился* своимъ временемъ такъ, что инструкція не могла быть исполнена во всей ея силѣ и при этомъ ходатайствовалъ въ сущности объ освобожденіи отъ нея. Это переносило мѣру терпѣнія университета и попечителя—и даже постоянно благосклонный къ нему министр, которому онъ въ письмахъ своихъ курилъ фиміамъ, сдѣлалъ ему черезъ посла замѣчаніе и напомнилъ, что онъ долженъ исполнять данное ему университетомъ наставленіе. Ясно, что, при такихъ условіяхъ, и университетъ относился подозрительно и съ недовѣріемъ къ его отчетамъ, мало вѣрилъ въ пользу его дорогой командировки и не былъ расположенъ ввести его въ свою преподавательскую среду. Гнѣдичъ же постоянно оставался вѣренъ себѣ и усвоеннымъ имъ еще до командировки правиламъ: зная, что кафедры анатоміи и хирургіи заняты, онъ все-таки хлопоталъ передъ министромъ о предоставленіи ему двой изъ нихъ и жаловался на факультетъ, который предложилъ ему читать лекціи по патологіи, а затѣмъ долженъ былъ разсматривать ходатайство Гнѣдича, направленное непосредственно къ министру.

Быть можетъ, Гнѣдичъ и отличался способностями и усердіемъ,—у насъ нѣтъ данныхъ судить объ этомъ. Быть можетъ, онъ добросовѣстно и съ успѣхомъ трудился и во время заграничной командировки, но благодаря натянутымъ отношеніямъ, установившимся между нимъ и университетомъ, который смотрѣлъ на него, какъ на навязаннаго ему противъ воли кандидата, его подготовка, потребовавшая кромѣ ассигновки всей штатной суммы еще значительной приплаты изъ хозяйственныхъ средствъ университета, не принесла этому послѣднему практической пользы и не оправдала тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагалъ на нее самъ Гнѣдичъ. И это было тѣмъ болѣе чувствительно, что командировка другого питомца университета—Николая Еллинскаго, по выбору самого университета, потребовавшая гораздо менѣе средствъ (онъ былъ отправленъ только въ Петербургскую медико-хирургическую академію) была несравненно удачнѣе и плодотворнѣе—изъ Еллинскаго вышелъ прекрасный профессоръ хирургіи и ученый. Плодотворной оказалась также командировка въ Петербургъ въ ту же академію для подготовленія къ профессурѣ А. Венедиктова, которому университетъ и предоставилъ кафедру анатоміи, къ которой готовился преимущественно Гнѣдичъ. Да и могъ ли медицинскій факультетъ серьезно рассчитывать на Гнѣдича по части анатоміи и хирургіи, если онъ позволилъ себѣ извѣстное намъ отступленіе отъ инструкціи?

Мы рассмотрѣли, какъ готовились къ профессурѣ тѣ лица, которыя командированы были университетомъ за границу, и къ сожалѣнію, не можемъ представить такихъ же данныхъ о занятіяхъ въ Петербургской медико-хирургической академіи Еллинскаго и Венедиктова. Но огромное большинство дѣятелей, выступившее на преподавательское поприще въ университетѣ, подготовилось къ ней у себя дома, частію подъ руководствомъ своихъ же профессоровъ специалистовъ, частію путемъ самообразованія. Такимъ образомъ, въ изучаемый нами періодъ времени профессора русскаго происхожденія не только заняли преобладающее по численности своей положеніе въ университетѣ, но и создали уже школу учениковъ, приходившихъ имъ на помощь и на смѣну въ дѣлѣ преподаванія. Мы представили краткія свѣдѣнія обо всѣхъ такихъ лицахъ до поступленія ихъ на службу въ Харьковскій университетъ. Но эти свѣдѣнія, извлеченныя изъ формулярныхъ списковъ, отличаются сухостью, рисуютъ чисто вышнія черты и не вводятъ насъ во внутреннюю жизнь и духовные интересы этихъ лицъ; они не даютъ намъ такого поистинѣ драгоцѣннаго матеріала, какимъ несомнѣнно являются помѣщенные въ I-мъ томѣ нашего труда воспоминанія проф. И. Θ. Тимковскаго о домашнемъ и учебномъ его образованіи.

Къ счастію, благодаря просвѣщенному сочувствію заслуженнаго профессора Харьковскаго университета Павла Тихоновича Степанова, мы можемъ пополнить этотъ пробѣлъ и ввести въ текстъ своей книги въ высшей степени важный и любопытный матеріалъ—именно автобіографическую записку отца Павла Тихоновича профессора политической экономіи и дипломатики Тихова Ѳеодоровича *Степанова*. Записка эта, составленная имъ въ 1845 году для своихъ дѣтей, имѣетъ несомнѣнно и общій интересъ, потому что заключаетъ въ себѣ обильный матеріалъ для біографіи этого профессора, пользовавшагося въ свое время славою выдающагося и талантливаго лектора и значительнымъ вліяніемъ на своихъ слушателей. Она заключаетъ въ себѣ также данныя и о другихъ университетскихъ дѣятеляхъ того времени и о тогдашнихъ порядкахъ вообще. Но этого мало: автобіографическій матеріалъ о Т. Ѳ. Степановѣ, несмотря на довольно рѣзко выраженную индивидуальность его автора, имѣетъ въ то же самое время и общій характеръ, несомнѣнно рисуя намъ типическаго дѣятеля *той эпохи*, вводя насъ въ интересы того времени, въ міросозерцаніе того склада людей. Такимъ образомъ, ярко рисуя личность Т. Ѳ. Степанова, его записка даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое понятіе и о другихъ дѣятеляхъ подобнаго склада—объ ихъ научныхъ стремленіяхъ и подготовкѣ. Важное значеніе она имѣетъ и потому, что сообщаемыя въ ней свѣдѣнія отличаются, на нашъ взглядъ, въ общемъ полною достовѣрностью: авторъ писалъ ее не для публики, не предназначалъ ее для обнародованія, а исключительно для своихъ дѣтей—эти послѣднія должны были ознакомиться съ нею по достиженіи совершеннолѣтія, „узнать по ней своего отца“ и если по закону физической природы, писалъ Т. Ѳ. Степановъ въ заключеніе своей записки, переданы мною вамъ какіе либо недостатки, всмотритесь въ нихъ и старайтесь заранѣе истреблять или смягчать ихъ, напротивъ раскрывайте, совершенствуйте все, что есть у васъ хорошаго, добраго—имѣйте предъ собою своего отца, раскаивающагося въ своихъ ошибкахъ и утѣшающагося хотя малыми своими добродѣтелями. Но этотъ наставительный тонъ мы находимъ только въ самомъ концѣ—въ прямомъ обращеніи къ дѣтямъ; вообще же въ запискахъ нѣтъ дидактическаго элемента, а тѣмъ болѣе какой либо тенденціи, на которую ванизывались бы факты; эти послѣдніе вытекаютъ сами собою изъ повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни автора. Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе превосходнаго изложенія Т. Ѳ. Степанова—не даромъ онъ слылъ въ свое время мастеромъ слова; хотя со времени составленія записокъ прошло 56 лѣтъ, но и теперь языкъ ихъ не представляется намъ очень устарѣлымъ:

онъ простъ, ясенъ и выразителенъ. Надѣюсь, что вмѣстѣ со мною скажутъ сердечное спасибо Павлу Тихоновичу Степанову за сообщеніе этого нигдѣ еще не напечатаннаго памятника всѣмъ интересующіеся исторіей Харьковскаго университета.

О своей семьѣ и о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ Т. Ѳ. Степановъ сообщаетъ слѣдующія данныя.

„Дѣдъ мой былъ секретаремъ въ Воронежской духовной консисторіи и дослужился до чина коллежскаго ассессора: по смерти своей онъ оставилъ небольшой капиталъ, кажется, до 20 тыс. асс., что впрочемъ по тогдашнему времени составляло порядочное состояніе. Отецъ мой учился въ Воронежской семинаріи, служилъ секретаремъ у разныхъ намѣстниковъ, равняющихся генераль-губернаторамъ, и, сколько я припомню со словъ моего отца, пользовался величайшею довѣренностью намѣстника Воронежскаго и, кажется, Харьковскаго—Черткова. Потомъ онъ служилъ ассессоромъ въ уголовной палатѣ и дослужился до чина надворнаго совѣтника. Мать моя была дочь какого-то священника. Отецъ мой женился на ней въ раннихъ лѣтахъ, едва ли не на 21 году, кажется, что въ это же время онъ былъ и секретаремъ у намѣстника. Отецъ мой былъ высокаго роста, черноволосый, болѣе худощавый, нежели полный, довольно крѣпкой натуры, но къ несчастью, едва ли не наслѣдственно носившій въ себѣ самую мрачную ипсихондрію. Отецъ мой получилъ въ семинаріи образованіе, сколько припомню, поверхностное, но былъ ума особеннаго, глубокаго и честности самой безукоризненной. Занимая весьма выгодныя мѣста, онъ не пріобрѣлъ ничего и вышелъ въ отставку съ капиталомъ, полученнымъ отъ дѣда, оставилъ же онъ службу прежде 40 лѣтъ своей жизни. Онъ любилъ въ веселый часъ рассказывать милые анекдоты своего ума и своей честности; онъ до такой степени былъ чуждъ взятку, что ему иногда оставляли деньги подъ столомъ, подъ подушкой и бумагами; одинъ изъ просителей, предлагая ему 50 тысячъ по дѣлу своему, впрочемъ неправильному, хотѣлъ уже застрѣлить его, досадуя на его непреклонность, такъ что самъ намѣстникъ не приказалъ ему въ продолженіе нѣкотораго времени являться къ нему поздно вечеромъ. Однажды вынужденный переписать важную бумагу, которая написана была рукою намѣстника, но по его мнѣнію, худо, залилъ ее черниломъ и потомъ извинился передъ намѣстникомъ; Чертковъ проглядѣлъ настоящую причину и былъ имъ очень доволенъ. Онъ былъ очень набоженъ; когда онъ подвергался припадкамъ своей болѣзни,—то это жалкое состояніе продолжалось по недѣлѣ и затѣмъ онъ вдругъ погружался въ жесто-

чайшую иппохондрию, ознаменовавшуюся необыкновеннымъ страхомъ смерти. Мать моя была равно очень набожна, честнѣйшихъ правилъ, съ здравымъ разсудкомъ. Отецъ мой умеръ въ 1830 году, когда и былъ въ Петербургѣ, а мать въ генварѣ 1833 года; лѣтъ имѣли они оба, кажется, за 65. Сыновей у нихъ было при моей памяти 7, а дочерей 4, всѣ они достигли зрѣлаго возраста; были еще дѣти, но тѣ умерли въ младенчествѣ. Четвертый братъ Стратоникъ учился въ Харьковскомъ университетѣ; былъ кандидатомъ, и какъ онъ состоялъ на казенномъ иждивеніи, то и былъ отправленъ учителемъ въ Новочеркасскую гимназію. Онъ имѣлъ великія дарованія, бывъ изъ первыхъ отличныхъ студентовъ, и чѣмъ бы онъ не могъ быть, если бы не заставила его необходимость быть учителемъ? На этомъ мѣстѣ онъ подвергся той же слабости и умеръ самымъ печальнымъ образомъ; и всегда скорбѣлъ о его участи. Вообще воспитаніе мое и моихъ братьевъ, сестеръ оставалось почти въ пренебреженіи.

Здоровье мое съ младенчества было слабое, я страдалъ безпрерывно припадками желудка; характера былъ чрезвычайно кроткаго, за что и былъ любимъ, въ особенности матерью и старшимъ братомъ. Я любилъ уединеніе и былъ до такой степени нелюдимъ, что при появленіи неизвѣстнаго человѣка робѣлъ, блѣднѣлъ,—меня называли монахомъ,—я былъ чрезвычайно набоженъ, всегда посѣщалъ церковь и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ и читалъ Евангеліе,—жизнь Иисуса Христа дѣйствовала вполнѣ на мою душу; относительно способностей—память у меня была весьма слабая, я учился прилежно, но неуспѣшно, съ трудомъ заучивалъ уроки; зато способность размышленія у меня развилась слишкомъ рано—въ 10 лѣтъ я уже началъ философствовать, каждое ползущее насѣкомое занимало мой умъ, въ 16 лѣтъ я сочинялъ философскія разсужденія на латинскомъ языкѣ, которымъ занимался съ охотою и любовью, любилъ также предметы политическіе. Къ сожалѣнію, я не могъ доставать хорошихъ книгъ. Помню, что мнѣ попалась однажды книга, изданная, кажется, въ 1770 г. или около этого года, о естественномъ правѣ, и я такъ обрадовался ей, что прочитывалъ въ продолженіе дня не болѣе страницы, останавливался на каждой мысли и составлялъ въ головѣ на нее цѣлое разсужденіе. Нерѣдко, взявъ какую-нибудь тему, я тоже обдумывалъ ее, сидя на одномъ мѣстѣ, сочинялъ, что могъ, а иногда излагалъ свои мысли на бумагѣ. Я большей частью, читая книгу, ходилъ; лѣтомъ проводилъ все время въ саду—это, я думаю, много поддерживало мое здоровье. Я читалъ книги на латинскомъ и французскомъ языкахъ, послѣднія книги я уже читалъ, учась въ университетѣ. Сколько и ни

старался изучить нѣмецкій языкъ, но не могъ,—вообще къ языкамъ я имѣлъ жалкія способности. Наклонность къ инпохондріи начала у меня обнаруживаться въ раннихъ лѣтахъ,—еще въ 16 и 17 лѣтъ перѣдко я скучалъ жизнью.

Сострадательность, желаніе добра человѣчеству были стихіи моей души; я не могъ безъ содраганія и слезъ смотрѣть на бѣдствія и бѣдность другихъ, это всегда трогало меня. Такъ какъ я былъ набоженъ, то часто въ саду становился на колѣни и молилъ Провидѣніе не наказывать человѣчество за его слабости и грѣхи. Мысль, что по смерти оно должно подвергнуться вѣчному мученью, для меня была ужасна. Я, преслѣдуемый этой мыслью, молилъ Бога, если то нужно, подвергнуть меня всѣмъ страданіямъ; для того, чтобы вѣчное мученіе было устранено, я отказывался отъ своего счастья—и такъ былъ далекъ отъ желанія какой-либо славы, что желалъ быть навсегда въ неизвѣстности для счастья другихъ. Никто не былъ повѣреннымъ моихъ чувствъ, одинъ Богъ былъ ихъ свидѣтелемъ. Я старался достигнуть самыхъ высшихъ понятій, помочь образованію одной цѣли—быть полезнымъ человѣчеству! Ахъ! я любилъ его до чрезвычайности!

По своей натурѣ я легко увлекался женскимъ поломъ, но въ тоже время удалялся его, былъ скромнѣе, застѣнчивѣе до странности. Въ 18 лѣтъ я передъ отъѣздомъ своимъ въ Харьковъ ходилъ къ своему зятю, мужу старшей моей сестры, учить ихъ сына грамматикѣ, латинскому языку, и въ ихъ домѣ познакомился съ однимъ близкимъ къ нимъ семействомъ и мало-по-малу привязался къ дѣвицѣ 15 лѣтъ; она мнѣ особенно нравилась и я съ величайшимъ удовольствіемъ ходилъ въ домъ того семейства. Когда надо было мнѣ отправляться въ Харьковъ, я дѣлалъ чрезвычайныя усилія надъ собою, чтобы оставить Воронежъ. Приѣхавши въ Харьковъ, я нѣсколько мѣсяцевъ скучалъ, грустилъ, даже тяготился жизнью, но наконецъ восторжествовалъ надъ собою, и сильныя движенія сердца остались въ одной памяти.

Странное дѣло, что, когда наступило время моего отъѣзда, я, разговаривая съ моею сестрою Маріей, мною предпочтительно любимой, бывшею моимъ другомъ, сказалъ ей однажды, что какое то чувство мнѣ говоритъ, что я надолго не увижусь съ родными—и, дѣйствительно, то по неимѣнію денегъ, то по другимъ обстоятельствамъ и частью по странности своего характера, я и до сего времени ни разу не былъ въ Воронежѣ въ кругу родныхъ. Даже отецъ, прощаясь со мною и обливая меня слезами, сказалъ мнѣ, чтобы я не приѣзжалъ къ нему, не кончивъ ученія въ университетѣ. Къ чему это было? Дня за два до отъѣзда, я забрался въ уединенное мѣсто сарая, сталъ на колѣни и

молилъ Бога благословить мой путь, мою судьбу. Заходящее солнце освѣщало мое лицо, благоговѣйный страхъ овладѣлъ мною, и я почувствовалъ въ себѣ какъ бы говорящій голосъ, что мнѣ предстоятъ труды, бѣдствія, но что наконецъ судьба моя успокоится. Удивительно то, что я въ продолженіи всей жизни былъ напутствуемъ разными предчувствіями, такъ что при встрѣчѣ тяжелой болѣзни или какого-либо несчастія я всегда подкрѣпляемъ былъ надеждою, что все пройдетъ благополучно. Такъ какъ отецъ мой не въ состояніи былъ содержать меня въ Харьковскомъ университетѣ на своемъ иждивеніи, то предложилъ брату Павлу давать мнѣ деньги на содержаніе; онъ обѣщаль, но къ моему несчастію не исполнилъ своего обѣщанія. Триста рублей дано было мнѣ отцомъ при отѣздѣ“.

Любопытныя свѣдѣнія передаетъ Т. Θ. о своемъ поступленіи въ университетъ и пребываніи въ немъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ въ 1815 году, я скоро поступилъ въ университетъ. Въ это время экзамены для поступленія были слабые,—большею частью они состояли въ испытаніи знанія латинскаго языка и умѣнья сочинять. Латинскій языкъ былъ необходимъ, потому что многіе профессора, пріѣхавшіе изъ Германіи, читали лекціи на этомъ языкѣ. Отецъ послалъ со мною два письма—одно къ ректору Осиповскому, другое къ знаменитому профессору русскаго права Успенскому. Ректора онъ просилъ оказать мнѣ снисхожденіе въ наукахъ, въ коихъ я былъ чрезвычайно слабъ, ибо въ семинаріи ученіе ограничивалось болѣе знаніемъ латинскаго языка, русской словесности, философіи и богословія (Т. Θ. учился въ семинаріи). Прочія науки преподавались поверхностно. Ректоръ и Успенскій приняли меня очень милостиво. Второй дѣлалъ мнѣ многія полезныя наставленія. Онъ былъ могущественнымъ профессоромъ по причинѣ знанія русскихъ законовъ. Братъ мой Стратоникъ, бывшій въ то время учителемъ въ Новочеркасской гимназіи, тоже сначала пользовался его благосклонностью, но, гордясь своими познаніями, умомъ (это была его несчастная слабость), отклонился отъ Успенскаго и дѣлалъ надъ нимъ разныя насмѣшки. Узнавъ объ этомъ, Успенскій сдѣлался его врагомъ и когда мой братъ кончилъ курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ и былъ по желанію нѣкоторыхъ профессоровъ иностранцевъ оставляемъ при университетѣ, онъ воспротивился этому и настоялъ на томъ, чтобы отправить его въ страну дикую, мало населенную. Это погубило его. Онъ предостерегалъ меня своимъ письмомъ на счетъ Успенскаго, и я частью по этой причинѣ, частью по своему характеру старался угождать ему. Когда позвалъ меня совѣтъ профессоровъ для экзамена, страхъ овладѣлъ мною; замѣ-

тивъ это, секретарь правленія университета началъ ободрять меня,—и вдругъ мнѣ пало на мысль сказать профессорамъ небольшую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой я выразилъ необходимость моего ученія въ университетѣ. Профессора, сколько припомню, были удивлены этою выходкою; одинъ изъ нихъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился. За симъ ректоръ, развернувъ предо мною Цицеронову рѣчь de Catilina, приказалъ мнѣ перевести ее. Я перевелъ не болѣе пяти строкъ, и онъ, обратившись къ профессорамъ, тотчасъ поздравилъ меня студентомъ, тоже сдѣлали и прочіе профессора. Я былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи. Я поступилъ въ число пансіонеровъ между казеннопоштными студентами. Плата за годъ состояла изъ 300 рублей; сначала я долженъ былъ заплатить 180 руб., остальные деньги я издержалъ на студенческое платье; такъ я остался совершенно безъ денегъ.

Отсюда начинаются мои лишенія. Содержаніе студента состояло тогда изъ одного обѣда и ужина, завтрака не было. Къ сожалѣнію, во разстроеннымъ финансамъ студентовъ, въ то время обѣдъ и ужинъ состоялъ большею частью изъ двухъ блюдъ—борщу и жареной говядины. Многіе товарищи мои брали поутру въ долгъ французскій хлѣбъ. Я, не надѣясь уплатить его впослѣдствіи, не могъ на это рѣшиться. Это, кажется, положило основаніе совершенному разстройству моего желудка и преждевременному появленію наследственной ипохондрии. Присланные въ первомъ году сто рублей денегъ отъ брата Павла поступили въ студенческую кассу. Къ счастью, одинъ студентъ, которому я помогалъ въ латинскомъ языкѣ, узнавъ мое бѣдственное положеніе, далъ мнѣ сто рублей и я отдалъ кассиру 180 руб. Сто рублей еще были присланы мнѣ братомъ Стратоникомъ. Отчего же мнѣ не помогали брать Павелъ? Вотъ чего я не могу понять, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ достаточныя средства. Если бы онъ не общалъ содержать меня, можетъ быть, сами родители болѣе помогали мнѣ.

Между тѣмъ я занимался весьма прилежно. Въ два года я успѣлъ пройти всѣ науки по двумъ отдѣленіямъ—политическому и словесному. На третій годъ я слушалъ римское право и физику. Читалъ я книги болѣе философскія и политическія. На третій годъ я поступилъ въ домъ одного помѣщика смотрѣть за его сыномъ, учившимся въ уѣздномъ училищѣ, получалъ все содержаніе и 300 руб. Такъ кончилъ я курсъ университетскаго ученія. Въ это время запрещено было производить студентовъ въ ученые степени; но слухъ провѣлся, что новое положеніе должно скоро выйти. Посему я рѣшился остаться при университетѣ еще на одинъ годъ и, дѣйствительно, къ концу года вышло это положеніе (положеніе 1819 года). Въ ономъ между прочимъ было сказано, чтобы

студенты, кончившіе съ отличнымъ успѣхомъ курсъ наукъ, прямо производились въ кандидаты за отличіе. Въ совѣтѣ между профессорами произошло недоразумѣніе, должно ли студентовъ, кончившихъ курсъ еще въ прошломъ году съ отличнымъ успѣхомъ, сдѣлать кандидатами безъ экзамена?

Большая часть держалась мнѣнія утвердительнаго, и я со многими товарищами произведены были въ кандидаты за отличіе. Но противъ этого мнѣнія былъ ректоръ Осиповскій, а онъ былъ въ несогласіи съ бывшимъ тогда попечителемъ университета, тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ; по разнымъ интригамъ попечитель донесъ министру проsvщенія, что нѣкоторые студенты произведены были въ кандидаты безъ экзамена несправедливо. Страшнымъ казался намъ этотъ доносъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ произведенныхъ въ кандидаты были такіе, которые кончили курсъ ученія уже четыре года тому назадъ; не болѣе ли мы имѣли на то право?

Какъ бы то ни было, только это дѣло тянулось два года, по прошествіи которыхъ велѣно было лишить насъ кандидатской степени и подвергнуть экзамену, и притомъ безъ зачета этого времени для полученія степени магистра, для чего по положенію требовалось два года отъ полученія степени кандидата. Мы ли были причиной этой ошибки, если она дѣйствительно и была? За что, слѣдовательно, мы должны были терпѣть вдвойнѣ, т. е. лишиться степени кандидата за отличіе и потерять два года? Частію это замедленіе дѣла, частію продолжавшаяся слабость моего здоровья были причиною того, что я не поступилъ еще на службу“.

Затѣмъ Т. О. рассказываетъ о своей жизни послѣ окончанія университета.

„Одинъ изъ знакомыхъ помѣщиковъ, товарищъ моего брата по университетскому ученію, Рейнике, взялъ меня къ себѣ въ деревню, находящуюся въ 7-ми верстахъ отъ Харькова. Я у него прожилъ осень, зиму и большую часть лѣта, кажется, до августа мѣсяца. Въ продолженіе этого времени иппохондрическія мученія немного уменьшились—думаю, это произошло отъ безпрерывныхъ моихъ прогулокъ въ полѣ. Возвратившись въ Харьковъ въ концѣ лѣта, я нанялъ себѣ квартиру и содержался оставшимися отъ прежнихъ годовъ, проведенныхъ при дѣтихъ помѣщика, небольшими деньгами. Наконецъ, я опредѣлился учителемъ въ частный мужской пансіонъ де-Роберти, по части

историческихъ наукъ. Небольшою получаемою суммою я поддерживалъ свое существованіе. Между тѣмъ, вышедшее рѣшеніе относительно кандидатства заставило меня держать экзаменъ и, выдержавъ его, я уже рѣшился продолжать науки для полученія степени магистра. Я страшился вступить въ гражданскую службу съ разстроеннымъ своимъ здоровьемъ. Вскорѣ я сталъ учить въ другихъ частныхъ пансіонахъ,—успѣхи моего учительскаго званія были отличны, вездѣ были мною чрезвычайно довольны,—и я посредствомъ моего пріятеля, содержателя мужскаго пансіона Павла Рейпольскаго, поступилъ учителемъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Начальница Литинская, женщина необыкновеннаго ума, особенно меня ласкала, какъ отличнаго учителя“.

Будучи педагогомъ Т. Ѳ. въ тоже время готовился къ профессурѣ.

„Еще до поступленія къ институту, за годъ, я сдалъ экзаменъ въ магистры, и тутъ преслѣдовала меня судьба. По положенію, въ ученой степени позволялось быть магистромъ по разнымъ отдѣленіямъ одного и того же факультета—я избралъ отдѣленіе политической исторіи и статистики. При подачѣ моей просьбы въ совѣтъ университета произошла распря между профессорами. Одни изъ нихъ и особенно профессоръ естественнаго права Рейтъ утверждали, что политическая исторія есть особенная наука отъ всеобщей исторіи, а другіе напротивъ почитали ту и другую за одну науку; большинство голосовъ рѣшили въ пользу второго мнѣнія и совѣтъ поручилъ экзаменовать меня адъюнкту Филомафитскому, преподававшему всеобщую исторію, съ которымъ профессоръ Рейтъ имѣлъ вражду. По выдержаніи мною словесна о экзамена, я написалъ разсужденіе „О политическомъ равновѣсіи“; оно написано было мною въ 2 мѣсяца. Это разсужденіе было прочитано профессорами и одобрено. Странное дѣло, что я изложилъ разсужденіе довольно хорошо, но сдѣлалъ много ошибокъ противъ правописанія и слога. Дѣйствительно я никогда не обращалъ на это вниманія, читалъ всегда почти одиѣ латинскія и французскія книги. Недостатокъ этотъ замѣченъ былъ Филомафитскимъ и я чрезвычайно благодаренъ былъ ему за снисходительность и совѣты. Съ того времени въ продолженіе полугода я читалъ болѣе русскія книги и замѣчалъ какъ правописаніе, такъ и слогъ и мало-по-малу успѣлъ себя усовершенствовать. Когда поданы были мною въ факультетъ тезисы, взятые изъ моего сочиненія на латинскомъ языкѣ, то Рейтъ, не могшій читать самого сочиненія по незнанію русскаго языка, услышавъ отъ кого-то, будто въ немъ находится много мыслей противъ цензуры, не соглашался на одобреніе сочиненія и даже увлекъ за собою другихъ про-

фессоровъ. Я былъ въ ужасномъ страхѣ, прибѣгъ къ бывшему тогда ректору Джунговскому и онъ, прочитавъ мое сочиненіе, уже увѣрилъ профессоръ въ томъ, что въ немъ ничего не находится ни противъ религіи, ни противъ правительства. Когда я объятъ былъ страхомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ посовѣтовалъ при письмѣ послать ректору 100 руб. Я былъ далекъ отъ такихъ средствъ искательства, но рѣшился на это, — и едва было не подвергся бѣдѣ. Ректоръ призвалъ меня къ себѣ и угрожалъ уничтожить весь мой экзаменъ, — я оправдывался сколько могъ, даже до слезъ, и онъ былъ тронутъ этимъ и послѣ того поддерживалъ меня постоянно. Все это производило длилось около года. Когда протоколъ моего словеснаго экзамена и разсужденія былъ отправленъ въ министерство, — вышло оттуда къ удивленію всѣхъ совершенно противное. Разсужденіе мое было одобрено, но словесный экзаменъ былъ уничтоженъ, частью потому, что меня экзаменовалъ не профессоръ, а адъюнктъ, частью потому, что меня экзаменовали только изъ политическое исторіи и статистики, не экзаменовавъ изъ прочихъ наукъ политическаго отдѣленія. Я узналъ, что причиной этому былъ секретный доносъ Рейта. Онъ досадовалъ на Филомафитскаго и на рѣшеніе совѣта. Впрочемъ онъ былъ ко мнѣ лично благосклоненъ, но въ этомъ случаѣ былъ увлеченъ мщеніемъ. Рѣшеніе министерства удивило всѣхъ, потому что прежде меня было много другихъ, экзаменованныхъ на степень магистра адъюнктами и притомъ изъ однихъ наукъ отдѣленія, а между тѣмъ они были утверждены отъ министерства магистрами. Но такова моя судьба. Какъ я долженъ былъ снова подвергнуться словесному экзамену изъ всѣхъ наукъ политическаго факультета, а изъ политической исторіи экзаменовалъ меня уже Рейтъ. Этотъ экзаменъ былъ тяжелъ для меня, но профессора имѣли ко мнѣ снисхожденіе, и онъ былъ мною выдержанъ. Ровно черезъ годъ министерство утвердило меня въ степени магистра. Слѣдовательно, два года прошло отъ начала экзамена до утвержденія меня въ степени магистра; я былъ весь измученъ.

Въ это время исполнился годъ моей службы въ институтѣ благо-одныхъ дѣвицъ, я хотѣлъ было оставить эту службу и отправиться въ Москву къ брату Павлу для поступленія на гражданскую должность. Но странная моя участь! Начальница, не желая потерять меня для института, убѣдила Рейпольскаго, бывшего инспекторомъ классовъ, держать меня обѣщаніемъ черезъ два года представить меня къ чину коллежскаго ассесора. Она тогда пользовалась милостями Императрицы Маріи Феодоровны и была сильна. Предполагая на службѣ выиграть за два года для полученія означеннаго чина, я, по неопытности своей,

согласился на означенное обѣщаніе. Рейнольскій для убѣжденія меня сказалъ такъ: что если не представить меня черезъ два года къ чину, онъ самъ оставитъ службу въ институтѣ. Но прошло два года и что же вышло? Начальница снова желала мени удержать учителемъ и, узнавъ мое рѣшительное желаніе ѣхать въ Москву, склонила совѣтъ института представить мени вмѣсто чина къ ордену Св. Анны 3-й степени. Такъ я былъ обманутъ! Оскорбленный этимъ обманомъ, я объявилъ Рейнольскому, что болѣе не хочу оставаться при институтѣ. Онъ убѣждалъ меня по крайней мѣрѣ дождаться полученія ордена, — я видѣлъ и въ этомъ хитрости, впрочемъ не Рейнольскаго, бывшаго ко мнѣ расположеннымъ, но начальницы, а можетъ быть и его самого. Представленіе меня къ ордену было задержано въ Петербургѣ предсѣдателемъ совѣта института Квиткою, и тогда, когда мои товарищи получили ордена, я не получилъ ничего. Начальница изъявила мнѣ лично свое сожалѣніе и говорила мнѣ, что это сдѣлано было какъ-нибудь по упущенію, но что она немедленно будетъ писать въ Петербургъ и такимъ образомъ безпрерывными обѣщаніями успѣла удержать меня еще два года, по прошествіи которыхъ я уже получилъ орденъ. Въ тоже время меня представили и къ чину, по причинѣ выслуги назначенныхъ закономъ лѣтъ.

Между тѣмъ въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ, мало-по-малу произошла перемѣна и во мнѣ самомъ. Наступаютъ рассказы о времени самаго важнаго, сколько пріятнаго, столько печальнаго по воспоминаніямъ. Я писалъ прежде, что я по природѣ склоненъ былъ къ занятіямъ философскимъ и политическимъ. Когда я былъ студентомъ, я изучалъ сочиненія Шада, бывшаго профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, и Канта; изъ историческихъ твореній я любилъ читать: „Tableaux de Revolutions de l'Europe“ Ansilion, изъ политическихъ книгъ „L'Esprit de lois“ Montesquieu. Передъ экзаменомъ же на степень магистра, я началъ заниматься изученіемъ политической экономіи. Первая попавшаяся мнѣ въ руки книга была „Traité d'Economie politique“ Сая. Я прочелъ ее нѣсколько разъ со вниманіемъ и терпѣніемъ. Затѣмъ я успѣлъ выписать изъ Москвы творенія другихъ писателей, какъ-то: Мальтуса, Рикардо, Сисмонди, Шторха. Я изучалъ ихъ съ величайшимъ любопытствомъ. Сначала эта наука показалась мнѣ тяжелою и даже нѣсколько скучною. Это происходило частью отъ ея неопредѣленности, неточности, частью отъ сухого изложенія ея предметовъ. Книги, относящіяся къ политикѣ и дипломатіи, мнѣ болѣе нравились, можетъ быть, по предметамъ болѣе возвышеннымъ, но я рѣшилъ преодолѣть это первое, не слишкомъ выгодное на меня впечатлѣніе. Мальтусъ, особенно Рикардо показались мнѣ болѣе трудными пи-

сателями; нѣкоторыя мѣста у Рикардо такъ были темны, что я иногда терилъ терпѣнье, бросалъ книгу объ стѣну и послѣ нѣкотораго времени опять принимался за нее. Развитие мнѣній писателей объ одномъ и томъ же предметѣ тяготили меня,—я нерѣдко раскрывалъ передъ собою всѣхъ авторовъ и, дѣлая выписки изъ ихъ мнѣній, соображалъ потомъ, какому изъ нихъ отдать преимущество. Критика сдѣлалась душою моего изученія въ политической экономіи. Я составилъ небольшое свое сочиненіе, которое однако впослѣдствіи было мною передѣлано. Надр замѣтить, что я читалъ въ пансіонахъ и институтѣ столько лекцій, сколько необходимо было для моего содержанія и дорожилъ, временемъ для своихъ домашнихъ занятій, такъ что лекціи служили мнѣ частью отдохновеніемъ. На сей конецъ я раздѣлилъ ихъ такъ, чтобы читать два часа поутру и два часа послѣ обѣда, а нѣкоторые дни я имѣлъ вовсе свободными. Жизнь моя проходила уединенно, я почти нигдѣ не бывалъ, и никто не зналъ моихъ занятій кромѣ Рейпольскаго, у котораго я нерѣдко проводилъ время,—онъ былъ очень расположенъ ко мнѣ и уважителенъ. Квартира моя состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, самыхъ бѣдныхъ и холодныхъ, я не понималъ удобствъ да и не имѣлъ довольно средствъ удовлетворить ихъ—у меня никогда не было въ запасѣ денегъ. Нерасчетливость была отчасти причиною того, что около двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, мною получаемыхъ ежегодно, выходили изъ моихъ рукъ скоро и незамѣтно.

Во время моихъ постоянныхъ занятій въ изученіи политической экономіи, я нерѣдко уклонился къ занятію философіей, къ этому влекла меня природная наклонность. Я оставался всегда съ той мыслью, что, не составивъ своего понятія о Божествѣ и первыхъ началахъ бытія, не можно достигнуть точнаго понятія и о предметахъ политическихъ. По прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ этого моего ученаго состоянія, я, прочитавъ сочиненіе Окена, рѣшительно предался философіи. Тогда наступило для меня самое тяжелое время. Я вполне углубился въ самого себя, уединился отъ свѣта, сдѣлавшись мученикомъ своего восторженнаго мышленія. Глубокая созерцательность сдѣлала меня энтузіастомъ, на меня находили часы, въ которые я весь предавался мыслительности, ничто не могло выводить меня изъ этого положенія, я забывался до такой степени, что духъ мой, казалось, отдѣлялся отъ тѣла. Въ это время я обыкновенно прохаживался или по комнатѣ, или въ маленькомъ садикѣ, находившемся близъ моихъ комнатъ,—я приказывалъ на-строга отказывать всѣмъ ко мнѣ приходившимъ, нерѣдко и самому Рейпольскому; иногда удалялся я изъ дома въ ботаническій университетскій садъ. Странное дѣло! я въ этомъ состояніи почти всегда бралъ

въ руки гитару и бренчалъ на ней почти безъ всякаго сознанія игры, и даже и не умѣлъ играть на ней. Это было тогда, когда я размышлялъ въ комнатѣ. Въ такомъ созерцательномъ самозабвеніи я проводилъ часы, иногда болѣе. Я чувствовалъ тогда неизъяснимое удовольствіе, но когда оканчивалось время моего самомышленія, я впадалъ въ самое жалкое и, могу сказать, страшное состояніе. Я чувствовалъ необыкновенную слабость, тѣло какъ будто рептало на мой духъ, я едва приходилъ въ силы черезъ часъ и два часа. Если я предавался такому размышленію передъ самымъ обѣдомъ, то я терялъ весь аппетитъ. Состояніе это нисколько не зависѣло отъ моей воли,—я былъ невольникомъ его. Когда въ продолженіи года образовались у меня философскія понятія, я началъ излагать ихъ на бумагѣ подъ названіемъ: „О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ“. Сочинялъ я тоже въ неопредѣленное время, къ удивленію, иногда тотчасъ послѣ обѣда; писалъ я чрезвычайно скоро и до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ боли въ правомъ боку, тогда, хотя бы мысль еще и продолжалась, я былъ вынужденъ бросать перо. Эта тупая, тягучая боль у меня обыкновенно обнаруживалась всегда послѣ долгаго писанія, послѣ долгой ходьбы, или отъ мучной пищи, иногда послѣ чая. Въ такомъ мучительномъ страдальческомъ состояніи провелъ я два года, когда кончилъ свой небольшой философскій трудъ—это было, помнится, въ 1826 г. на 30 году моей жизни. Трудъ этотъ у меня и теперь хранится. Какъ бы то ни было, только изъ этихъ философскихъ моихъ мыслей вытекли всѣ основанія для дальнѣйшихъ моихъ занятій по части политической экономіи, политики и дипломатіи. Если мой философскій взглядъ на міръ жалокъ, бѣденъ, невѣренъ—что дѣлать? я былъ жертвою моей природной наклонности. Я сказалъ, что я постоянно страдалъ болью въ правомъ боку; однажды послѣ лихорадочнаго состоянія, я немного ослабѣлъ и, не оправившись какъ надо, посидѣвши на должности въ институтѣ; холодный вѣтеръ обхватилъ меня и я почувствовалъ ревматизмъ въ правой рукѣ. Я не могъ даже читать лекціи два часа; къ счастью моему, въ это время въ институтѣ произошла перемѣна, вмѣсто двухъ часовъ лекціи продолжались по 1½ часа. Я распространилъ это удобство для себя и на пансіоны, но все-таки мнѣ было тяжело, я прибѣгъ къ новому незабвенному для меня медику Юнкерту—онъ мнѣ давалъ разныя укрѣпляющія желудокъ травы и назначилъ строгую діету—мнѣ это очень помогло. Задержанный институтомъ, далеко зашедшій въ ученые занятія, я уже свыкался съ мыслью вступить въ ученую университетскую службу, какъ ни пріятна мнѣ была мысль о службѣ гражданской. Еще передъ экзаменомъ на степень магистра ректоръ Джунковскій предлагалъ мнѣ ка-

оудру русскаго права, но я отказался отъ нея частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью по намѣренію моему вступить въ гражданскую службу. Познакомившись довольно съ политической экономіей, я желалъ занять каѳедру этой науки, тогда праздную. Она была временно занимаема сначала профессоромъ Рейтомъ, а по смерти его — профессоромъ Пауловичемъ, преподававшимъ римское право. Начальница института, желая вознаградить свою несправедливость со мною, старалась также пристроить меня при университетѣ и просила тогда бывшаго ректора Кронеберга объ этомъ; я хотѣлъ было преподавать до удобнаго времени политическую исторію для студентовъ политическаго отдѣленія, но мнѣ было отказано. Когда же впослѣдствіи узналъ Пауловичъ о желаніи моемъ преподавать политическую экономію, то сильно возмущился противъ этого. Онъ самъ желалъ продлить преподаваніе той науки, хотя она была имъ читана очень слабо, и желалъ этого такъ для большаго вліянія на факультетъ, такъ и для полученія приличныхъ 1000 руб. Этотъ профессоръ былъ постоянно ко мнѣ нерасположенъ; я никакъ не въ состояніи забыть одного у меня происшедшаго съ нимъ случая. По выдержаніи мною экзамена въ магистры, я пришелъ къ нему по одному дѣлу. Солдатъ, стоявшій у него въ передней, сказалъ мнѣ, что онъ не занятъ и что я могу войти къ нему безъ доклада. Едва онъ увидѣлъ меня, то, не вставая съ мѣста и не кланяясь мнѣ, вдругъ позвонилъ въ колокольчикъ, — солдатъ вошелъ къ нему, а онъ закричалъ на него: «если ты осмѣлишься пускать ко мнѣ безъ доклада, то я забью тебя палками». Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ его, я принужденъ былъ удалиться. Онъ пользовался всегда особеннымъ къ себѣ расположеніемъ попечителей Егора Карнѣева, а потомъ Перовскаго. Послѣдній, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, кажется, въ 1828 году ¹⁾, оказалъ большую довѣренность двумъ профессорамъ: Слабовскому и Байкову, бывшимъ нѣкогда моими товарищами. Первый былъ правителемъ канцеляріи, а второй, кромѣ должности профессора — инспекторомъ студентовъ. Я просилъ ихъ принять участіе въ моемъ домогательствѣ. Они повидимому были ко мнѣ ласковы, обѣщали посоветовать мнѣ, но для лучшаго успѣха посоветовали мнѣ написать разсужденіе о политической экономіи и подать попечителю при прошеніи. Это сдѣлалъ — Перовскій принялъ отъ меня то и другое въ присутствіи многихъ профессоровъ и другихъ посѣтителей, но, вышедъ изъ передней, бросилъ мое сочиненіе на полъ. Я былъ пораженъ

¹⁾ А. А. Перовскій пріѣхалъ въ Харьковъ, какъ мы знаемъ, въ 1825 году.

въ руки гитару и бренчалъ на ней почти безъ всякаго сознанія игры, я даже и не умѣлъ играть на ней. Это было тогда, когда я размышлялъ въ комнатѣ. Въ такомъ созерцательномъ самозабвеніи я проводилъ часы, иногда болѣе. Я чувствовалъ тогда неизъяснимое удовольствіе, но когда оканчивалось время моего самобышенія, я впадалъ въ самое жалкое и, могу сказать, страшное состояніе. Я чувствовалъ необыкновенную слабость, тѣло какъ будто роптало на мой духъ, я едва приходилъ въ силы черезъ часъ и два часа. Если я предавался такому размышленію передъ самымъ обѣдомъ, то я терялъ весь аппетитъ. Состояніе это нимало не зависѣло отъ моей воли,—я былъ невольникомъ его. Когда въ продолженіи года образовались у меня философскія понятія, я началъ излагать ихъ на бумагѣхъ подъ названіемъ: „О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ“. Сочинялъ я тоже въ неопредѣленное время, къ удивленію, иногда тотчасъ послѣ обѣда; писалъ и чрезвычайно скоро и до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ боли въ правомъ боку, тогда, хотя бы мысль еще и продолжалась, я былъ вынужденъ бросать перо. Эта тупая, тягучая боль у меня обыкновенно обнаруживалась всегда послѣ долгаго писанія, послѣ долгой ходьбы, или отъ мучной пищи, иногда послѣ чая. Въ такомъ мучительномъ страдальческомъ состояніи провелъ я два года, когда кончилъ свой небольшой философскій трудъ—это было, помнится, въ 1826 г. на 30 году моей жизни. Трудъ этотъ у меня и теперь хранится. Какъ бы то ни было, только изъ этихъ философскихъ моихъ мыслей вытекли всѣ основанія для дальнѣйшихъ моихъ занятій по части политической экономіи, политики и дипломатіи. Если мой философскій взглядъ на міръ жалокъ, бѣденъ, невѣренъ—что дѣлать? я былъ жертвою моей природной наклонности. Я сказалъ, что я постоянно страдалъ болѣю въ правомъ боку; однажды послѣ лихорадочнаго состоянія, я немного ослабѣлъ и, не оправившись какъ надо, поспѣшилъ на должность въ институтъ; холодный вѣтеръ обхватилъ меня и я почувствовалъ ревматизмъ въ правой рукѣ. Я не могъ даже читать лекціи два часа; къ счастью моему, въ это время въ институтѣ произошла перемѣна, вмѣсто двухъ часовъ лекціи продолжались по 1½ часа. Я распространилъ это удобство для себя и на пансіоны, но все-таки мнѣ было тяжело, я прибѣгъ къ новому незабвенному для меня медику Юнкерту—онъ мнѣ давалъ разныя укрѣпляющія желудокъ травы и назначилъ строгую діету—мнѣ это очень помогло. Задержанный институтомъ, далеко зашедшій въ ученныя занятія, я уже свыкался съ мыслью вступить въ ученую университетскую службу, какъ ни пріятна мнѣ была мысль о службѣ гражданской. Еще передъ экзаменомъ на степень магистра ректоръ Джунковскій предлагалъ мнѣ ка-

кафедре русского права, но я отказался отъ нея частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью по намѣренію моему вступить въ гражданскую службу. Познакомившись довольно съ политической экономіей, я желалъ занять кафедру этой науки, тогда праздную. Она была временно занимаема сначала профессоромъ Рейтомъ, а по смерти его — профессоромъ Пауловичемъ, преподававшимъ римское право. Начальница института, желая вознаградить свою несправедливость со мною, старалась также пристроить меня при университетѣ и просила тогда бывшаго ректора Кронеберга объ этомъ; я хотѣлъ было преподавать до удобнаго времени политическую исторію для студентовъ политическаго отдѣленія, но мнѣ было отказано. Когда же впослѣдствіи узналъ Пауловичъ о желаніи моемъ преподавать политическую экономію, то сильно возмущенъ былъ противъ этого. Онъ самъ желалъ продлить преподаваніе той науки, хотя она была имъ читана очень слабо, и желалъ этого какъ для большаго вліянія на факультетъ, такъ и для полученія привочныхъ 1000 руб. Этотъ профессоръ былъ постоянно ко мнѣ нерасположенъ; я никакъ не въ состояніи забыть одного у меня происшедшаго съ нимъ случая. По выдержаніи мною экзамена въ магистры, я пришелъ къ нему по одному дѣлу. Солдатъ, стоявшій у него въ передней, сказалъ мнѣ, что онъ не занятъ и что я могу войти къ нему безъ доклада. Едва онъ увидѣлъ меня, то, не вставая съ мѣста и не кланяясь мнѣ, вдругъ позвонилъ въ колокольчикъ, — солдатъ вошелъ къ нему, а онъ закричалъ на него: „если ты осмѣлишься пускать ко мнѣ безъ доклада, то я забью тебя палками“. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ его, я принужденъ былъ удалиться. Онъ пользовался всегда особеннымъ къ себѣ расположеніемъ попечителей Егора Карнѣева, а потомъ Перовскаго. Послѣдній, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, кажется, въ 1828 году ¹⁾, оказалъ большую довѣренность двумъ профессорамъ: Блабовскому и Байкою, бывшимъ нѣкогда моими товарищами. Первый сдѣлался правителемъ канцеляріи, а второй, кромѣ должности профессора — инспекторомъ студентовъ. Я просилъ ихъ принять участіе въ моемъ домогательствѣ. Они повидимому были ко мнѣ ласковы, обѣщали посовѣтовать мнѣ, но для лучшаго успѣха посовѣтовали мнѣ написать разсужденіе о политической экономіи и подать попечителю при прошеніи. Это сдѣлалъ — Перовскій принялъ отъ меня то и другое въ присутствіи многихъ профессоровъ и другихъ посѣтителей, но, вышедъ изъ кабинета въ переднюю, бросилъ мое сочиненіе на полъ. Я былъ пораженъ

¹⁾ А. А. Перовскій пріѣхалъ въ Харьковъ, какъ мы знаемъ, въ 1825 году.

этимъ какъ громомъ. Хотя потомъ Байковъ и сказалъ мнѣ, будто попечитель приказалъ отослать мое сочиненіе въ Петербургъ къ одному чиновнику для разсмотрѣнія, но никогда болѣе мнѣ не было говорено о немъ. Напротивъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ предложено было ѣхать съ нѣкоторыми студентами, кончившими курсъ, за границу для усовершенствованія. Первый предложилъ мнѣ объ этомъ Байковъ, потомъ ректоръ Кронебергъ; послѣднему я отвѣчалъ такъ: что я уже въ лѣтахъ, давно кончилъ ученіе, нахожусь въ степени магистра и что предметъ мой, политическая экономія, требуетъ одного кабинетнаго размысленія. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что вы далеко не уйдете со своими размысленіями, засимъ отворотился отъ меня и ушелъ. Такъ я потерялъ всю надежду остаться при университетѣ.

Что мнѣ оставалось тогда дѣлать? Правда, я пользовался, какъ учитель, отличной репутаціей, особенно съ того времени, какъ я первый ввелъ въ Харьковскихъ учебныхъ заведеніяхъ методу учить сравнительно исторіи и географіи и чертить карты на доскѣ и бумагѣ, но это не удовлетворяло моимъ способностямъ и познаніямъ. Притомъ и въ институтѣ произошла неблагопріятная для меня перемена. вмѣсто Рейпольскаго по разнымъ обстоятельствамъ сдѣланъ инспекторомъ классовъ профессоръ Артемовскій-Гулакъ. Онъ имѣлъ личную вражду съ Рейпольскимъ, не любилъ вмѣстѣ и меня. Онъ пользовался всякимъ случаемъ ронять меня, даже публично. Замѣчая это, начальница, несмотря на то, что была въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ нему, постоянно поддерживала и ласкала меня. Но все-таки положеніе мое было тягостно. Я полагаю, что Артемовскій ослабилъ въ начальницѣ хорошее мнѣніе о моихъ познаніяхъ въ политической экономіи, отчего она нѣсколько боялась сильно хлопотать въ пользу мою по университету. Пауловичъ же въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ на попечителя. Впрочемъ я оставался и навсегда останусь признательнымъ къ начальницѣ, забывая даже оказанныя ею мнѣ несправедливости. Ея отзывы, однако, могу сказать, нѣсколько ободряли меня. Въ пансіонахъ равно я былъ чрезвычайно любимъ и уважаемъ, какъ содержателями, такъ учениками и ученицами. На публичныхъ экзаменахъ меня превозносили всевозможными похвалами. Ахъ, какъ это было для меня утѣшительно! Лишенный удобствъ жизни, гонимый неудачами, почти всегда больной, загроможденный кабинетными трудами, я находилъ отраду въ чужомъ мнѣніи о своемъ учительскомъ преподаваніи. Однако, мало-по-малу я начиналъ терять бодрость духа, предчувствія мои, что все это пройдетъ сдѣлались нѣсколько шатки — и почиталъ ихъ уже за обманъ вообра-

женія, я становился уныль; что бы произошло со мною, если бы въ это время Провидѣніе не послало мнѣ благодѣтеля? Кто же это былъ благодѣтель? Это былъ учитель французскаго языка Гибаль. Видясь въ пансіонахъ, я съ нимъ нечувствительно познакомился, а болѣе сблизился черезъ своего искренняго пріятеля, равно учителя, Соколова, того самаго, который снабдилъ меня 100 руб. когда я былъ еще студентомъ. Черезъ этого француза я выписывалъ многія книги по части политической экономіи изъ Франціи; онъ зналъ мои труды и познанія. Оставляя Харьковъ въ 1829 году, онъ далъ мнѣ святое слово употребить всѣ свои силы въ Петербургѣ, чтобы сдѣлать мнѣ какое-либо добро. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ отъ него самое дружеское письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что видѣлся съ барономъ Егоромъ Казимировичемъ Мейендорфомъ, управлявшимъ комиссіею погашенія долговъ, бывшимъ его товарищемъ по ученію въ городѣ Мецѣ. Онъ возобновилъ съ нимъ дружеское знакомство, и его то онъ упросилъ обратить на меня свое вниманіе. Баронъ пожелалъ прочесть какой-либо отрывокъ изъ моего сочиненія. Онъ зналъ очень хорошо политическую экономію. Я немедленно отправилъ ему исторію этой науки. Вскрѣ я получилъ письмо отъ Гибали—онъ увѣдомлялъ меня, что отрывокъ мой очень понравился барону и что онъ на первый разъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ комиссіи помощника столоначальника съ жалованіемъ 1200 руб. ассигн. Получивъ это письмо, я не зналъ, на что рѣшиться; я боялся вступить въ гражданскую службу по слабости здоровья; боялся оставить свои ученыя занятія; съ другой стороны положеніе мое наводило на меня страхъ. Рейпольскій склонялъ меня къ отъѣзду. Я писалъ къ Гибалю о своемъ согласіи на предложеніе барона и отправилъ къ барону просительное письмо объ опредѣленіи на должность въ комиссію. Вскорѣ получена была въ институтѣ бумага объ увольненіи меня отъ должности учителя. Получивъ эту бумагу, начальница раздосадовала на меня до высочайшей степени, но не могла удержать меня навсегда, писала въ Петербургъ объ удержаніи меня по крайней мѣрѣ до окончанія публичнаго экзамена, иначе долженъ будто бы произойти безпорядокъ по предметамъ, мною преподаваемымъ. Это было въ январѣ 1830 года—обыкновенно выпускъ дѣвицъ, окончившихъ ученіе, былъ черезъ два года и въ это время оканчивался этотъ срокъ. Статсъ-секретарь Виллимовъ отнесся бумагою въ совѣтъ института объ удержаніи меня. Я не смѣлъ роптать на несправедливость и долженъ былъ покориться высшей волѣ. Баронъ отозвался на бумагу совѣта согласіемъ своимъ выждать опредѣленный срокъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ увольненіе отъ института. Началь-

ница, несмотря на свое неудовольствіе, оказала мнѣ при отпускѣ свои ласки и признательность. Отправляясь въ Петербургъ, я имѣлъ съ собою только 300 руб. ассигн. Я ѣхалъ на долгихъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Имѣя небольшое количество денегъ, я старался сберечь изъ нихъ, сколько можно. Посему я отказывалъ себѣ во всемъ. Приѣхавъ въ Москву, я явился къ брату Павлу, бывшему тогда правителемъ канцеляріи у генераль-губернатора Голицына и имѣвшему очень достаточное состояніе. Къ удивленію я былъ имъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ; онъ обвинялъ меня за рѣшимость служить въ Петербургѣ и не сдѣлалъ никакого мнѣ пособія—далъ мнѣ только два письма къ своимъ знакомымъ—я и за это былъ ему благодаренъ. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ мнѣ нѣсколько полезенъ своими связями“.

Въ Петербургѣ Т. О., при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ, не оставлялъ и ученыхъ работъ.

„Баронъ, говоритъ онъ, принялъ меня ласково, но серьезно; съ Гибалемъ же я встрѣтился, какъ съ добрѣйшимъ пріятелемъ. Я нанялъ квартиру на самомъ концѣ города въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ мѣста своей службы. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ я перешелъ на квартиру къ Гибалю и жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ—это было почти въ центрѣ города.

Величайшимъ несчастіемъ моимъ было то, что я въ комиссіи при самомъ вступленіи на должностъ встрѣтилъ новаго врага въ правителѣ канцеляріи Фоминѣ. Онъ за годъ передъ моимъ приѣздомъ получилъ медаль за рѣшеніе одной задачи по части политической экономіи. Зависть ко мнѣ, а болѣе, какъ мнѣ говорили сотоварищи, боязнь, чтобы я не заступилъ его мѣста, противопоставили его мнѣ. Онъ вскорѣ началъ нападать на меня, дѣлалъ мнѣ непрерывныя замѣчанія на счетъ незнанія формъ бумажныхъ и законовъ, чернилъ меня передъ барономъ, выставляя меня вовсе неспособнымъ къ гражданской службѣ и довелъ меня до того, что я охладѣлъ къ моей должности и искалъ уже какой-либо перемѣны. Къ счастью моему въ это время назначенъ былъ вмѣсто Перовскаго новымъ Харьковскимъ попечителемъ Филатьевъ—онъ тогда жилъ еще въ Петербургѣ. Откупщикъ Козьма Никитичъ Кузавъ, проживавшій тогда тоже въ столицѣ, познакомилъ меня съ Филатьевымъ. Послѣдній, узнавъ всѣ мои обстоятельства, тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ съ тѣмъ только, чтобы я, оставшись на нѣкоторое время въ Петербургѣ, постарался напечатать сколько-нибудь статей по предметамъ политической экономіи. Я нѣсколько ободрился. Когда рассказалъ я объ этомъ

барону, обходившемуся впрочем со мною очень милостиво, то онъ посоветовалъ мнѣ принять предложеніе попечителя. Я рѣшился. Съ того времени Фоминъ сдѣлался ко мнѣ нѣсколько сговорчивѣе, но за то старался удалять меня отъ всѣхъ занятій. Скоро произошло со мною новое несчастье. Я жилъ вмѣстѣ съ Гибалемъ около мѣсяца. Онъ познакомилъ меня съ литераторомъ Гречемъ, черезъ другого товарища я познакомился съ незабвеннымъ для меня Сомовымъ, издателемъ „Литературной Газеты“. Я отдалъ Сомову для напечатанія въ газетѣ написанную мною критическую статью на статью Полевого, издававшего журналъ подъ названіемъ „Телеграфъ“. Въ критику своей я опровергалъ мнѣніе его, будто всѣ событія и самыя революціи суть назначенія Провидѣнія. Критика моя была написана сильно и рѣзко. Сомовъ назвалъ ее превосходною и читалъ ее предварительно многимъ ученымъ людямъ; потомъ отдалъ ее цензору Щеглову; но неизвѣстно почему Щегловъ не возвратилъ ее Сомову. На мой вопросъ Сомовъ сначала обещалъ меня подождать, потомъ отвѣчалъ мнѣ двусмысленно, увѣряя однако меня, что мнѣ нечего бояться. Какъ бы то ни было, только послѣдствіемъ были напечатаны многія мои статьи, а означенная критика навсегда была затеряна. Черезъ годъ Щегловъ умеръ. Я узнавалъ въ цензурномъ комитетѣ, не была ли статья моя передана въ оный, но и тамъ ея не нашлось. Двусмысленные отвѣты Сомова усугубляли мои опасенія, такъ что я сдѣлался боленъ и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здоровье мое было нѣсколько потревожено неблагоприятными обстоятельствами. Служба моя въ комиссіи шла одинаково; я тяготился ею. Послѣ неудачной моей первой статьи, о которой я сказалъ выше, я написалъ другую, именно статью о богатствѣ и напечаталъ ее въ „Литературной Газетѣ“. Спусти недѣлю по напечатаніи ея, я пришелъ къ Гречу встрѣченъ былъ имъ не слишкомъ пріятно. Онъ объявилъ мнѣ, что въ мою статью поступила къ нему критика самая жестокая, ругательная. Это нѣсколько обезкуражило меня; боясь вліянія критики на публику, я сначала просилъ его не печатать ея, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя по близкимъ его отношеніямъ къ цензору. Онъ сдѣлалъ мнѣ одно только удовольствіе — далъ мнѣ предварительно прочесть критику. Дѣйствительно, она была написана чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и выходками самыми оскорбительными. Каждая мысль моя была разобрана, разругана. Но къ моему ободренію критика была глупая, выказывала совершенное незнаніе авторомъ политической экономіи. Я тотчасъ написалъ антикритику, но слогомъ скромнымъ, скромнымъ, какъ мнѣ посоветовалъ Сомовъ. Пришедъ къ Гречу, я просилъ его напечатать въ его журналѣ „Сынъ Отечества“,

ница, несмотря на свое неудовольствіе, оказала мнѣ при отпускѣ свои ласки и признательность. Отправляясь въ Петербургъ, я имѣлъ съ собою только 300 руб. ассигн. Я бѣжалъ на долгихъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Имѣя небольшое количество денегъ, я старался сберечь изъ нихъ, сколько можно. Посему я отказывалъ себѣ во всемъ. Приѣхавъ въ Москву, я явился къ брату Павлу, бывшему тогда правителемъ канцеляріи у генераль-губернатора Голицына и имѣвшему очень достаточное состояніе. Къ удивленію я былъ имъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ; онъ обвинялъ меня за рѣшимость служить въ Петербургъ и не сдѣлалъ никакого мнѣ пособія—далъ мнѣ только два письма къ своимъ знакомымъ—я и за это былъ ему благодаренъ. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ мнѣ нѣсколько полезенъ своими связями“.

Въ Петербургѣ Т. О., при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ, не оставлялъ и ученыхъ работъ.

„Баронъ, говоритъ онъ, принялъ меня ласково, но серьезно; съ Гибалемъ же я встрѣтился, какъ съ добрѣйшимъ пріелемъ. Я нанялъ квартиру на самомъ концѣ города въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ мѣста своей службы. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ я перешелъ на квартиру къ Гибалу и жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ—это было почти въ центрѣ города.

Величайшимъ несчастіемъ моимъ было то, что я въ комиссіи при самомъ вступленіи на должностъ встрѣтилъ новаго врага въ правителѣ канцеляріи Фоминѣ. Онъ за годъ передъ моимъ приѣздомъ получилъ медаль за рѣшеніе одной задачи по части политической экономіи. Зависть ко мнѣ, а болѣе, какъ мнѣ говорили сотоварищи, боязнь, чтобы я не заступилъ его мѣста, противопоставили его мнѣ. Онъ вскорѣ началъ нападать на меня, дѣлалъ мнѣ непрерывныя замѣчанія на счетъ незнанія формъ бумажныхъ и законовъ, чернилъ меня передъ барономъ, выставили меня вовсе неспособнымъ къ гражданской службѣ и довели меня до того, что я охладѣлъ къ моей должности и искалъ уже какой-либо перемѣны. Къ счастью моему въ это время назначенъ былъ вмѣсто Перовскаго новымъ Харьковскимъ попечителемъ Филатьевъ—онъ тогда жилъ еще въ Петербургѣ. Откупщикъ Козьма Никитичъ Кузневъ, проживавшій тогда тоже въ столицѣ, познакомилъ меня съ Филатьевымъ. Послѣдній, узнавъ всѣ мои обстоятельства, тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ съ тѣмъ только, чтобы я, оставшись на нѣкоторое время въ Петербургѣ, постарался напечатать сколько-нибудь статей по предметамъ политической экономіи. Я нѣсколько ободрился. Когда разсказалъ я объ этомъ

барону, обходившемуся впрочем со мною очень милостиво, то онъ посоветовалъ мнѣ принять предложеніе попечителя. Я рѣшился. Съ того времени Фоминъ сдѣлался ко мнѣ нѣсколько сговорчивѣе, но за то старался удалить меня отъ всѣхъ занятій. Скоро произошло со мною новое несчастье. Я жилъ вмѣстѣ съ Гибалемъ около мѣсяца. Онъ познакомилъ меня съ литераторомъ Гречемъ, черезъ другого товарища я познакомился съ незабвеннымъ для меня Сомовымъ, издателемъ „Литературной Газеты“. Я отдалъ Сомову для напечатанія въ газетѣ написанную мною критическую статью на статью Полевого, издававшего журналъ подъ названіемъ „Телеграфъ“. Въ критикѣ своей я опровергалъ нѣвнѣе его, будто всѣ событія и самыя революціи суть назначенія Провидѣнія. Критика моя была написана сильно и рѣзко. Сомовъ напечаталъ ее превосходною и читалъ ее предварительно многимъ ученымъ людямъ; потомъ отдалъ ее цензору Щеглову; но неизвѣстно почему Щегловъ не возвратилъ ее Сомову. На мой вопросъ Сомовъ сначала обѣщалъ меня подождать, потомъ отвѣчалъ мнѣ двусмысленно, увѣряя однако меня, что мнѣ нечего бояться. Какъ бы то ни было, только послѣдствіемъ были напечатаны многія мои статьи, а означенная критика навсегда была затеряна. Черезъ годъ Щегловъ умеръ. Я узнавалъ въ цензурномъ комитетѣ, не была ли статья моя передана въ оный, но и тамъ ея не нашлось. Двусмысленные отвѣты Сомова усугубляли мои опасенія, такъ что я сдѣлался боленъ и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здоровье мое было нѣсколько потревожено неблагоприятными обстоятельствами. Служба моя въ комиссіи шла одинаково; я тяготился ею. Послѣ удачной моей первой статьи, о которой я сказалъ выше, я написалъ другую, именно статью о богатствѣ и напечаталъ ее въ „Литературной Газетѣ“. Спусти недѣлю по напечатаніи ея, я пришелъ къ Гречу встрѣченъ былъ имъ не слишкомъ пріятно. Онъ объявилъ мнѣ, что мою статью постигла къ нему критика самая жестокая, ругательная. Это нѣсколько обезкуражило меня; боясь вліянія критики на публику, я сначала просилъ его не печатать ея, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя по близкимъ его отношеніямъ къ цензенту. Онъ сдѣлалъ мнѣ одно только удовольствіе — далъ мнѣ предварительно прочесть критику. Дѣйствительно, она была написана чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и выходками самыми оскорбительными. Каждая мысль моя была разобрана, разругана. Но къ моему ободренію критика была глупая, выказывала совершенное незнаніе авторомъ политической экономіи. Я тотчасъ написалъ антикритику, но слогомъ скромнымъ, скромнымъ, какъ мнѣ посоветовалъ Сомовъ. Пришедъ къ Гречу, я просилъ его напечатать въ его журналѣ „Сынъ Отечества“,

если можно въ одной книжкѣ критику и антикритику, или по крайней мѣрѣ послѣднюю въ слѣдующей книжкѣ. Къ полному удовольствію моему, Гречъ не печаталъ ни той, ни другой. Думаю, что кромѣ просьбы одного изъ моихъ пріятелей, дѣйствовавшаго на Греча, онъ убѣжденъ былъ въ нецѣлости критики. Затѣмъ уже Гречъ началъ печатать всѣ мои статьи въ своемъ журналѣ и сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ. Однажды, спустя годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, принесъ я къ нему статью о непроизводительномъ классѣ; онъ спросилъ меня, увѣренъ ли я, что въ ней нѣтъ ничего противнаго цензурѣ, въ такомъ случаѣ онъ не отдастъ ее цензору, а отдастъ немедленно въ печать. Сколько я могъ сообразить, отвѣчалъ ему утвердительно; но когда я пришелъ къ нему по прошествіи недѣли, онъ встрѣтилъ меня съ пріятельской бранью, сказавъ, какъ я могъ дать ему такую статью, что онъ нашелъ въ ней много противъ цензуры, и такъ много выпустилъ, переправилъ, что хотѣлъ даже совсѣмъ не печатать ее, но что не сдѣлалъ этого единственно изъ уваженія ко многимъ моимъ прекраснымъ мыслямъ. Кажется, онъ былъ слишкомъ строгъ, а я точно не опытенъ. Данные имъ мнѣ нѣкоторые совѣты были для меня впоследствии очень полезны, но, какъ я замѣтилъ, онъ сталъ еще болѣе уважать меня и нерѣдко называлъ меня русскимъ Сеемъ. Изъ нѣкоторыхъ наблюденій я увидѣлъ, что Булгаринъ былъ ко мнѣ нерасположенъ, что мнѣ далъ замѣтить даже самъ Гречъ; я никогда не забуду добраго его ко мнѣ вниманія. Баронъ продолжалъ по прежнему ко мнѣ свое расположеніе. Я скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ былъ у Шторха, извѣстнаго писателя политической экономіи, вице-президента академіи наукъ, пользовавшагося большимъ значеніемъ и славой. Я просилъ его прочесть мое сочиненіе и дать о немъ свое мнѣніе. Онъ обѣщалъ это сдѣлать. Послѣ сего, баронъ при свиданіи съ нимъ, просилъ съ своей стороны обратить на меня благосклонное вниманіе и, если можно, напечатать мое сочиненіе на счетъ суммъ академіи. Какъ скоро я явился къ Шторху, онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и сказалъ, что баронъ отозвался ему обо мнѣ съ отличной стороны, что я описалъ политическую экономію на началахъ философскихъ; затѣмъ спросилъ меня, какія это были начала, прибавивъ къ тому, что по слабости глазъ, онъ никакъ не въ состояніи прочесть моей рукописи. Я объяснилъ съ нимъ нѣсколько. Онъ предложилъ мнѣ прочесть ему какую-либо статью изъ моего труда и избралъ статью о богатствѣ. Когда я читалъ ему эту статью, заключавшую въ себѣ разборъ мнѣній писателей и мое собственное, онъ всталъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ и спросилъ меня, почему я приписалъ другому писателю то мнѣніе, которое

высказано было имъ еще прежде его; я отвѣчалъ ему на это довольно нѣжливо, но когда я увидѣлъ продолжающееся въ немъ неудовольствіе, то отвѣчалъ ему, что я всегда уважалъ его творенія и вполне согласенъ съ отзывомъ о немъ англійскаго писателя Макулоха, который считаетъ его сочиненіе лучшимъ на континентѣ. Но онъ не удовлетворился и этимъ, съ гнѣвомъ побѣжалъ въ кабинетъ, и вынесъ оттуда письма Мальтуса и Макулоха, говоря: „прочтите эти письма и вы увидите, какимъ я пользуюсь уваженіемъ въ Европѣ“. Признаюсь въ моей слабости — когда онъ удалился въ кабинетъ — и въ первый разъ почувствовалъ сладостное удовольствіе автора; я тогда торжествовалъ, ибо думалъ, что если бы мое сочиненіе не имѣло значенія въ глазахъ Шторха, то безъ сомнѣнія онъ не принялъ бы такъ строго моего образа мыслей. Мало-по-малу онъ успокоился, сдѣлался ко мнѣ ласковѣе, но обвинялъ меня въ томъ, почему я не написалъ сочиненія самаго простого, въ которомъ бы заключались истины уже доказанныя, не подлежащія спору, что моего сочиненія въ Россіи никто не можетъ понимать; наущіе же иностранныхъ авторовъ могутъ знакомиться съ политической экономіей изъ сочиненій иностранныхъ писателей. Я отвѣчалъ ему на это, что я слишкомъ много занимался наукой, что простое сочиненіе я могу написать впоследствии, если найду это нужнымъ, что и самимъ просвѣщеннымъ русскимъ пріятно будетъ на своемъ языкѣ прочесть сколько-нибудь высокое сочиненіе. Онъ опять мнѣ повторилъ одно и то же. Кажется, ему хотѣлось, чтобы я перемѣнилъ свой трудъ, но этого то я и не хотѣлъ. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что никакъ не можетъ напечатать моего сочиненія на счетъ академіи, потому что и своихъ собственныхъ сочиненій академія не въ состояніи напечатать. Такъ я съ нимъ и простился. Онъ просилъ меня чаще приходить къ нему. Черезъ недѣлю я опять зашелъ къ нему. Онъ принялъ меня съ необыкновенной ласкою, повелъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ на диванъ и долго разговаривалъ со мной на счетъ Россіи и управленія министерствомъ финансовъ Канкринымъ — управленіе ему не нравилось. Эта довѣренность такой osoby была для меня чрезвычайно лестна и вѣжлива. Прощаясь со мной, онъ предложилъ мнѣ свое посредничество для службы; онъ готовъ былъ дать мнѣ рекомендацію къ Канкрину и другимъ особамъ. Когда же я сказалъ ему, что я по разнымъ причинамъ возненавидѣлъ гражданскую службу, онъ предложилъ мнѣ написать къ Филатьеву о назначеніи меня профессоромъ. Я отказался и отъ этого, говоря, что Филатьевъ уже мнѣ самъ предложилъ это мѣсто; если же мнѣ будетъ когда-либо надобность въ его ходатайствѣ — я обращусь тогда къ нему съ просьбой. Странное дѣло, мнѣ никакъ не хо-

тѣлось воспользоваться предложеніемъ его покровительства — можетъ быть это происходило отъ авторскаго самолюбія, но хорошо ли и это сдѣлалъ—сомнѣваюсь. Ласкался къ нему, какъ обыкновенно поступаютъ въ свѣтѣ, я вѣроятно могъ бы выиграть черезъ него много. Послѣ сего я бывалъ у него нѣрѣдко, приносилъ ему мои напечатанныя статьи и онъ всегда оставался ими доволенъ, отзывался о нихъ съ похвалою. Это болѣе и болѣе ободряло и утѣшало меня; я отъ души благодарилъ Шторха, смотрѣвшаго на меня не какъ на ничтожнаго чиновника, но какъ на писателя, какъ бы то ни было. Вообще мои статьи были въ хорошемъ ходу въ Петербургѣ, мало-по-малу я пріобрѣлъ хорошую репутацію. Къ удивленію моему, Филатьевъ, попечитель, хотя на мои письма отвѣчалъ мнѣ очень ласково и отзывался обо мнѣ въ Харьковѣ съ большой похвалою, но не дѣлалъ министерству никакого представленія о моемъ назначеніи. Я прослышалъ, что Пауловичъ, всегда ко мнѣ нерасположенный, успѣлъ заискать его благосклонность. Эта ли причина или, быть можетъ, другая какая останавливали его. Такъ прошло два года, когда уже онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Между тѣмъ счастье мое въ Петербургѣ было не слишкомъ завидное....

Кругъ знакомства моего болѣе и болѣе распространялся, но лучшими моими пріятелями были—Сомовъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета—Никитенко и Гречъ. Первый и второй особенно старались помогать мнѣ своими совѣтами; Никитенко — отличнаго ума — дѣлилъ со мною время самымъ пріятнымъ образомъ. Къ концу двухъ лѣтъ мнѣ отыскивались учительскія мѣста, мнѣ совѣтовали оставаться въ столицѣ, но я не хотѣлъ разставаться со своими обычными занятіями. Въ Петербургскомъ же университетѣ не было вакатнаго мѣста по моему предмету. Я пріобрѣлъ еще случай познакомиться съ министромъ финансовъ, но я имѣлъ къ нему какую то непонятную антипатію: мнѣ никогда не нравился образъ его управленія. Притомъ во мнѣ поселилась ненависть къ гражданской службѣ, да и слабость здоровья пугала меня. Когда пріѣхалъ въ столицу попечитель Филатьевъ, я надѣялся рѣшить свою судьбу; онъ чрезвычайно обласкалъ меня. Я просилъ его сдѣлать меня прямо ординарнымъ профессоромъ, онъ обѣщалъ это, но дѣло день ото дня тянулось безъ успѣха. Наконецъ онъ признался мнѣ, что надо просить Шторха, потому что министръ просвѣщенія имѣетъ къ нему одному полное довѣріе. Какъ мнѣ ни хотѣлось обойтись безъ этой просьбы, но нечего было дѣлать, и долженъ былъ покориться необходимости, тѣмъ болѣе, что не только Филатьевъ, но и князь Шахматовъ-Ширинскій, пользовавшійся расположеніемъ министра и принимавшій во мнѣ большое участіе, не могъ ничего сдѣлать въ мою пользу

(онъ былъ тогда президентомъ иностраннаго цензурнаго комитета). Когда я пришелъ къ Шторху и высказалъ ему мою просьбу, онъ принялъ это съ величайшимъ удовольствіемъ и сказалъ мнѣ, что уже совсѣмъ собрался ѣхать на дачу въ Павловскъ, но для меня остается въ городѣ и поѣдетъ обѣдать къ министру. Въ тотъ же день представленіе попечителя обо мнѣ было утверждено; къ досадѣ моей Филатьевъ представилъ меня только въ экстраординарные профессора, боясь, что министръ рѣшительно не согласится опредѣлить меня въ званіи ординарнаго профессора. Шторхъ же, не зная этого, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, просилъ министра только объ утвержденіи предложенія попечителя. Впрочемъ попечитель обнадежилъ меня, сколько возможно, скорой переименованіемъ. Шторхъ же такъ былъ ко мнѣ ласковъ, что я крайне сожалѣлъ о своемъ неизвинительномъ упрямствѣ и вполнѣ считаю его своимъ благодѣтелемъ. Онъ сдѣлалъ для меня болѣе, нежели сколько заслужилъ того. Я пробылъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца. Въ это время назначенъ былъ товарищемъ министра Уваровъ, человекъ съ большою ученостію. Я представилъ ему мое разсужденіе о политической экономіи. Онъ обошелся со мною милостиво, но, какъ я замѣтилъ тогда, не совсѣмъ довѣрялъ точности этой науки. Такъ навсегда рѣшилась моя участь. Я оставлялъ столицу съ большимъ сожалѣніемъ, меня тяготило какое то непріятное чувство встрѣтить въ Харьковѣ новыя непріятности, такъ что это чувство тогда производило во мнѣ нерѣшимость ѣхать туда, — я иногда колебался, подумывалъ даже отказаться отъ предложеннаго мнѣ профессорскаго мѣста и, могу сказать, увлеченъ былъ къ тому какою то судьбою".

Обратимся теперь къ преподавательской дѣятельности профессоровъ и остановимся прежде всего на вопросѣ о *полнотѣ* преподаванія. (Мы знаемъ уже ¹⁾), какія кафедръ назначались по уставу 1804 года: на словесномъ отдѣленіи полагалось 6 кафедръ, на этико-политическомъ—7, физико-математическомъ—9 и медицинскомъ—6; всего 28 кафедръ, для коихъ предназначалось 28 профессоровъ и въ помощь имъ 2 адъюнктовъ, 3 лектора новыхъ языковъ и 3 учителя пріятныхъ искусствъ.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ этимъ требованіямъ устава удовлетворяла дѣйствительность.

На словесномъ отдѣленіи преподавателемъ словесности оставался въ своей смерти И. Е. Срезневскій; его помощникомъ былъ адъюнктъ (съ 1815 г.) Борзенковъ, получившій въ концѣ 1819 года званіе экстра-

¹⁾ Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1-й, стр. 543.

ординарнаго профессора и въ 1826 г. ординарнаго; въ 1823—24 учебн. году мы видимъ еще преподавателемъ по этому предмету адъюнкта Александра Васильевича Склабовскаго и кандидата Матвѣя Николаевича Протопопова. Склабовскій читалъ и въ слѣдующіе два года, а мѣсто Протопопова занялъ въ слѣдующемъ году кандидатъ Золотаревъ, получившій въ 1830—31 г. должность адъюнкта; въ 1831 году каѳедра эта переходитъ, за уходомъ Золотарева, къ кандидату Василю Алексѣевичу Якимову, который въ 1833 году былъ произведенъ въ адъюнкты. Всѣ эти лица, конечно, далеко и во всемъ уступали И. С. Рижскому и не выходили изъ средняго уровня, а нѣкоторые были и ниже его. Но нить преподаванія все-таки не прерывалась, хотя его вели подъ частъ кандидаты, ничѣмъ не заявившіе себя въ наукѣ; такъ было, напримѣръ, при Золотаревѣ.

Латинскій языкъ и словесность преподавали—послѣ отъѣзда Ромеля, Паки де Совиньи и временно Шадъ; въ 1817—1820 учебныхъ годахъ помогалъ Паки де Совиньи въ чтеніи латинскихъ авторовъ лекторъ Куницкій, состоявшій собственно при каѳедрѣ греческаго языка; въ 1819—1820 учебномъ году появился, наконецъ, настоящій и выдающійся представитель этой каѳедры Кронебергъ, сначала въ роли адъюнкта, но въ томъ же году произведенный въ экстраординарные профессора, а въ 1821 г. и въ ординарные; въ 1823—1824 учебномъ году у него появился помощникъ въ лицѣ кандидата Петра Ивановича Сокальскаго, получившаго въ 1827 году званіе адъюнкта. Каѳедра латинскаго языка была представлена блестяще Кронебергомъ, остававшимся на ней до своей смерти, послѣдовавшей уже во второй періодъ исторіи университета.

Греческій языкъ и словесность повидимому не имѣли преподавателя до пріѣзда изъ Москвы въ 1817 году лектора Куницкаго, получившаго въ 1818 г. званіе адъюнкта, а въ 1826 г. экстраординарнаго профессора; въ 1819 г. представителемъ этой каѳедры сдѣлался Джунковскій; послѣ его смерти оставался сначала одинъ Куницкій, умершій экстраординарнымъ профессоромъ въ 1832 г., а съ 1828 г. былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ этого предмета Э. К. Мауреръ, остававшійся до конца изучаемаго нами періода.

Каѳедру всеобщей исторіи и географіи до своего отъѣзда въ Петербургъ занималъ Дегуровъ, а помощникомъ у него былъ лекторъ Адамовичъ, который, съ отъѣздомъ Дегурова, въ 1817—1818 учебномъ году одинъ читалъ этотъ предметъ, а въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Филомафитскимъ и Гонорскимъ; въ 1819—1820 учебномъ году велъ курсъ всеобщей исторіи одинъ Филомафитскій; въ 1820—1821 году къ

нему присоединился еще Куницкій, объявившій курсъ статистики; представителемъ каѳедры до самой своей смерти оставался впрочемъ Филомафитскій, который ничѣмъ не заявилъ себя въ своей спеціальности. Несравненно большее значеніе имѣлъ его преемникъ *В. Ф. Цыль*, вступившій на каѳедру всеобщей исторіи въ 1831—1832 учебн. году и уже въ 1834 году перешедшій въ Кіевскій университетъ, гдѣ былъ ординарнымъ профессоромъ и ректоромъ и гдѣ оставилъ по себѣ самую свѣтлую память.

Каѳедру русской исторіи, географіи и статистики занималъ до своей смерти (въ 1820 г.) *Г. П. Успенскій* — гордость словеснаго факультета, а преемникомъ его былъ *П. П. Гулакь-Артемовскій*, приобрѣвшій популярность на другихъ поприщахъ дѣятельности, но не обладавшій глубокими познаніями въ своемъ предметѣ. Во всякомъ случаѣ чтеніе лекцій по этому предмету происходило безъ перерывовъ.

Каѳедра восточныхъ языковъ нашла себѣ достойнѣйшаго и, можно сказать, выдающагося представителя въ лицѣ *Дорна*, который занималъ ее до конца изучаемаго нами періода; до его же назначенія преподаванія по этому предмету съ 1815 по 1827 годъ не было.

На этико-политическомъ (выпѣшнемъ юридическомъ) факультетѣ каѳедра догматическаго и правоучительнаго богословія, пустовавшая въ теченіе первыхъ 14 лѣтъ со дня основанія университета была замѣщена съ 1819 г. протоіереемъ *Момилевскимъ*, остававшимся на ней и послѣ введенія новаго университетскаго устава 1835 года. Вторая каѳедра толкованія священнаго писанія и церковной исторіи вовсе не имѣла представителя. Каѳедру умозрительной и практической философіи занималъ первоначально знаменитый *Шадъ*, а послѣ его изгнанія ученикъ этого философа *Дудровичъ*, далеко уступавшій въ учености своему учителю; по смерти же его, послѣ нѣкотораго перерыва, его преемниками были извѣстные уже намъ отчасти Чановъ и его адъюнктъ Гренергъ, представлявшіе изъ себя жалкія народіи на преподавателей этого важнаго предмета. Въ 1834—1835 гг., съ выходомъ Чанова, предметъ этотъ вовсе не преподавался въ университетѣ. Каѳедра естественнаго, политическаго и народнаго права занята была первоначально профессоромъ *Рейтомъ* до его смерти, а съ 1825 г. временно велъ преподаваніе по ней Дудровичъ; послѣ него въ 1831 году открылъ было курсъ по этому предмету кандидатъ *А. Г. Крисоротовъ*, но скоро обратился къ исторіи римскаго права. Такимъ образомъ, съ 1825 по 1835 годъ каѳедра эта не имѣла самостоятельнаго представителя и по ней не всегда было даже обезпечено временное преподаваніе. Каѳедра русскаго гражданскаго и уголовнаго права первоначально замѣщена была временно

Г. П. Успенскимъ, который будучи специалистомъ по русской исторіи, считался однако знатокомъ и русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Послѣ него въ 1820—1821 учебномъ году преподавалъ этотъ предметъ *Пауловичъ*, въ 1821—1822 г.—*Михаловскій*, а потомъ снова *Пауловичъ*; съ 1825 году каѳедра эта была замѣщена выдающимся профессоромъ и ученымъ И. *Даниловичемъ*, который, однако, къ сожалѣнію, получалъ продолжительныя служебныя командировки и подолгу не читалъ своего предмета; въ отсутствіе его въ 1830—1831 учебномъ году читалъ его курсъ кандидатъ Н. Т. *Спасскій*, въ 1831—1832 г. пріѣхалъ и открылъ курсъ по этому предмету адъюнктъ А. К. *Бабицего*; съ этого же года совмѣстно съ нимъ началъ чтеніе лекцій по этой наукѣ Г. С. *Гордѣнко*, оставшійся съ 1833 года единственнымъ преподавателемъ этого предмета и сдѣлавшійся вскорѣ достойнѣйшимъ и выдающимся представителемъ своей каѳедры. Каѳедра права древнихъ и новыхъ народовъ (въ томъ числѣ римскаго) была занята *Пауловичемъ* до 1834 года, когда онъ вышелъ въ отставку и его курсъ сталъ читать адъюнктъ *Криворотовъ*, помогавшій впрочемъ *Пауловичу* въ чтеніи части его предмета уже съ 1831 года. Каѳедру дипломатики и политической экономіи до смерти своей занималъ *Лангъ*; послѣ него съ 1820 по 1825 годъ его курсы временно преподавалъ *Рейтъ*; въ 1825 году эти науки также временно сталъ читать *Пауловичъ* и только съ 1832 года предметы эти стали преподаваться настоящимъ специалистомъ—профессоромъ Т. Θ. *Степановымъ*, бывшимъ украшеніемъ своего факультета. Такимъ образомъ, каѳедра эта оставалась вакантною въ теченіе 13 лѣтъ.

По физико-математическому факультету каѳедра чистой математики имѣла до 1821 года достойнѣйшаго представителя въ лицѣ проф. Т. Θ. *Осиповскаго*; помощникомъ у него былъ его ученикъ А. Θ. *Павловскій*; мѣсто *Осиповскаго* занялъ съ 1821 года *Байковъ*; оба эти профессора вели дѣло преподаванія чистой математики до 1832 года, когда мѣсто *Байкова*, оставившаго Харьковскій университетъ, занялъ кандидатъ *Дьяченко*, а главнымъ представителемъ каѳедры остался *Павловскій*. Представителемъ каѳедры прикладной математики былъ все время *Архангельскій*, читавшій механику, а *Васильевъ* преподавалъ иногда практическую геометрію съ геодезіей. Гораздо хуже обстояло дѣло съ астрономіей. Временно преподаваніе по этому предмету велъ въ началѣ *Осиповскій*. Вскорѣ правда появился самостоятельный преподаватель астрономіи ординарный профессоръ *Литровъ*, но въ 1820 г. мы его уже не находимъ и только въ 1824 году былъ подготовленъ специалистъ по этому предмету въ лицѣ Б. А. *Затеплинскаго*, который, къ сожалѣнію, скоро заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ и каѳедра снова нѣкоторое

время была вакантна и только въ 1834 году занята была новымъ спеціалистомъ *Шагинимъ*. Каѳедра физики все время занята была *Коммунинскимъ*; съ 1827 года къ нему присоединился *Правицкій*. Представителемъ каѳедры химіи былъ все время *Сухомлиновъ*. Зоологію и ботанику читалъ сначала извѣстный намъ *Делявинъ* — спеціалистъ по ботаникѣ; помощниками у него были *Тауберъ*, читавшій минералогію, и *Я. Н. Громовъ*, преподававшій до перехода своего на медицинскій факультетъ зоологію. Затѣмъ выдающимся представителемъ этой каѳедры дѣлался по смерти проф. Делявина профессоръ ботаники *В. М. Черняевъ*, остававшійся на этой каѳедрѣ и въ слѣдующій періодъ исторіи университета; минералогію и зоологію сталъ читать съ 1825 года *Кришкій*. По каѳедрѣ „сельскаго домоводства“ былъ сначала *Нельдегенъ*, а послѣ удаленія его изъ университета преподаваніе этого предмета было поручено *Джунковскому*; въ 1828 году читалъ этотъ предметъ *Сухомлиновъ*, съ слѣдующаго года *Байковъ*. Каѳедра же оставалась все время незамѣщенной. Почти тоже нужно сказать и относительно каѳедры технологіи — по ней временно велось преподаваніе сначала *Нельдегенъ*, затѣмъ съ 1821 года оно было поручено приглашенному для этого профессору *Дьячкову*, а съ 1833 года — *Сухомлинову*. По каѳедрѣ военныхъ наукъ Харьковскій университетъ приготовилъ себѣ преподавателя въ лицѣ *Робуша*, читавшаго этотъ предметъ до 1833 года. Наконецъ, кромѣ этихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, была еще одна — архитектуры, занятая извѣстнымъ намъ *Васильевымъ*, читавшимъ сверхъ того иногда курсы по математикѣ; онъ занималъ ее до своего невольнаго выхода въ отставку въ 1832 году.

На медицинскомъ факультетѣ каѳедра анатоміи, фізіологіи и сущности медицины занята была первоначально проф. *И. Книшнимъ*, помощникомъ у него былъ нѣсколько времени прозекторъ *Дукинъ*, затѣмъ *Венедиктовымъ* и отчасти его помощникомъ *Леоновымъ*. Каѳедру патологіи, терапіи и клиники занималъ сначала *Дрейсигъ*, а послѣ его смерти въ 1819 и 1820 гг. временно читалъ курсъ по этому предмету *Гингинъ*, въ 1821 году — часть курса (общую и частную патологію) *Гингинъ* (одинъ годъ), потомъ *Рейпольскій* (съ 1824 года), а съ 1828 года *Брандейсъ*, ведшій и клинику, потомъ остался одинъ *Рейпольскій* и отчасти ему помогаль *Блументаль*. Такимъ образомъ въ сущности на протяжении этого времени представителемъ этой каѳедры послѣ смерти *Дрейсига* былъ только *Брандейсъ*. Каѳедру хирургіи первоначально занималъ *Шумлянскій*, помощникомъ же у него былъ *Колумна Винура*, потомъ она нѣсколько лѣтъ была вакантна, а съ 1821 года ее занялъ *Н. И. Еллинскій*, помощникомъ у него въ послѣднее время былъ *Кригеръ*, но ка-

каѳедра была вакантна; въ 1834 году на нее назначенъ былъ *Бутковский*. Каѳедра акушерства была занята раньше *Каменскимъ*, потомъ съ 1824 г. *Богородицкимъ*, съ 1827 года *Блументалемъ*, съ 1834 года *Ганомъ*. Каѳедра ветеринаріи занята была первоначально знаменитымъ *Пильгеномъ*, а послѣ него скромнымъ *Экбладомъ*. Наконецъ, шестая каѳедра фармакологіи и фармаціи занята была первоначально *Ваннотти* и *Боляревскимъ*, затѣмъ *Громовымъ* до 1834 г., наконецъ въ 1834—1835 учебномъ году *Е. С. Гордѣнкомъ*.

Изъ представленныхъ данныхъ видно, что на словесномъ отдѣленіи долго оставалась вакантною только каѳедра восточныхъ языковъ; по остальнымъ предметамъ, хотя по временамъ, каѳедры и не были замѣщены, но преподаваніе шло безъ перерыва. На этико-политическомъ факультетѣ все время не была занята каѳедра церковной исторіи, нѣсколько первыхъ лѣтъ—богословія, были перерывы въ чтеніи философіи и русскаго права; оставалась безъ специалиста долгое время каѳедра политической экономіи и естественнаго права. На физико-математическомъ факультетѣ долго оставались вакантными каѳедры астрономіи, сельскаго хозяйства и технологіи. На медицинскомъ факультетѣ оставались не замѣщенными каѳедры патологіи и терапіи съ клинкой и хирургіи.

Преподаваніе въ такихъ случаяхъ старались обезпечить наличными силами преподавательскаго персонала, который, вообще говоря, былъ не великъ—значительно меньше требованій устава. По уставу, какъ мы уже знаемъ, полный штатъ профессоровъ и адъюнктовъ долженъ былъ бы состоять изъ 40 душъ—28 профессоровъ (т. е. въ среднемъ по 7 на факультетъ) и 12 адъюнктовъ (по 3 на факультетъ), иначе говоря, должно было бы быть по 10 преподавателей на факультетѣ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Представимъ по этому вопросу статистическія данныя ¹⁾.

Въ 1815—1816 учебномъ году на этико-политическомъ факультетѣ было 4 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ—4 профессора и 3 адъюнкта, на словесномъ—4 профессора и 2 адъюнкта, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 18 профессоровъ и 9 адъюнктовъ—27 душъ (мы для краткости помещаемъ въ число адъюнктовъ и преподавателей, не имѣвшихъ еще званія адъюнкта). Въ 1816—1817 учебномъ году на словесномъ факультетѣ было 4 профессора, 3 преподавателя, всего 7 душъ; на этико-политическомъ—3 профессора и 2 адъюнкта, всего 5 душъ; на физико-математическомъ

¹⁾ Данныя эти извлечены нами частію изъ ежегодныхъ обзорѣній преподаваній, частію изъ ежегодныхъ формулярныхъ свѣдѣній преподавателей.

—4 профессора и 7 адъюнктовъ, всего 11 душъ; на медицинскомъ— 6 профессоровъ и 2 адъюнкта, всего 8 душъ; а всѣхъ 31 человѣкъ, въ томъ числѣ 17 профессоровъ и 14 адъюнктовъ. Недоставало, слѣдовательно, 11 профессоровъ и было лишннихъ два адъюнкта: на словесномъ факультетѣ недоставало двухъ профессоровъ, на этико-политическомъ — 4, на медицинскомъ было требуемое уставомъ число. Если присоединить къ числу профессоровъ еще адъюнктовъ и кандидатовъ, читавшихъ по вакантнымъ каедамъ, то тѣхъ и другихъ окажется почти столько же, сколько требовалось по уставу однихъ профессоровъ. Иными словами, многія кафедры были заняты адъюнктами и даже отчасти кандидатами. Въ 1817—1818 учебномъ году было на словесномъ факультетѣ 6 преподавателей, на этико-политическомъ — 4, физико-математическомъ—9, на медицинскомъ—7; всѣхъ 26 душъ. Недоставало, слѣдовательно, 14 преподавателей; всѣхъ преподавателей было меньше, чѣмъ требовалось по уставу однихъ профессоровъ. Въ 1818—1819 учебномъ году на этико-политическомъ факультетѣ было 3 профессора и 1 адъюнктъ, на физико-математическомъ — 4 профессора и 1 адъюнктовъ, на медицинскомъ — 5 профессоровъ и 1 адъюнктъ, на словесномъ 3 профессора и 5 преподавателей; всего 15 профессоровъ и 3 преподавателей—28 душъ. Въ 1819—1820 году на этико-политическомъ факультетѣ—4 профессора, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнктъ, на словесномъ—7 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 27 профессоровъ и 5 преподавателей—32 человѣка. Въ 1820—1821 учебн. году на этико-политическомъ факультетѣ было 4 профессора, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 2 адъюнкта, на медицинскомъ—4 профессора, на словесномъ—4 профессора и 3 преподавателя; всего 19 профессоровъ и 5 преподавателей—24 души. Въ 1821—1822 году на словесномъ факультетѣ—4 профессора и 3 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора и 1 адъюнктъ, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 3 адъюнкта, на медицинскомъ—3 профессора и 1 адъюнктъ; всего 18 профессоровъ и 8 преподавателей—26 душъ. Въ 1822—1823 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 1 адъюнкта, на медицинскомъ—3 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 3 адъюнкта, на этико-политическомъ—4 профессора и 1 адъюнктъ; всего 18 профессоровъ и 9 адъюнктовъ—27 душъ. Въ 1823—1824 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 3 преподавателя, на медицинскомъ—2 профессора и 3 адъюнкта, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 3 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора и 1 преподаватель; всего 17 про-

фессоровъ и 10 преподавателей—27 душъ. Въ 1824—1825 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 4 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на медицинскомъ—4 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 3 адъюнкта; всего 17 профессоровъ и 9 преподавателей—27 душъ. Въ 1825—1826 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 4 преподавателя, на медицинскомъ—4 профессора и 3 преподавателя, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 5 преподавателей, на этико-политическомъ 4 професора; всего 18 профессоровъ и 12 преподавателей—30 душъ. Въ 1826—1827 учебн. году—было на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 4 преподавателя, на медицинскомъ—5 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 23 профессора и 8 преподавателей—31 человекъ. Въ 1827—1828 учебн. году—на словесномъ факультетѣ было 6 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 4 адъюнкта, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнкты; всего 23 профессора и 7 преподавателей—30 душъ. Въ 1828—1829 уч. году на словесномъ факультетѣ—4 профессора и 4 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 3 преподавателя, на медицинскомъ—4 профессора и 2 преподавателя; всего 18 профессоровъ и 9 преподавателей—27 душъ. Въ 1829—1830 учебн. году на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнкты; всего 27 профессоровъ и 5 преподавателей—32 души. Въ 1830—1831 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 адъюнкта, на этико-политическомъ—3 профессора и 2 преподавателя, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнкты; всего 26 профессоровъ и 7 преподавателей—33 человекъ. Въ 1831—1832 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 6 профессоровъ и 1 преподаватель, на этико-политическомъ—3 профессора, на физико-математическомъ 10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—7 профессоровъ; всего 26 профессоровъ и 3 преподавателя—29 человекъ. Въ 1832—1833 году—на словесномъ факультетѣ было 5 профессоровъ и 3 преподавателя, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 1 преподаватель, на этико-политическомъ—4 профессора и 4 преподавателя, на медицинскомъ—7 профессоровъ; всего 26 профессоровъ и 8 преподавателей—34 души. Въ 1833—1834 учебн. году—на словесномъ

факультетъ — 5 профессоровъ и 4 преподавателя, на этико-политическомъ — 5 профессоровъ и 2 преподавателя, на физико-математическомъ — 7 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ — 5 профессоровъ и 2 преподавателя; всего 22 профессора и 10 преподавателей — 32 человекъ. Въ 1834—1835 учебн. году на словесномъ факультетѣ было 6 профессоровъ и 2 преподавателя, на физико-математическомъ — 6 профессоровъ и 4 преподавателя, на этико-политическомъ — 3 профессора и 2 преподавателя, на медицинскомъ — 6 профессоровъ и 3 преподавателя; всего 21 профессоръ и 11 преподавателей — 32 человекъ.

И такъ, среднее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ по всѣмъ факультетамъ за изучаемый нами періодъ времени (т. е. за 20 лѣтъ) равнялось $29\frac{1}{4}$, въ то время какъ по уставу требовалось ихъ 40, т. е. иными словами недоставало болѣе 25%. Самыми печальными годами по числу преподавателей являются — 1815 (27), 1817 (26), 1820 (24), 1821 (26), 1822 (27), 1823 (27), 1824 (27), 1828 (27); самыми лучшими — 1819 (32), 1826 (31), 1829 (32), 1830 (33), 1832 (34). Среднее число однихъ профессоровъ (за 19 лѣтъ) равнялось почти 21; среднее число преподавателей — $8\frac{1}{2}$, т. е. профессоровъ недоставало до нормы ежегодно 7, а адъюнктовъ $3\frac{1}{2}$. Между факультетами преподаватели распредѣлялись такъ: на долю словеснаго факультета приходилось въ среднемъ (за 20 лѣтъ) въ годъ $7\frac{3}{4}$, физико-математическаго — $10\frac{1}{4}$, этико-политическаго — $4\frac{3}{4}$ и медицинскаго — $6\frac{1}{2}$. Недоставало до нормы устава (если приурочить къ каждому факультету по 3 адъюнкта), по словесному факультету $1\frac{1}{4}$, по физико-математическому факультету — $1\frac{3}{4}$, медицинскому — $2\frac{1}{2}$ и этико-политическому — $5\frac{1}{4}$, иными словами, по обезпеченію факультетовъ преподавателями они идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: словесный (наилучше обезпеченный), физико-математическій, медицинскій и этико-политическій. Колебанія по годамъ на одномъ и томъ же факультетѣ были значительны: на этико-политическомъ максимальное число преподавателей равнялось 8, минимальное — 3, на медицинскомъ максимальное — 9, минимальное — 4, на физико-математическомъ максимальное — 12, минимальное — 7, на словесномъ максимальное — 9, минимальное — 6. Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находился словесный факультетъ, за нимъ слѣдовали физико-математическій, медицинскій и этико-политическій.

Если сравнить эти цифры съ цифрами 1-го десятилѣтія, то окажется слѣдующее: среднее число преподавателей тогда равнялось 24 въ годъ, а средній ежегодный дефицитъ ихъ былъ равенъ 16 ¹⁾. Слѣ-

¹⁾ Мой „Опытъ исторіи Харьк. университета“, т. 1-й, стр. 222.

довательно, общая норма все-таки возвысилась съ 24 до 29^{1/4}, а дефицитъ уменьшился съ 16 до 10^{3/4}.

Посмотримъ теперь, какіе курсы читали профессора и преподаватели и какими пособіями они пользовались.

И. Е. Срезневскій читалъ курсъ теоретической и практической эстетики и критики и хотѣлъ присоединить къ нему, если позволить время, изложеніе аналитической исторіи изящныхъ наукъ и искусствъ и разбиралъ сочиненія своихъ слушателей.

Борзенковъ читалъ введеніе въ кругъ словесности, риторику и піитику по Рижскому съ упражненіями въ слогъ, потомъ эстетику и критику по Мейнерсу, исторію русской словесности по руководству Греча.

Склабовскій преподавалъ поэзію и философскую грамматику (1-ю по Влеру, Гречу и Остолопову).

Золотаревъ читалъ риторику по Рижскому, поэзію, исторію русской словесности, временно логику и психологію по рукописи Дудровича.

Якимовъ читалъ риторику, піитику, исторію русской словесности, теорію словесности и велъ практическія занятія.

Дегуровъ на латинскомъ языкѣ излагалъ новую исторію; преподавалъ также и французскій языкъ (литературу).

Филомафитскій читалъ всеобщую исторію по руководствамъ Шлецера и Кайданова, географію (по Клюверію), а потомъ по собственному руководству, одобренному начальствомъ, объяснялъ особенности древнихъ и новыхъ историковъ.

Гонорскій велъ преподаваніе по всеобщей исторіи, всеобщей географіи (по Зябловскому) и статистикѣ (по собственнымъ запискамъ и Мейзелю).

Адамовичъ также читалъ всеобщую исторію (среднюю и новую) по Зябловскому, дѣлая прибавленія изъ лучшихъ историческихъ писателей.

Цыхъ читалъ всеобщую исторію по Геерену и своему конспекту.

Успенскій читалъ систематическій курсъ русской исторіи, географію и статистику Россійской имперіи (по своимъ запискамъ). Потомъ эти же курсы—русской исторіи, географіи и статистики читалъ Гулак-Артемовскій: 1-й курсъ по Константинову, а потомъ по своимъ запискамъ, одобреннымъ ученымъ комитетомъ, 2-й курсъ—по Зябловскому и Арсеньеву, а потомъ и по своимъ запискамъ.

Дудровичъ читалъ по-русски и по-латыни эмпирическую психологію, логику и велъ по этой послѣдней практическія занятія, состоявшія въ диспутахъ для развитія силлогистическаго искусства; читалъ и курсъ нравственной философіи, руководствуясь преимущественно Карпіемъ, и

исторію философіи по руководству Аста, введеніе во всеобщую философію и частное естественное право по соч. Eggera: „Das natürliche Privat-recht nach dem Lehrbuche des Zeiller über das selbe von Egger. Wien und Triest, 1815“, общее естественное право по началамъ Мартини и придерживаясь сочиненія Мемели, и естественное право народовъ по соч. Eggera: „Das natürliche öffentliche Recht.“

Шадъ преподавалъ философію, а въ качествѣ временнаго лектора латинскаго языка переводилъ со студентами сочиненія Цицерона о дружбѣ и старости и сатиры Горація.

Чановъ читалъ нравственную философію, исторію философіи, теорію эстетики и указывалъ лучшихъ авторовъ для чтенія.

Протопоповъ читалъ логику по запискамъ Дудровича, а временно риторику.

Гренбергъ читалъ логику и психологію по конспекту Чанова.

Паки де Совиньи читалъ младшій курсъ латинскаго языка, объяснялъ грамматику, переводилъ легкихъ прозаиковъ и упражнялъ своихъ слушателей въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ, объяснялъ оды Гомація, сочиненіе Цицерона о должностяхъ и Архіи поэтѣ, излагалъ исторію греческихъ и римскихъ писателей, читалъ исторію французскаго языка и словесность по своей книгѣ „Cours de langue et de litterature française“.

Кронебергъ объяснялъ римскихъ классиковъ (Тацита, Горація и Цицерона), преподавалъ филологическую энциклопедію, римскія древности, по изданной имъ книгѣ „Antiquitates romanae“ и исторію римской словесности, велъ преподаваніе по нѣмецкой словесности.

Сокальскій объяснялъ легчайшихъ римскихъ авторовъ, Федровы басни, Цицерона, Энеиду, переводилъ съ латинскаго на русскій и обратно, читалъ исторію римской словесности по руководству Филеборна и римскія древности по книгѣ Кронеберга.

Кувицкій читалъ исторію греческой литературы по руководству Шенбурга, греческую грамматику и занимался переводомъ по хрестоматіи Гедике и стихотворной хрестоматіи Беленъ де Баллю и писателей по изданію Матен; съ любителями занимался объясненіями сочиненій Цицерона—Ораторъ и О дружбѣ, Virgiliевыхъ Георгикъ, Голиціевой книги о стихотворномъ искусствѣ и метрикой; кромѣ того переводилъ Платонова Критона, велъ курсъ мифологіи, теорію статистики по сочиненію Германа и географію важнѣйшихъ европейскихъ государствъ по Гейму, читалъ специальный курсъ о сходствѣ латинскаго и славянскаго языковъ.

Джунковский преподавал греческую словесность по руководству Эшенбурга и по собственным запискамъ, переводилъ Иліаду Гомера, излагалъ греческія древности по Бозію.

Мауреръ читалъ греческую грамматику, педагогію и комментировалъ *Anabasis* Ксенофонта, Плутарха, Гомера Одиссею, *Θεοκριτα*.

Дорвь объяснилъ персидскую хресторатію Болдырева и Вильяненія, арабскую грамматику, алкоранъ, изданный въ Казани, преподавалъ желающимъ санскритскій языкъ, читалъ персидскій, арабскій и турецкій языки, а также турецкую хрестоматію Летельера, исторію персидской литературы, для желающихъ еврейскій и эфиопскій языки, обучалъ англійскому языку и читалъ книгу Гольдсмита „*The vicar of Wakefield*“.

По французскому языку Паки де Совиньи разбиралъ лучшихъ прозаиковъ, въ особенности Разговоры мертвыхъ и похождения Телемака, Фенелова, болѣе же успѣвшимъ объяснялъ Вольтерову Генріаду, стихотворную науку и сатиры Буало, читалъ курсъ французской литературы по Лагарпу и Боало.

Гонорскій преподавалъ нѣмецкій языкъ, сравнивалъ идиотизмы обоихъ языковъ, упражнялъ въ разговорахъ и читалъ краткій курсъ нѣмецкой литературы.

На этико-политическомъ факультетѣ Могилевскій преподавалъ богоизваніе и христіанское ученіе (первое по Фальковскому и Теофилакту, второе—по своимъ запискамъ), объяснялъ евангеліе и апостольскія посланія.

Лингъ читалъ народную экономію, политическую ариѳметику (т. е. политическую экономію и статистику) и науку объ общественныхъ доходахъ (т. е. финансовое право) по собственнымъ запискамъ.

Степановъ читалъ политическую экономію.

Рейтъ преподавалъ на латинскомъ языкѣ естественное право по руководствамъ Мейстера, Мартини и Гроса „*Lehrbuch der philosophischen Rechts—wissenschaft oder des Natur—Rechts*, 1812 и Карпе „*Philosophische Rechtslehre*“, естественное, политическое, народное право по руководству Клейца „*Grundsätze der natürlichen Rechts—Wissenschaft*“, Halle, 1891; читалъ онъ также временно политическую экономію по руководству Шторха и по сочиненію Якоба „*Grundsätze der National Oekonomie*“, 1809, и дипломатику по собственнымъ запискамъ.

Криворотовъ читалъ естественное право по руководству Мартини „*Positiones de lege naturali*“, исторію римскаго права по конспекту проф. Пауловича, объяснялъ пандекты и институты.

Пауловичъ читалъ курсъ исторіи римскаго права по руководству Баха, догмы его (по выпискамъ изъ Гейнекція и Вальдека), уголовного

права по собственнымъ запискамъ, энциклопедіи и методологіи права древнихъ и новѣйшихъ народовъ (на латинскомъ языкѣ), русскаго права (временно) по руководству Венямина Зернова, временно политической экономіи отчасти по теоріи Ад. Смита, а отчасти по руководству Шлецера, наконецъ дипломатики по сочиненію Мартенса.

Успенскій на этико-политическомъ факультетѣ преподавалъ исторію русскаго права вообще и русское уголовное и гражданское право и практику въ обоихъ правахъ (т. е. уголовномъ и гражданскомъ), по собственнымъ запискамъ, а также специальный курсъ литовскаго, курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго права.

Даниловичъ читалъ русское гражданское право и судопроизводство по руководству Венямина Зернова со своими дополненіями, а потомъ по своимъ запискамъ, частныя постановленія присоединенныхъ областей, русское уголовное право, слѣдуя Генке и по собственнымъ запискамъ, показывалъ порядокъ уголовного судопроизводства въ Россіи.

Михаловскій преподавалъ русское уголовное и гражданское право по собственнымъ запискамъ.

Спасскій излагалъ гражданское и уголовное право и судопроизводство.

Бабичевъ читалъ русское публичное право, русское уголовное и гражданское судопроизводство.

Гордѣенко преподавалъ русское гражданское право, руководствуясь сводомъ законовъ и своимъ конспектомъ.

На физико-математическомъ факультетѣ Осиповскій излагалъ курсъ интегральнаго и вариационнаго исчисленія и приложенія аналитическихъ функцій къ высшей геометріи по собственнымъ запискамъ, оптику по Лакалю, астрономію по Біоту.

Павловскій читалъ алгебру, обыкновенную и высшую геометрію, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія, теорію аналитическихъ функцій по руководству Осиповскаго, а потомъ по собственнымъ запискамъ.

Байковъ преподавалъ низшую чистую математику по руководству Осиповскаго и Эйлера, высшую чистую алгебру, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, практическую геометрію по руководству Осиповскаго и Франкера, временно сельское хозяйство по руководству Таёра и обучалъ практической съемкѣ и исчисленіямъ на косточкахъ по способу Свободскаго.

Архангельскій излагалъ переведенную имъ на русскій языкъ Франкелюву механику, одно время оптику по руководству Бюржа и Делакаль,

а также приложеніе механическихъ началъ къ употребленію машинъ по сочиненію Чижова со своими прибавленіями.

Дыченко читалъ чистую математику, практическую геометрію, счетъ по системѣ Свободскаго и оптику по Архангельскому.

Васильевъ велъ преподаваніе по архитектурѣ, основываясь на руководствѣ Дюранда и собственныхъ запискахъ, а сверхъ того преподавалъ практическую геометрію съ началами геодезіи и упражнялъ въ черченіи.

Робушъ излагалъ полевою фортификацію по руководству Вернона и Бусмаера, долговременную фортификацію по руководству Сенполя, теорію осады и защиты крѣпостей, артиллерію по руководству Гогеля, занималъ своихъ слушателей черченіемъ плановъ.

Комлишинскій преподавалъ теоретическую физику по сочиненію, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, а потомъ по собственнымъ запискамъ, прикладную физику по Мейеру, физическую географію и метеорологію по собственнымъ запискамъ, физическую астрономію и технологию по Денисову.

Правицкій, подъ руководствомъ Комлишинскаго, читалъ общую физику для медиковъ студентовъ.

Сухоминовъ читалъ химію по руководству Гизе, теорію химіи и стехиометрію по собственнымъ запискамъ, временно—минералогію, сельское хозяйство по Павлову и Бекману и технологию.

Тауберъ преподавалъ минералогію по-латыни, придерживаясь химической системы Карстена, представленной въ минералогическихъ таблицахъ, ориктогнозію по русскому сокращенію Фишера и геогнозію.

Делявинъ читалъ на латинскомъ языкѣ зоологію по Blumenbachу, ботанику по руководству Вильденова и по собственнымъ запискамъ, а по утрамъ въ субботы при благоприятной погодѣ демонстрировалъ растенія въ университетскомъ саду или на загородныхъ прогулкахъ.

Черниевъ читалъ первоначально общее обозрѣніе естественной исторіи, потомъ ботанику по Вильденову, Ришару и Горяинову (Начальныя основанія ботаники. Сиб., 1827 г.), роды растеній вообще по Декандолю и харьковской флоры на живыхъ сухихъ растеніяхъ по своимъ запискамъ, весною и лѣтомъ разъ въ недѣлю дѣлалъ со своими слушателями ботаническія экскурсіи.

Криницкій преподавалъ минералогію по Фишеру, Щеглову и своимъ запискамъ, зоологію по Кювье, Яродскому и своимъ запискамъ.

Дьячковъ читалъ технологию съ коммерціей по руководству Бекмана и Двигубскаго съ собственными примѣчаніями.